

БИБЛИОТЕКА НОВѢЙШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Томъ ХІХ.

Гансъ Доминикъ

Лучи смерти

Р О М А Н Ъ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ГРАМАТУ ДРАУГСЪ“
РИГА, ПЕТРОЦЕРКОВНАЯ ПЛОЩАДЬ, № 37.

1

9

2

7

Spiestuve „RECORDS“
Elizabetes ielā Nr. 22.

Часть первая

«Тайна Зингъ-Зингъ. Экстренная телеграмма: Зингъ-Зингъ, 16 іюня, 6 часовъ утра. Трижды на электрическомъ стулѣ! Токъ трижды переставалъ дѣйствовать! Въ третій разъ машина сломалась. Преступникъ невредимъ»...

Нью-Іоркскіе газетчики пронзительно выкрикивали отдѣльные заголовки сенсационнаго извѣстія прямо въ уши тысячамъ людей, которые въ восьмомъ часу іюньскаго утра потокомъ выливались изъ переполненныхъ пароходовъ и отверстій подземныхъ желѣзныхъ дорогъ, спѣша на мѣсто службы. Почти каждый изъ тысячеголовой толпы брался за карманъ, чтобы за пятицентовикъ пріобрѣсти еще влажный листокъ и на улицѣ или въ лифтѣ пробѣжать необыкновенное сообщеніе.

Лишь немногіе изъ этой городской толпы имѣли понятіе о томъ, что въ этотъ день, въ шесть часовъ утра, была назначена электрическая казнь въ исправительномъ домѣ штата Нью-Іоркъ. Подобныя казни интересовали нью-іоркскую публику только въ тѣхъ случаяхъ, когда знаменитые адвокаты въ теченіе мѣсяцевъ боролись за жизнь осужденныхъ или когда съ казнью что-нибудь обстояло неладно. иногда преступникъ долгое время долженъ былъ подвергаться дѣйствию тока, прежде чѣмъ онъ, наконецъ, бывалъ подготовленъ для скальпеля. Иные, уже подъ самымъ ножомъ, просыпались съ тяжелымъ хрипѣніемъ.

Но янки никогда не поднимали слишкомъ много шума по поводу такихъ обстоятельствъ; ни въ то время, когда страна управлялась президентами, заново выбравшимися каждые четыре года, ни тѣмъ менѣе теперь, подъ желѣзнымъ кулакомъ президента диктатора Цируса Стонарда.

Прежде чѣмъ послѣдніе экземпляры только что появившагося сообщенія нашли своихъ покупателей, новая

толпа мальчишекъ газетчиковъ, со слѣдующимъ выпускомъ утреннихъ газетъ устремилась вдоль по Бродвею.

«Загадка Зингъ-Зингъ! Зингъ-зингъ, шесть часовъ двадцать пять минутъ. Электрическая станція Зингъ-Зингъ разрушена. Осужденнаго зовутъ Логгъ Саръ. Происхожденіе неизвѣстно. Не американецъ! Приговоренъ къ смерти за попытку взорвать шлюзъ въ Панамскомъ каналѣ».

«Зингъ-Зингъ, шесть часовъ пятьдесятъ минутъ. Свидѣтель въ качествѣ соучастника! По всѣмъ вѣроятіямъ преступникъ бѣжалъ при помощи одного изъ двѣнадцати свидѣтелей, присутствовавшихъ при казни».

«Зингъ-Зингъ, семь часовъ. Последнія извѣстія изъ Зингъ-Зингъ! Бѣгство въ автомобиль! Невѣроятное происшествіе! Очевидцами установлено, что преступникъ, выдѣлявшійся благодаря своей одеждѣ, въ сопровожденіи свидѣтеля Вильямса сѣлъ въ стоявшій у воротъ автомобиль. Они умчались съ бѣшеной быстротой. Слѣды утеряны. Тюремная администрація и полиція безпомощны».

На углу Бродвея, тамъ, гдѣ вздымается Флатъ Айронъ, круто остановился автомобиль. Сидѣвшій въ немъ вырвалъ изъ рукъ мальчишки газетчика второй экстренный выпускъ и пробѣжалъ его въ то время, какъ автомобиль продолжалъ путь къ главному полицейскому управленію. Нервная судорога пробѣжала по лицу читавшаго. Это былъ человекъ неопредѣленнаго возраста, одинъ изъ тѣхъ, о которыхъ нельзя сказать, сорокъ ему лѣтъ или шестьдесятъ.

Передъ зданіемъ главнаго полицейскаго управленія автомобиль остановился. Сидѣвшій выскочилъ еще на ходу и поспѣшилъ по тротуару къ входнымъ воротамъ.

Войдя въ ворота, онъ быстро прошелъ развѣтвляющіеся корридоры, пока у двухстворчатой двери ему не преградилъ путь полисменъ, типичный шестифутовый ирландецъ съ резиновой дубиной и въ войлочной каскѣ.

— Алло, сэръ! Куда?

Недовольное ворчаніе былъ отвѣтомъ спѣшившаго.

— Стопъ, сэръ!

Гигантъ сталъ на его пути, недвусмысленнымъ образом поднявъ дубину.

Посѣтитель выхватилъ изъ кармана карточку и передалъ ее служащему.

— Немедленно къ шефу!

Сверкающій взглядъ еще больше, чѣмъ властно сказанныя слова, заставилъ полисмена очень вѣжливо открыть дверь и провести посѣтителя въ похожую на залъ приемную.

«Эдуардъ Ф. Глоссинъ, докторъ медицины», значилось на карточкѣ.

— Чѣмъ могу служить вамъ, господинъ докторъ?

— Есть у васъ сообщенія изъ Зингъ-Зингъ?

— Только то, о чемъ сообщаютъ газеты.

— Сдѣлайте все возможное, чтобы захватить бѣжавшаго. Если полицейскихъ аэроплановъ недостаточно, реквизируйте военные. Вѣдь вы имѣете право произвести реквизицію?

— Конечно, докторъ.

— Бѣглецы должны быть схвачены до наступленія темноты. Государственные интересы требуютъ этого. Вы за это отвѣчаете.

— Я дѣлаю, что могу.

Начальникъ полиціи былъ задѣтъ непривычно грубымъ тономъ посѣтителя и это чувствовалось въ его отвѣтѣ.

Докторъ Глоссинъ наморщилъ лобъ.

— Надо надѣяться, что ваше «могу» соответствуетъ нашимъ ожиданіямъ. Велите телефонировать въ Зингъ-Зингъ. Профессоръ Куртисъ долженъ явиться сюда, и въ моемъ присутствіи сообщить вамъ о томъ, что произошло.

Начальникъ полиціи взялся за аппаратъ.

— Когда Куртисъ можетъ быть здѣсь?

— Черезъ четверть часа.

Докторъ Глоссинъ провелъ рукой по высокому лбу и гладко зачесаннымъ назадъ пышнымъ темнымъ волосамъ, едва тронутымъ сѣдыми нитями.

— Я хотѣлъ бы остаться одинъ до тѣхъ поръ. Могу я...

— Конечно, докторъ. Прошу васъ...

Начальникъ полиціи открылъ дверь въ маленькій кабинетъ и впустилъ туда доктора Глоссина.

— Благодарю... Да, чтобы не забыть! Двѣсти тысячъ награды тому, кто вернетъ бѣглецовъ живыми или мертвыми!

— Двѣсти тысячъ? — Макъ Морландъ изумленно отступилъ на шагъ.

— Двѣсти тысячъ, господинъ начальникъ полиціи! Объявленія съ указаніемъ вознагражденія должны быть во всѣхъ городахъ.

— Развѣ мертвые снова встаютъ?.. Сынъ Бурсфельда. Въ этомъ нѣтъ сомнѣній... кто спасъ его?.. Кто этотъ Вильямсъ? Отецъ?.. Только онъ обладаетъ властью спасти его. Но это навѣрное не онъ... Замки Тоуэра крѣпче, чѣмъ замки Зингъ-Зинга... Кто еще знаетъ о таинственной власти? А, Яна... Она могла бы открыть это. Попытка должна быть сдѣлана... Невозможно теперь отправиться въ Трентонъ... Я долженъ ждать до вечера... Невыносимая мысль! Восемь часовъ неизвѣстности.

Говорившій вскочилъ и бросилъ взглядъ на свой хронометръ.

— Спокойствіе, спокойствіе! Еще десять минутъ въ моемъ распоряженіи.

Его мысли вернулись къ прошлому. Картины былого, отдѣленнаго отъ него цѣлымъ поколѣніемъ, выпукло прошли передъ его духовнымъ взоромъ... Большія желѣзнодорожныя постройки въ Мессопотаміи въ первое десятилѣтіе послѣ міровой войны. Маленькій домикъ у отроговъ горы... Бѣлокурая женщина въ бѣломъ платьѣ съ мальчикомъ на рукахъ... Какъ давно, какъ бесконечно давно вызвалъ онъ Гергарта Бурсфельда, нѣмецкаго инженернаго офицера изъ его курдскаго убѣжища и склонилъ его принять участіе въ работахъ по сооруженію Мессопотамскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Гергартъ Бурсфельдъ охотно послѣдовалъ зову. Съ нимъ прибыли его мальчикъ и бѣлокурая жена, Рокайя Бурсфельдъ, красивая дочь курдскаго вождя и матери — черкешенки.

Началась счастливая жизнь. Она длилась до тѣхъ поръ, пока Гергартъ Бурсфельдъ не сдѣлалъ своего великаго опаснаго открытія. Пока Эдуардъ Глоссинъ, загорѣв-

шись любовью къ бѣлокурой женщинѣ не предалъ друга и его изобрѣтенія англійскому правительству... Гергартъ Бурсфельдъ исчезъ за стѣнами Тоуэра. Его жена съ трехлѣтнимъ мальчикомъ бѣжали въ горы, на сѣверо-востокъ. Ея слѣдъ затерялся. Эдуардъ Глоссинъ оказался обманутымъ обманщикомъ. Нѣсколько тысячъ фунтовъ заплатило ему англійское правительство за тайну, цѣнность которой казалась ему неизмѣримой...

Раздался звукъ электрическаго звонка. Докторъ всталъ и, выпрямившись, направился въ кабинетъ начальника полиціи.

Коротко привѣтствовалъ онъ вновь прибывшаго, профессора Куртиса изъ Зингъ-Зингъ и спросилъ:

— Какъ могло случиться, что машина отказалась дѣйствовать?

Заикаясь и нервничая, профессоръ сообщилъ:

— Для всѣхъ насъ это совершенно непонятно. На половину шестого утра была назначена казнь убійцы Вудберна. Она сошла гладко. Въ сорокъ минутъ шестого преступникъ находился на секціонномъ столѣ. Машину остановили и снова пустили въ ходъ безъ пяти минутъ шесть. Ровно въ шесть часовъ привели второго преступника и привязали его къ стулу. Онъ былъ одѣтъ въ предписанное закономъ одѣяніе съ разрѣзомъ на правой штанинѣ. Одинъ изъ электродовъ приставили къ бедру. Въ двѣ минуты седьмого на голову ему опустили мѣдный шлемъ. Въ комнатѣ, гдѣ происходила казнь, стоялъ тюремный инспекторъ съ двѣнадцатю предписанными закономъ свидѣтелями. Тюремный электротехникъ находился возлѣ коммутаціонной доски, скрытой отъ глазъ преступника. Въ три минуты седьмого онъ, по знаку шерифа, передвинулъ рубильникъ... Я хочу отмѣтить, что это послѣднее упоминаніе времени изъ Зингъ-Зингъ. Въ три минуты седьмого всѣ часы, съ намагнетизированными желѣзными частями, остановились. Дальнѣйшія указанія времени въ газетахъ даны нью-іоркскимъ телеграфнымъ агентствомъ...

Докторъ Глоссинъ нервно качалъ ногой. Профессоръ продолжалъ:

— Въ тотъ моментъ, когда электротехникъ направилъ токъ на преступника, динамомашина, словно схваченная гигантской рукой, внезапно остановилась. Также мгновенно она остановила и связанную съ ней паровую турбину. Съ чудовищной силой паръ вырвался изъ котла по направлению къ неподвижнымъ лопастямъ. Машинистъ едва успѣлъ подскочить и закрыть паръ.

Во время всего этого преступникъ спокойно сидѣлъ на стулѣ, и токъ, видимо, не оказалъ на него никакого дѣйствія. Лишь позже мнѣ вспомнилось своеобразное поведеніе осужденнаго. Казалось, онъ распростился съ жизнью; но какъ только его ввели въ комнату, гдѣ должна была совершиться казнь, легкая краска вернулась на его, до сихъ поръ смертельно блѣдное, лицо. Когда машина отказалась служить въ первый разъ, я, кажется, уловилъ слѣды удовлетворенной улыбки, словно онъ ожидалъ этого изумительнаго для всѣхъ насъ случая.

Когда машину второй разъ пустили въ ходъ, эта загадочная веселость усилилась. Онъ слѣдилъ за нашей работой, словно это былъ только научный экспериментъ.

Въ третій разъ случилось несчастіе. Машинисты довели турбину до высшей степени напряженія. Она дѣлала три тысячи оборотовъ, и напряженіе на пятьдесятъ процентовъ превышало предписанную высоту. Произошелъ толчекъ. Ось между динамо и турбиной сломалась. Колеса турбины разорвались подъ давленіемъ страшной центробѣжной силы. Паръ съ невѣроятнымъ шумомъ гналъ обломки въ конденсаторъ. Когда паръ разсѣялся, мы всѣ почувствовали, что были на волосокъ отъ смерти.

Начальникъ полиціи шопотомъ обмѣнялся съ докторомъ нѣсколькими словами. Потомъ спросилъ профессора.

— Есть у васъ научное объясненіе этихъ событій?

— Нѣтъ, сударь. Въ лучшемъ случаѣ мы можемъ лишь предполагать. Намагничиваніе часовъ указываетъ на то, что черезъ помѣщеніе Зингъ-Зингъ пронесся электромагнетическій вихрь неслыханной силы. Гдѣ-то извнѣ должны были быть исключительной силы электромагнетическія поля. Иначе нельзя было бы объяснить того обстоятельства, что даже отдѣльныя спирали стальной пружины въ часахъ

магнетически совершенно спаяны вмѣстѣ. Вѣроятно разразилась страшная электро-магнетическая гроза. Но и объ этомъ мы знаемъ не на много больше.

Докторъ жестомъ прервалъ научныя изысканія профессора.

— Какимъ образомъ преступникъ могъ бѣжать?

— Когда взорвалась турбина въ сосѣдномъ помѣщеніи, всѣ присутствующіе инстинктивно стали искать спасенія. Часть бросилась на земь, часть спряталась за распределительный щитъ. Около двухъ минутъ раздавался ужасающій ревъ пара. Когда, наконецъ, паръ остановили и наступило успокоеніе, замѣтили, что преступникъ исчезъ. Связывавшіе его крѣпкіе ремни, изъ бычачьей кожи, были не развязаны, а перерѣзаны острымъ ножомъ. Бѣгство должно было быть выполнено съ величайшей поспѣшностью въ теченіе нѣсколькихъ секундъ. Лишь десять минутъ спустя замѣтили, что недостаетъ также одного изъ свидѣтелей.

Докторъ Глоссинъ вынулъ часы:

— Къ сожалѣнію мнѣ пора. До свиданія! — Въ сопровожденіи шефа полиціи онъ вышелъ.

— Примите всѣ мѣры, которыя найдете нужными. Не позже, чѣмъ черезъ три часа я ожидаю свѣдѣній, какимъ образомъ ложный свидѣтель присутствовалъ при казни. Распорядитесь по телефону. Я отправляюсь въ Вашингтонъ.

Звонокъ телефона въ кабинетѣ начальника полиціи вызвалъ послѣдняго туда. Докторъ Глоссинъ невольно тоже вернулся въ комнату.

— Можетъ быть хорошія вѣсти?

Начальникъ полиціи взялъ трубку. Удивленіе и напряженность отразилась на его лицѣ. Докторъ Глоссинъ подошелъ ближе.

— Что такое?

— Исчезъ военный аэропланъ! Р. ф. с. I похищенъ съ аэродрома.

— Дальше, дальше!

Докторъ топнулъ ногой:

— Кто это сдѣлалъ?

Макъ Морландъ снова обрѣлъ спокойствіе. Коротко и скупо падали въ трубку его приказанія.

— Государственный секретарь увѣдомленъ?.. Хорошо. Преслѣдованіе будетъ вестись оттуда. Какъ выглядятъ злоумышленники? Есть какія-нибудь предположенія?.. Какъ? что?.. Англійскіе агенты? Это пустыя слова или они имѣютъ какое нибудь основаніе? Что вы говорите? Общее мнѣніе... Слова! Коперъ и Ваткино будутъ руководить розысками.

— Богатое событіями утро! Въ теченіе немногихъ часовъ два случая, подобныхъ которымъ еще не бывало за долгое время моей службы... Мнѣніе о томъ, что въ дѣло замѣшаны англичане, кажется мнѣ не совсѣмъ необоснованнымъ. Р. Ф. с. I — новѣйшій типъ быстролетнаго аэроплана. Лишь нѣсколько недѣль тому назадъ посчастливилось, благодаря особымъ улучшеніямъ, довести быстроту до 1000 километровъ въ часъ. Р. Ф. с. — названіе усовершенствованнаго типа, а с. I — первый экземпляръ этого типа. Я слышалъ, что онъ лишь три дня тому назадъ началъ работать. Нужно еще долгое время, чтобы приготовить слѣдующіе экземпляры къ пробному полету. Мысль, что англійское правительство присвоило себѣ первый экземпляръ, конечно, очень близка...

— Что вы хотите сказать?

Голосъ Глоссина выдавалъ его волненіе.

Макъ Морландъ говорилъ медленно, словно нащупывая:

— Между похищеніемъ аэроплана и бѣгствомъ этого Логгъ Сара есть связь. Что вы думаете, господинъ профессоръ?

— Мнѣ хочется признать это правильнымъ. Совершенно невозможно при помощи обыкновенныхъ средствъ похитить среди бѣлаго дня аэропланъ, подобный Р. Ф. с. I съ тщательно охраняемаго аэродрома.

— Ваше мнѣніе, господинъ докторъ?

— Я... я слишкомъ плохо уясняю положеніе вещей. Несмотря на это, господинъ начальникъ, вы хорошо сдѣлаете, если немедленно войдете въ сношенія съ военнымъ министерствомъ и примете необходимыя мѣры въ тѣснѣйшемъ контактѣ съ нимъ. Добраго утра, господа.

— Оживленный день сегодня!

Макъ Морландъ выговорилъ эти слова съ извѣстнымъ облегченіемъ. Случай съ аэропланомъ долженъ былъ отвлечь вниманіе правительства.

Профессоръ Куртисъ обѣими руками взялся за голову.

— Второй случай еще таинственнѣе перваго. Подумайте! Новѣйшій, самый быстрый аэропланъ арміи. Онъ находится на аэродромѣ за тройнымъ проволочнымъ огражденіемъ, заряженнымъ токомъ высокаго напряженія. Строжайшій контроль. Пятисотъ человѣкъ нашей гвардіи сторожатъ мѣсто. Я совершенно не понимаю, какъ это могло случиться.

— За что былъ приговоренъ къ смерти этотъ Логгъ Саръ? Мы, полиція, опять ничего не знаемъ. Навѣрное, это приговоръ Тайнаго Совѣта.

Профессоръ кивнулъ.

— Въ препроводительной бумагѣ было сказано: «Приговоренъ къ смерти за государственную измѣну, выразившуюся въ преступномъ покушеніи на шлюзы въ Панамскомъ каналѣ». Подпись, какъ вы правильно предположили, принадлежала Тайному Совѣту.

— Я ничего не хочу сказать противъ этого учрежденія. Оно выказало себя полезнымъ въ критическія времена, когда государственный корабль грозилъ крушеніемъ. Но... люди остаются людьми, и мнѣ кажется... я хотѣлъ бы сказать... т. е. я лучше не скажу...

Профессоръ Куртисъ засмѣялся.

— Мы, люди науки, иммунны. Скажите попросту, что этотъ Логгъ Саръ, вѣроятно, никогда въ своей жизни не видалъ Панамскихъ шлюзовъ, и что Тайный Совѣтъ по совершенно другимъ причинамъ посылаетъ его къ дьяволу.

Макъ Морландъ вздрогнулъ. Слова профессора являлись почти государственной измѣной. Но спокойствіе не покинуло Куртиса.

— Оставимъ преступника. Онъ уже давно за тридцать земель. Но мнѣ пламенно хочется узнать что-либо болѣе опредѣленное о докторѣ Глоссинѣ. Вы знаете, что поговариваютъ...

— Если бы я не былъ увѣренъ, что могу положиться на вашу полнѣйшую скромность, я бы сохранилъ про себя то небольшое, что знаю. Начать хотя бы съ имени: у меня есть основанія сомнѣваться, что оно принадлежало его родителямъ. Его настоящее имя, кромѣ него самого, знаетъ быть можетъ, только президентъ-диктаторъ. По бумагамъ онъ американецъ, но когда я впервые познакомился съ нимъ, я опредѣленно замѣтилъ въ его говорѣ сильные отзвуки шотландскаго акцента.

— Когда и гдѣ это было? — спросилъ Куртисъ напряженно.

— Случай былъ не совсѣмъ благопріятенъ для доктора Глоссина, это было 20 лѣтъ тому назадъ во время первой японской войны. Я занималъ постъ въ сыскной полиціи въ Санъ-Франциско. Калифорнія была наводнена японскими шпионами. Они задавали намъ порядочно работы. Было ясно, что всѣми ихъ выступленіями руководятъ изъ одного мѣста. Одинъ изъ моихъ агентовъ привелъ ко мнѣ доктора, арестованнаго при крайне отягчающихъ обстоятельствахъ. Но доказать ничего нельзя было. Будь у насъ уже тогда Тайный Совѣтъ, дѣло, вѣроятно, приняло бы другой оборотъ. Тогда же не оставалось ничего иного, какъ отпустить его. Говорятъ... что во время вспыхнувшей послѣ нашего пораженія революціи, онъ былъ предводителемъ красныхъ. Доказать и здѣсь ничего нельзя было. Во всякомъ случаѣ онъ былъ однимъ изъ первыхъ, смѣнившихъ вѣхи. Когда Цирусъ Стонардъ, во главѣ собраннаго въ западныхъ штатахъ бѣлаго войска, кровавой рукой задушилъ революцію, докторъ Глоссинъ былъ въ числѣ его приближенныхъ. Должно быть, онъ оказалъ тогда диктатору важныя услуги, потому что его вліяніе съ тѣхъ поръ почти неограниченно.

Макъ Морландъ прервалъ свое сообщеніе, чтобы повернуться къ телеграфному аппарату.

— А вотъ и дальнѣйшія сообщенія относительно Р. Ф. с. I. Сообщеніе таково: «Р. Ф. с. I въ семь часовъ утра былъ готовъ къ отлету. Три монтера и одинъ унтеръ-офицеръ находились на борту. Комендантъ съ инженерами, которые должны были принять участіе въ полетѣ, стоялъ

вблизи. Въ двѣ минуты восьмого аэропланъ внезапно поднялся. Машины заработали. Онъ летѣлъ не высоко надъ расположеннымъ вблизи аэродрома лѣсомъ. Приблизительно пять километровъ. На аэродромѣ рѣшили, что машины пустили въ ходъ слишкомъ рано, и что монтеры снизятъ аэропланъ за лѣсомъ. Автомобиль привезъ туда коменданта и инженеровъ. Отъ аэроплана ни слѣда. Монтеры въ состояніи тяжелаго гипноза утверждаютъ, что никогда не существовало аэроплана Р. Ф. с. I. Въ настоящее время они находятся подъ медицинскимъ наблюдениемъ».

— Это безуміе! Что вы скажете по этому поводу?

— Вы правы, господинъ начальникъ! Это безуміе! Но по счастью оно не касается Зингъ-Зинга и поэтому хотя бы формально не имѣетъ отношенія ко мнѣ. Дѣломъ арміи будетъ заполучить обратно свой аэропланъ. Лучше еще нѣсколько словъ о докторѣ Глоссинѣ. Я уже много слышалъ о немъ. Сегодня видѣлъ его впервые. Гдѣ онъ живетъ? Какъ? Что дѣлаетъ?

— Вы спрашиваете гораздо больше, чѣмъ я могу отвѣтить. Здѣсь, въ Нью-Йоркѣ, у него скромно обставленный домъ на 316 улицѣ. Кромѣ того у него навѣрное есть укромные уголки во многихъ другихъ мѣстахъ...

— Онъ женатъ?

— Нѣтъ, хотя далеко не является противникомъ женскаго пола. Мнѣ приходилось кое-что слышать объ этомъ... Что жъ, предоставимъ ему его удовольствія, даже если они могутъ иногда показаться очень странными.

— Развѣ у него нѣтъ никакихъ страстей?

— Я знаю, что онъ собираетъ брилліанты, исключительно большіе и красивые камни.

— Не плохо! Но это немного дорогое удовольствіе. Развѣ онъ обладаетъ такими большими средствами?

Макъ Морландъ пожалъ плечами.

— Я не могу судить объ этомъ. Человѣкъ въ его положеніи, съ его вліяніемъ можетъ, конечно... дорогой профессоръ, я сказалъ уже гораздо больше, чѣмъ смѣлъ и желалъ. Предоставимъ доктору жить по его усмотрѣнію. Самое лучшее имѣть съ нимъ какъ можно меньше дѣла.

Такъ какъ вы здѣсь, сдѣлайте, пожалуйста, краткое сообщеніе относительно Зингъ-Зингъ для моего протокола. Потомъ мы сможемъ вмѣстѣ позавтракать.

Изъ синевы неба къ Бѣлому Дому въ Вашингтонѣ направлялось серебристо-свѣтящееся пятно; по мѣрѣ приближенія, оно вырисовалось въ чеканную форму правительственнаго аэроплана и плавно снизилось на крышѣ зданія.

Докторъ Эдуардъ Глоссинъ, единственный пассажиръ, покинулъ машину.

Въ прихожей докторъ встрѣтилъ адъютанта диктатора и велѣлъ доложить о себѣ. Въ одно мгновеніе диктаторъ вышелъ изъ залы засѣданій и остановился передъ нимъ. Послѣ первыхъ привѣтствій онъ позвалъ его въ свой рабочій кабинетъ.

— Кто такой Логгъ Саръ?

Докторъ Глоссинъ почувствовалъ въ этомъ вопросѣ неопредѣленную угрозу и отступилъ назадъ.

— Логгъ Саръ это... Сильвестръ Бурсфельдъ.

Глубокое изумленіе изобразилось на лицѣ Стонарда.

— Бурсфельдъ... который сидѣлъ въ плѣну въ англійскомъ Тоуэрѣ?

— Нѣтъ, его сынъ. Отца звали Гергартомъ.

— У меня хорошая память. Вы никогда не говорили мнѣ о сынѣ Гергарта Бурсфельда. Почему?

— Я самъ знаю объ этомъ только три мѣсяца.

— И я узнаю объ этомъ только сегодня?

Цирусъ Стонардъ вплотную подошелъ къ доктору. Отъ его взгляда лицо послѣдняго еще болѣе поблѣднѣло.

— Объясните!

— Это было приблизительно три мѣсяца назадъ... Я нѣкоторое время жилъ въ Трентонѣ, въ домѣ нѣкоей миссисъ Гарте, чтобы поработать въ своей лабораторіи надъ однимъ опытомъ. Однажды къ миссисъ Гарте приходитъ молодой инженеръ, работающій въ государственныхъ пред-

пріятіяхъ Трентона и разспрашиваетъ о ея родствѣ. При этомъ выясняется, что ея покойный мужъ былъ своднымъ братомъ Гергарта Бурсфельда.

— Вы, какъ будто клоните къ тому, что молодой инженеръ — сынъ Гергарта Бурсфельда. Почему назвался онъ Логгъ Саръ?

— Бумаги его на это имя. Для него самого и для свѣта возможно лишь предположеніе, У меня есть доказательство.

— Приведите мнѣ его!

— Вы помните мой прежній рассказъ объ этомъ, господинъ президентъ, сегодня я знаю продолженіе. Послѣ того, какъ Гергартъ Бурсфельдъ совершилъ невольное путешествіе въ Англію, онъ навсегда исчезъ въ Тоуэрѣ. Его жена съ маленькимъ мальчикомъ бѣжала въ курдскія горы. По дорогѣ она присоединилась къ каравану, который состоялъ изъ купцовъ, священниковъ и прочаго люда, отправлявшагося съ караваномъ въ Среднюю Азію. Молодая женщина не была создана для тяготъ долгаго пути. Ее похоронили гдѣ-то между Багдадомъ и Кабуломъ. Тибетскій лама, возвращавшійся въ свой монастырь, позаботился объ умиравшей. Ему она передала мальчика, открыла ему его имя...

— Нельзя ли скорѣе, господинъ докторъ!

— Лама отвезъ мальчика въ свой монастырь Панконгъ-Тцо и воспиталъ его по ученію Будды. Когда мальчику исполнилось 14 лѣтъ, экспедиція шведскихъ ученыхъ посѣтила монастырь. Молодой европеецъ обратилъ на себя вниманіе, и одинъ изъ членовъ экспедиціи, этнологъ Олафъ Труворъ, взялъ его съ собою въ Швецію, гдѣ воспиталъ его со своимъ сыномъ; и тотъ и другой стали инженерами.

Во время поѣздки по Рейну, предпринятой послѣ окончанія образованія, Логгъ Саръ знакомится съ четой стариковъ, которымъ бросилось въ глаза его изумительное сходство съ Гергартомъ Бурсфельдомъ. Такъ же былъ пораженъ и я, увидѣвъ впервые Логгъ Сара. Мнѣ казалось тогда, что я вижу Гергарта Бурсфельда, какимъ онъ былъ тридцать лѣтъ назадъ въ Мессопотаміи. Старики обратили вниманіе Логгъ Сара на то, что въ Трентонѣ живетъ сводный братъ Гергарта Бурсфельда. Когда впоследствии

Логгъ Саръ нашелъ мѣсто на трентонскихъ работахъ, онъ вспомнивъ о сообщеніи стариковъ, появился у мистриссъ Гарте. Ея мужъ умеръ, но въ домѣ оказался портретъ Гергарта Бурсфельда. Сходство крайне убѣдительно.

Цирусъ Стонардъ пронизалъ взглядомъ рассказчика.

— Господинъ докторъ, я хочу отъ васъ доказательствъ, а не фантастики. Есть у васъ какое нибудь дѣйствительное доказательство того, что Логгъ Саръ одно лицо съ Сильвестромъ Бурсфельдомъ?

Докторъ Глоссинъ прибѣгнулъ къ послѣднему средству.

— Цѣпь замыкается однимъ словомъ: Логгъ Саръ.

— Что это должно обозначать?

— Логгъ Саръ значитъ по тибетски конецъ года. Послѣдній день въ году, день, посвященный христіанской церковью Сильвестру. Умиравшая мать попыталась объяснить ламѣ, что означаетъ имя ея ребенка. Христіанское имя позабылось. Осталось тибетское переименованіе, подъ которымъ выросъ мальчикъ, въ Панконгъ-Тцо.

— Это не доказательство для меня, господинъ докторъ. Думаю, что и для васъ тоже!

— Докторъ Глоссинъ подошелъ на шагъ ближе къ диктатору.

— Послѣднее доказательство! Онъ знаетъ тайну своего отца, она дошла до него, онъ понялъ, что...

Тонкія крылья орлинаго носа диктатора задрожали. Двѣ перпендикулярныя складки пролегли между его бровями, когда онъ закончилъ фразу доктора:

— ...что онъ долженъ стать нашимъ или исчезнуть, подобно своему отцу...

— Первое, пожалуй, уже невозможно.

— Послѣ опыта въ Зингъ-Зингъ... я думаю, что налицо имѣются причины, позволяющія мнѣ отнести его на вашъ счетъ, господинъ докторъ. Видите ли вы какой нибудь путь, которымъ можно достичь второго пункта?

Цирусъ Стонардъ кинулъ на доктора взглядъ, заставившій послѣдняго содрогнуться. Одинъ жестъ диктатора, — и онъ самъ уже будетъ вычеркнутъ изъ списка живыхъ,

быть можетъ черезъ нѣсколько часовъ, найдетъ смерть на электрическомъ стулѣ въ Зингъ-Зингъ.

Цирусъ Стонардъ опустилъ вѣки и спокойно продолжалъ:

— Какъ вы проникли въ его тайну?

Докторъ глубоко вздохнулъ и началъ, заикаясь, рассказывать:

— Его лицо съ перваго дня стало мнѣ ненавистно. Кроме того у меня была причина... находить непріятнымъ его присутствіе въ домѣ Гарте...

— Такъ... дальше.

— Онъ попросилъ у меня разрѣшенія пользоваться лабораторіей въ мое отсутствіе. Я позволилъ ему это, но, уходя, позаботился о томъ, чтобы зажимы на доскѣ были заряжены десятью тысячами вольтъ, въ то время, какъ вольтметръ показывалъ только сто вольтъ. Я вернулся, рассчитывая найти трупъ, и увидѣлъ его невредимымъ, выходящимъ изъ дому съ улыбкой побѣдителя, только что достигшаго значительнаго успѣха. Тогда я узналъ, что Сильвестръ Бурсфельдъ — настоящій сынъ своего отца. Онъ долженъ былъ знать, что я поставилъ ему эту западню. Я не смѣлъ больше показываться ему на глаза. Спустя три дня онъ исчезъ... Случайно, какъ это бываетъ всегда, экстренный судъ, электрическая казнь... Я думалъ, что всѣ счеты покончены. Что случилось дальше, вамъ извѣстно, господинъ президентъ.

— Тщательно ли вы искали въ его бумагахъ?

— Въ каждомъ уголкѣ. Нѣтъ никакихъ указаній на его изобрѣтеніе. Я три раза былъ въ его квартирѣ. Каждый клочекъ бумаги былъ перевернутъ и изученъ.

— Вы сами искали... Предоставьте искать нашей полиціи. Она, можетъ быть, сдѣлаетъ это лучше... Теперь перейдемъ ко второму пункту нашей бесѣды. Кто захватилъ Р. Ф. с. I?

— Я сказалъ бы англійскіе агенты, если бы я не...

— Если бы вы не...

— Если бы, послѣ событій этого утра, я не долженъ былъ опасаться, что Сильвестръ Бурсфельдъ одинъ или съ

соучастниками летить на самомъ быстромъ нашемъ аэропланѣ въ Швецію или Тибетъ.

— Одинъ — ни въ коемъ случаѣ! Участники? Кто они?

— Я этого не знаю... до сихъ поръ. Одинъ изъ этихъ участниковъ безусловно свидѣтель Вильямсъ, о третьемъ, управлявшемъ автомобилемъ, мы знаемъ только, что онъ смуглый...

— Можно предположить, что эти трое не будутъ разставаться. Трехъ легче найти, чѣмъ одного. Возьмите на помощь сыскную полицію и ищите. Найти ихъ — въ вашихъ собственныхъ интересахъ... Ищите, господинъ докторъ Глоссинъ!..

Докторъ Глоссинъ въ неувѣренной позѣ стоялъ передъ диктаторомъ. Впервые примѣнялъ онъ данныя ему, безгранично-широкія полномочія для цѣли личной мести. Находившіеся въ его рукахъ бланки легко позволяли ему арестовать молодого инженера. До этихъ поръ все было въ порядкѣ.

Но немедленно посадить заключеннаго на электрическій стулъ не соотвѣтствовало государственнымъ интересамъ. Такихъ людей Цирусъ Стонардъ согласно испытанной методѣ сохранялъ въ надежныхъ мѣстахъ, стараясь проникнуть въ ихъ хитрость. Докторъ Глоссинъ собрался съ духомъ.

— Прошу васъ отложить рѣшеніе относительно войны или мира приблизительно на пять часовъ, пока я не вернусь сюда.

— Почему?

— Потому что я тогда съ увѣренностью смогу сказать, кто захватилъ аэропланъ — Логгъ Саръ со своими товарищами, или нѣтъ.

— Но если мнѣ по другимъ причинамъ полезно, чтобы аэропланъ захватили англійскіе агенты? Время приспѣло. Это случайное обстоятельство могло бы оказаться удобнымъ для меня.

— Заклинаю вашу свѣтлость! Никакихъ окончательныхъ рѣшеній, пока мы не увидимъ ясно...

— Чего?

— Гдѣ находится изобрѣтеніе. Логгъ Саръ въ союзѣ съ Англіей... При такихъ обстоятельствахъ мы не можемъ отважиться на борьбу.

Диктаторъ отрицательно покачалъ головой.

— Сынъ не захочетъ вступить въ союзъ съ убійцами своего отца.

— Надѣюсь. Но увѣренность стоитъ большаго, чѣмъ предположенія. Черезъ нѣсколько часовъ я смогу пріобрѣсти эту увѣренность. Если онъ не похитилъ Р. Ф. с. I, то онъ еще въ Штатахъ, и мы имѣемъ возможность схватить его. Пока онъ на свободѣ, мы должны опасаться его власти.

Послѣ двухминутнаго молчанія Цирусъ Стонардъ сказалъ:

— Я ожидаю вашихъ сообщеній въ теченіи трехъ часовъ. Наша пресса пока прекратитъ выпады противъ Англіи. Пытайтесь какимъ угодно путемъ захватить изобрѣтателя. Избѣгайте столкновеній съ другими европейскими государствами. Мы не хотимъ доставлять противнику друзей.

Движеніемъ руки президентъ-диктаторъ отпустилъ доктора Глоссина.

На Джонсонъ Стритъ въ Трентонѣ стоялъ, скрытый деревьями, обвитый плющомъ, домикъ, въ которомъ жила мистриссъ Гарте со своей дочерью Яной.

Мистриссъ Гарте была вдовой. Ея мужъ, инженеръ, трагически погибъ на государственныхъ работахъ.

Нѣсколько дней спустя въ Трентонъ явился нью-іоркскій врачъ, докторъ Глоссинъ. Руководствуясь научными интересами, онъ попросилъ болѣе подробныхъ свѣдѣній о послѣднихъ часахъ усопшаго. Очень участливо обходился онъ съ обѣими убитыми горемъ женщинами. Онъ предложилъ Янѣ Гарте на выгодныхъ условіяхъ снять лабораторію, устроенную въ домѣ Фредерикомъ Гарте. Сознвая неопредѣленность ихъ матеріальнаго положенія, Яна

безъ раздумья согласилась. Оправившись, мать охотно согласилась на сдѣлку съ докторомъ.

Положеніе измѣнилось, когда въ этотъ маленькій кружокъ вступилъ Логгъ Саръ. По рассказамъ молодого челоуѣка, онъ былъ родственникомъ обѣихъ женщинъ. Но живое общеніе въ настоящемъ заставило отступить на второй планъ старыя воспоминанія и запыленные родственныя отношенія. Мистеръ Логгъ Саръ, или, какъ его здѣсь скоро стали называть, Сильвестръ, сталъ желаннымъ гостемъ въ домѣ Гарте. Только докторъ Глоссинъ казался недовольнымъ этимъ. Правда, онъ всегда былъ вѣжливъ и охотно разрѣшилъ Сильвестру пользоваться его лабораторіей, но самое присутствіе доктора стѣсняло и охлаждало.

Случилось такъ, что между обоими молодыми людьми изъ сознанія родства выросла легкая симпатія, а изъ послѣдней все болѣе углубляющаяся сердечная привязанность.

Однажды онъ нашелъ Яну спящей въ лабораторіи на стулѣ. Несмотря на всѣ усилія она проснулась лишь черезъ четверть часа и отрицала, что спала. Сильвестру стало ясно, что докторъ Глоссинъ пользуется Яной для какихъ-то гипнотическихъ экспериментовъ. Онъ сохранилъ открытіе про себя, но рѣшилъ поговорить съ докторомъ. Вышло однако иначе. Нѣсколько дней спустя Сильвестръ исчезъ, не упомянувъ о поѣздкѣ и не простившись.

— Вы во-время пришли, господинъ докторъ, — обратилась мистриссъ Гарте къ вошедшему доктору Глоссину. — Мистеръ Логгъ Саръ исчезъ недѣлю тому назадъ. Мы стоимъ передъ загадкой. Помогите намъ разрѣшить ее.

Взглядъ Яны не отрывался отъ лица доктора. Ея глаза глядѣли такъ вопрошающе и боязливо, словно дѣло шло о ея собственной жизни.

— Да помогите намъ, докторъ, — присоединилась она къ просьбѣ матери,

Было ясно, что обѣ женщины еще не имѣютъ представленія о происшествіи въ Зингъ-Зингъ, и докторъ Глоссинъ сталъ дѣйствовать соответственно этому.

— А, мистеръ Логгъ Саръ исчезъ? Проще всего было

бы обратиться въ полицію. Конечно нужно было бы обосновать подозрѣніе въ преступленіи, потому что иначе...

— Я самъ войду въ сношенія съ полиціей, но... но, можетъ быть, у мистера Логгъ Сара есть основательныя причины...

— Господинъ докторъ! Что это должно обозначать?

Яна поспѣшно выкрикнула это. Она смотрѣла на гостя большими свѣтлыми глазами. Но это продолжалось только нѣсколько секундъ. Подъ магнетическимъ взглядомъ сверкающихъ глазъ доктора, ея вѣки опустились тяжело и пугливо.

— Я пришелъ, чтобы захватить изъ лабораторіи кое-что забытое въ прошлый разъ. Я долженъ сейчасъ опять уѣхать.

Яна спокойно закрыла дверь и остановилась на мгновение, словно борясь съ собой. Потомъ направилась въ лабораторію.

Докторъ Глоссинъ вышелъ ей навстрѣчу и подвелъ ее къ спокойному креслу. Внушеніе подѣйствовало точно въ указанный срокъ. Она снова попыталась встать, но ей это не удалось. Непобѣдимая сила приковала ее къ стулу. Ея ротъ раскрылся, словно она хотѣла закричать. Докторъ Глоссинъ простеръ руки надъ ея головой, и ни одинъ звукъ не сорвался съ губъ. Обезсилѣвъ, опустила она голову на спинку стула. Докторъ Глоссинъ отдернулъ руку и спросилъ:

— Гдѣ Логгъ Саръ оставилъ планы своего изобрѣтенія?..

Черты Яны напряглись. Казалось, она чего-то ищетъ и съ трудомъ находитъ. Ея губы раскрылись, произнеся слова на чужомъ языкѣ:

— Om manı radme hum.

Моноotonно повторила она эти четыре слова. Докторъ Глоссинъ услышалъ и ихъ и не понялъ смысла. Съ громаднымъ напряженіемъ поставилъ онъ вопросъ еще разъ и велѣлъ ей назвать мѣсто, гдѣ спрятанъ планъ. Отвѣтъ по прежнему заключался въ четырехъ словахъ, повторявшихся механически, подобно тому, какъ фонографъ десятки разъ повторяетъ одинъ и тотъ же текстъ.

Докторъ оставилъ этотъ вопросъ и задалъ другой.

— Гдѣ теперь Логгъ Саръ? Можете ли вы его видѣть? Можете ли вы слышать, что онъ говоритъ?

Отрывочныя слова срывались съ губъ Яны:

— Я вижу... тучи... корабль... воздушный корабль... Логгъ Саръ. На немъ темное платье. Возлѣ него двое мужчинъ... Аэропланъ снижается. Много вереска, Они оставляютъ аэропланъ... онъ исчезаетъ. Логгъ Саръ идетъ по полю... становится туманно. Я не вижу больше ничего.

Затаивъ дыханіе, докторъ Глоссинъ ловилъ слово за словомъ.

— Въ какой странѣ они находятся? Гдѣ расположена эта страна?

— Страна на сѣверѣ... Темныя сосны и верескъ... Домъ у рѣки. Туманъ поднимается... Я больше ничего не вижу...

Докторъ Глоссинъ заставилъ себя быть спокойнѣе. Изъ прежняго опыта онъ зналъ, что напрасно задавать вопросы, когда картина затуманилась.

Но он рѣшилъ попытаться.

— Отправьтесь въ квартиру Логгъ Сара!

— Иду... Джонсонъ Стритъ, Вашингтонъ Стритъ. Я въ домѣ... я вхожу въ комнату...

— Оглянитесь хорошенько вокругъ. Всѣ ли предметы на лицо? Или чего-нибудь не хватаетъ? Было ли что-нибудь взято изъ комнаты за послѣднее время? Оглянитесь назадъ.

Яна подняла руки, словно нащупывая дорогу въ темной комнатѣ.

— Я вижу... Логгъ Саръ ушелъ. Входитъ какая-то фигура. Я узнаю ее. Это докторъ Глоссинъ. Онъ ищетъ и ничего не находитъ... Онъ снова уходитъ. Появляются два другихъ. Одинъ... гигантъ, бѣлокурый, съ голубыми глазами. Другой темнокожій. Негръ?.. Нѣтъ, смуглый. Они ищутъ. Они берутъ...

Докторъ возбужденно сжалъ руки.

— Om manī radme hum?.. Опять эти странныя слова! Что они значать? Дайте разгадку. Какъ мнѣ найти ее?..

Проклятіе, такъ мало времени! Черезъ три часа, диктаторъ долженъ получить свѣдѣнія.

— Что берутъ эти двое? Напрягитесь. Постарайтесь отчетливо видѣть. Что берутъ эти два человѣка?

— Бумажныя полосы... Я вижу маленькую ручную мельницу... Картина затуманивается. Туманъ растетъ.

— Мельница?

Докторъ Глоссинъ ломалъ себѣ голову. Мельница? Какую мельницу могъ имѣть Логгъ Саръ? При обыскѣ комнаты докторъ Глоссинъ видѣлъ всякія азіатскія бездѣлушки: можетъ быть и именно въ этомъ кроется разгадка загадочнаго изреченія.

Докторъ Глоссинъ зналъ, что сегодня не узнаетъ больше ничего. Онъ снова положилъ руку на лобъ Яны. Мгновенно ея наружность измѣнилась, черты смягчились, она сидѣла на стулѣ, какъ глубоко спящая. Потомъ снова провелъ рукой по ея глазамъ и волосамъ. Яна открыла глаза и сочла за самую естественную на свѣтѣ вещь свое присутствие въ лабораторіи.

Всякое воспоминаніе о бывшемъ гипнотическомъ состояніи исчезло у Яны. Такъ приказывало внушеніе доктора Глоссина при послѣднемъ его прикосновеніи. Она покинула лабораторію съ сознаниемъ, что имѣла съ докторомъ простой дѣловой разговоръ. Но и всякая забота о Логгѣ Сарѣ, самое воспоминаніе о немъ словно стерлось. Весь слѣдующій день она должна была находиться подъ внушеніемъ Глоссина, въ томъ состояніи, которое прежде такъ часто приводило въ отчаяніе Сильвестра. Докторъ былъ увѣренъ, что до истеченія ближайшихъ сутокъ она не проявитъ интереса къ судьбѣ исчезнувшаго, хотя и любила его, какъ со страхомъ и ревностью замѣтилъ Глоссинъ, хотя и смотрѣла на себя, какъ на невѣсту Сильвестра, о чемъ докторъ Глоссинъ еще ничего не зналъ.

Докторъ остался одинъ.

— Три человѣка! При этомъ одинъ смуглый... Это согласуется съ нашими наблюденіями... Три человѣка сѣло въ автомобиль въ Зингъ-Зингъ... Они бѣжали на аэропланѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что это былъ Р. Ф. с. I... Другіе были въ его квартирѣ и забрали планъ. Тутъ слѣдъ теряется.

Я опять найду его въ другомъ мѣстѣ... Передача энергіи на разстояніе... Гергартъ Бурсфельдъ зналъ тайну... Его сынъ снова нашелъ ее. Наслѣдство... случай... судьба? Кто знаетъ?

Докторъ Глоссинъ рѣзко поднялся со скамейки.

— Мы должны ясно видѣть, прежде чѣмъ Цирусъ Стонардъ рѣшится нанести ударъ. Это будетъ невысказано, если противники овладѣютъ тайной.

Со скоростью двухсотъ восьмидесяти метровъ въ секунду летѣлъ Р. Ф. с. I, держа курсъ съ сѣверо-запада къ сѣверу, черезъ заливъ св. Лаврентія. Страны и моря лежали въ тридцати километрахъ подъ нимъ. Турбины работали автоматически, и разъ поставленный спеціальнѣйшій регуляторъ самостоятельно регулировалъ курсъ и высоту.

Только три человѣка находились въ центральной каютѣ аэроплана. Въ креслѣ покоилась слегка вытянутая фигура человѣка, лѣтъ тридцати. Цвѣта его волосъ нельзя было угадать: они были острижены совершенно коротко, словно выбриты. Цвѣтъ лица былъ желтовато-красный, какой бываетъ у людей бѣлой расы, долгое время прожившихъ подъ тропиками. Высокій лобъ указывалъ на духовное развитіе. Черный костюмъ своеобразнаго покроя облегалъ его тѣло.

Другой возился около рычаговъ и регуляторовъ, контролировавшихъ ходъ турбинъ. Онъ былъ сѣвернаго типа, бѣлокурый съ голубыми глазами, одна изъ тѣхъ рослыхъ фигуръ, какія до сихъ поръ встрѣчаются въ долинахъ Далеккарліи вплоть до Улео и Торнео.

Третій разсматривалъ въ сильную подзорную трубу пространство подъ аэропланомъ. Онъ былъ смугль, и даже подъ европейскимъ костюмомъ въ немъ можно было угадать индуса.

Разговоръ велся на разныхъ языкахъ, то по шведски, то по нѣмецки, то вдругъ всѣ трое начинали бѣгло говорить

по-тибетски, а затѣмъ по-англійски. Они мѣняли языкъ на какой-нибудь фразѣ, когда одно случайное слово давало къ этому толчекъ.

Сидѣвшій въ креслѣ съ наголо остриженнымъ черепомъ былъ Сильвестръ Бурсфельдъ, еще одѣтый въ тюремное платье.

Эрикъ Труворъ, шведъ изъ стариннаго варяжскаго рода, обслуживалъ рычаги. Онъ былъ еще въ скромной простой одеждѣ, въ которой, въ качествѣ свидѣтеля, отправился на электрическую казнь.

Сома Атма, индусъ стоялъ на стражѣ. Опустивъ трубу, онъ обернулся къ остальнымъ.

— Мы проскочили! Послѣдній американскій аэропланъ остался за нами внѣ поля зрѣнія.

— Мы проскочили! — Эрикъ Труворъ повторилъ эти слова, укрѣпляя автоматическій регуляторъ. Съ радостной улыбкой обернулся онъ къ Сильвестру Бурсфельду.

— Самое тяжелое осталось позади. Я думаю, Логгъ Саръ, что мы въ безопасности.

Шведъ подошелъ вплотную къ сидящему и положилъ ему руку на плечо.

— Мы въ безопасности, Логгъ Саръ! Еще нѣсколько часовъ и мы будемъ на шведской землѣ. Бѣдный другъ! Они сыграли съ тобой скверную шутку, но мы имъ отплатили. Въ Зингъ-Зингъ долго не забудутъ сегодняшняго дня. Ты же долженъ забыть его какъ можно скорѣе.

Сильвестръ Бурсфельдъ собрался съ духомъ, прежде чѣмъ начать говорить. Невѣроятное возбужденіе послѣднихъ сутокъ вело теперь къ неизбѣжной реакціи.

— Знаешь ли ты, что значитъ распроститься съ жизнью, видѣть, какъ на тебя неудержимо надвигается смерть, позорная и мучительная смерть?

Онъ содрогнулся.

— Этихъ часовъ я никогда не забуду. Внезапный арестъ... Какой-то судебный фарсъ... Смертный приговоръ. Обладать средствомъ спасенія и быть не въ состояніи примѣнить его... Потомъ я увидѣлъ тебя среди свидѣтелей. Наши взгляды встрѣтились, и во мнѣ пробудилась надежда. Не проникъ-ли кто-нибудь въ нашу тайну?

Эрикъ Труворъ держалъ въ рукахъ мѣдный футлярчикъ величиной съ кулакъ; онъ былъ богато украшенъ и обвѣшанъ крохотными колокольчиками. Держа его лѣвой рукой, онъ правой машинально крутилъ кнопку.

— Они не открыли ее. Послѣ перваго визита доктора Глоссина мы пришли къ тебѣ на квартиру. Я искалъ, Атма нашель. Онъ увидѣлъ чосоръ.

Произнеся это тибетское слово, шведъ снова перешель на тибетскій языкъ.

— Атма открылъ мѣдный футлярчикъ и увидѣлъ, что текстъ на полоскахъ говорилъ не о сокровищѣ въ логосѣ. Мы прочли твои указанія. Полъ дня понадобилось, чтобы разобраться въ нихъ, еще полъ дня, чтобы найти спрятанные части и соединить ихъ воедино. Тогда лучеиспускатель былъ въ нашихъ рукахъ. Обладая имъ, зная тайну, намъ было легко взорвать машины.

Дрожащими руками схватилъ Сильвестръ Бурсфельдъ футлярчикъ и ласково погладилъ его.

— Тайна спасена. Все, что я о ней писалъ, заключено здѣсь... я имъ...

Гнѣвъ и возбужденіе изобразились на его лицѣ.

Атма вернулся къ своему наблюдательному пункту.

Эрикъ Труворъ возился у телеграфнаго приѣмника. Быстрымъ взглядомъ пробѣжалъ онъ знаки выбѣгающихъ изъ аппарата бумажныхъ полосъ. Потомъ кивнулъ своему темнокожему товарищу. Тотъ сталъ вертѣть блестящее алюминіевое колесо, пока черный стержень не сталъ надъ самой верхушкой компаса. Широкими кругами понесся аэропланъ черезъ Лабрадоръ на сѣверъ, къ полюсу.

Шведъ показалъ на телеграмму.

— Американскіе аэропланы въ Гренландіи и надъ Исландіей. Мы должны перелетѣть черезъ полюсъ, чтобы избѣжать западни.

Сильный блескъ зажегся въ большихъ лучистыхъ глазахъ Атмы.

— Мы должны?

— Должны.

Направленіе аэроплана становилось съ минуты на ми-

нугу все неувѣреннѣй. Стрѣлка компаса стояла почти перпендикулярно.

Эрикъ Труворъ поглядѣлъ внизъ. Тамъ, гдѣ былъ просвѣтъ среди облаковъ, виднѣлась безконечная, безбрежная ледяная и снѣжная пустыня. Аэропланъ находился надъ полюсомъ. Куда бы онъ теперь ни направлялся, онъ долженъ былъ бы летѣть къ югу и вынырнуть изъ полуночи.

Твердой рукой взялся шведъ за машины. Аэропланъ обогнулъ уголъ въ сорокъ пять градусовъ и взялъ курсъ на восточный уголъ Шпицбергена. Минуты проходили. Компасъ мало-по-малу принялъ наклонное положеніе.

— Добро пожаловать на родную землю! Добро пожаловать, Сильвестръ, въ старую Швецію, въ нашъ Линней! Новая жизнь начинается сегодня для всѣхъ насъ. Твое открытіе, Сильвестръ, значительнѣе, чѣмъ ты самъ думаешь, или предполагаешь. Судьба дала намъ много. Мы должны будемъ оказаться достойными этого дара.

— Куда дѣвать аэропланъ? Здѣсь его нельзя оставить. У воздуха есть глаза.

Изящный аппаратъ съ прижатыми къ тѣлу крыльями стоялъ на легкихъ колесахъ.

— Янки больше не получаютъ аэроплана. Они должны уплатить мнѣ кое-что за электрической стулъ, — недовольно проворчалъ Сильвестръ.

— Ты правъ. Мы сами можемъ использовать машину. Моральныхъ обязательствъ послѣ твоего приключенія у насъ больше нѣтъ. Аэропланъ мы помѣстимъ въ пещерѣ Одина.

На правомъ боку у Сильвестра Бурсфельда висѣлъ на ремнѣ небольшой ящичекъ изъ полированного кедра. Онъ взялся за него, какъ берутся за подозрную трубу. Нѣсколько прикосновеній къ винтамъ аппарата — и аэропланъ словно по волшебству, сталъ медленно катиться впередъ по ровной землѣ, настолько медленно, что три его бывшихъ пассажира могли, не спѣша, слѣдовать за нимъ.

Они достигли конца равнины; крутой склонъ шелъ на нѣсколько сотъ метровъ глубины къ Торнеа-Эльфу. Предоставленная самой себѣ, машина должна была покатиться по этой дорогѣ и разбиться. Но если она до сихъ поръ бѣ-

жала, какъ собака, то теперь она царапалась вверхъ, подобно сернѣ. Осторожно повернулась она на узкой тропинкѣ; Сильвестръ Бурсфельдъ поднялъ аппаратъ и тяжелая машина поднялась съ непроходимой тропинки на воздухъ. Съ бездѣйствующими пропеллерами и прижатыми къ корпусу крыльями, она покачивалась, словно бабочка, передъ путниками, которые спускались по пологому склону. Они свернули съ дороги въ чащу камней и вереска; еще нѣсколько сотъ метровъ, и у склона обнаруживалось темное отверстіе.

Сильвестръ Бурсфельдъ артистически владѣлъ своимъ аппаратомъ. Онъ поднималъ и опускалъ его, вращалъ и направлялъ; передъ нимъ летѣлъ тяжелый аэропланъ.

Медленно и осторожно повернулся онъ къ отверстию, нырнулъ въ темноту и исчезъ. Сильвестръ послѣдовалъ за нимъ; одновременно Эрикъ Труворъ зажегъ ручной электрической фонарикъ, наполнившій пещеру ослѣпительнымъ свѣтомъ.

— Такъ! Здѣсь его никто не найдетъ. По крайней мѣрѣ, если мѣстные жители еще питаютъ такое же почтеніе къ пещерѣ Одина, какъ и раньше.

— Все еще. Пастухи попрежнему вѣрятъ, что въ пещерѣ хозяйничаютъ духи, — засмѣялся Эрикъ Труворъ. — Даже бѣлымъ днемъ они огибаютъ пещеру. Никто не отваживается войти въ нее, какъ ни широкъ входъ. Если же почтеніе къ пещерѣ ослабѣетъ, у насъ есть средство возродить его.

„Britannia rules the wares, Britannia rule the winds“.

Изъ сотенъ тысячъ глотокъ неслась старая мелодія, разносясь по голубымъ водамъ Солента. Англійскій воздушный флотъ внезапно показался на фонѣ неба. Его появленіе означало открытіе большихъ состязаній, устроенныхъ 11 іюня черезъ проливъ между островами Уайтъ и англійскимъ берегомъ. Аэропланы слетались сотнями. По-

являясь откуда нибудь издалека, изъ синевы неба или океана, они образовывали въ воздухѣ римское пять, какъ перелетныя птицы, и, не размыкая этой фигуры, продѣлывали всякіе головокружительные номера.

Эскадра появлялась за эскадрой, пока густая толпа аэроплановъ не прорѣзала лазури неба, серебрянымъ сіяніемъ металла.

Потомъ эскадра исчезла также внезапно, какъ и появилась. Словно рой шершеней, протянулась она надъ берегомъ отъ Ярмута до Атлантическаго океана, отъ Оркней до острововъ Канала, готовая уничтожить всякаго противника на водѣ или въ воздухѣ.

Часть берега была свободна отъ толпы. Здѣсь находились воздушныя яхты, въ которыхъ прибыли знатные члены аэроклуба. Отягощенная украшеніями, блестѣла золотомъ тяжеловѣсная яхта ранкурскаго раджи. Въ нѣсколькихъ метрахъ отъ нея находились изумительныя воздушныя яхты герцоговъ Норфолькъ, Соммерсетъ, Сесиль и многихъ другихъ. Въ центрѣ вытянулся корпусъ аллюминіевой яхты, принадлежащей четвертому лорду британскаго адмиралтейства, его свѣтлости лорду Горацію Мейтланду изъ Мейтландъ Кастль.

Тутъ находилась владѣлица яхты, леди Діана Мейтландъ, въ кругу своихъ посѣтительницъ. Подобно тому, какъ мужчины прибыли исключительно въ клубныхъ костюмахъ, леди Діана была одѣта въ спортивное платье аэроклуба. Ея фигура казалась особенно стройной въ широкой юбкѣ и плотно облегающей жакеткѣ синяго сукна. Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили дамы за событіями въ воздухѣ, а сама леди Діана съ особымъ интересомъ. Постоянно подносила она къ глазамъ подзорную трубу, чтобы не упустить ни одной подробности.

Послѣдніе англійскіе аэропланы исчезли на горизонтѣ. Всѣ гости знали, что видѣннымъ зрѣлищемъ они обязаны лорду и не стали сдерживать своей благодарности.

— Блестяще, — промурлыкалъ адмиралъ Моррисонъ, — жаль, что американцы не были при этомъ. Они бы пораздумали связываться ли съ нами.

— Американцы не явятся, — сухо замѣтилъ мистеръ Пайкетъ, австралійскій шерстяной король.

— Пари, что они явятся? — прервалъ его виконтъ Робертсъ, никогда не упускавшій случая рискнуть въ пари.

— Не думаю, — сказалъ мистеръ Пайкетъ.

Виконтъ вытащилъ часы.

— Десять фунтовъ за то, что первый американскій корабль будетъ здѣсь черезъ пять минутъ.

Виконтъ Робертсъ повторилъ свое предложеніе.

— Десять фунтовъ за то, что первый американскій корабль будетъ здѣсь въ четверть одиннадцатаго.

Мистеръ Пайкетъ принялъ пари.

— Сто фунтовъ за то, что въ четверть одиннадцатаго не будетъ корабля. Пятьдесятъ за то, что до полудня вообще не будетъ ни одного.

Мысли тѣснились въ головѣ лорда Мейтланда. Мистеръ Пайкетъ былъ членомъ австралійскаго парламента и долженъ былъ знать о нитяхъ, связывавшихъ Америку съ Австраліей. У него безусловно были основанія утверждать, что американцы не появятся. Но и лордъ Мейтландъ самъ получалъ телеграммы изъ Америки и находилъ, что вызывающее поведеніе американской прессы нѣсколько улеглось.

Его размышленія неожиданно были прерваны. Точка, показавшаяся было на горизонтѣ, быстро увеличилась, съ безконечной высоты она снизилась, увеличиваясь каждое мгновеніе. Наконецъ, аэропланъ величественно сѣлъ на играющихъ волнахъ, якоря съ шумомъ опустились въ глубину и закрѣпили мощный корпусъ. На кормѣ высоко взвился звѣздный флагъ, и, словно по волшебству, аэропланъ въ нѣсколько секундъ разукрасился флагами.

Мистеръ Пайкетъ спокойно выписалъ чекъ на сто пятьдесятъ фунтовъ и вручилъ его виконту Робертсу.

Во время паузы послышался мелодичный голосъ леди Діаны.

— Какъ Англія можетъ сражаться съ Америкой? Общность языка мѣшаетъ этому. Это сильнѣйшая связь между людьми.

Виконтесса Робертсъ утвердительно кивнула.

— Мнѣ непонятно, какъ англичане могли бы взаимно убивать другъ друга.

И дамы не вѣрили въ возможность войны. Но онѣ мало знали о политикѣ Цируса Стонарда.

Между тѣмъ началось состязаніе подводныхъ аэроплановъ. Снижаясь съ большой высоты, они съ шумомъ разрѣзали водную поверхность; за ними тянулся короткій слѣдъ взбудораженной пропеллеромъ воды, и потомъ все исчезало. Они продолжали путь уже, какъ подводныя лодки. Согласно условіямъ состязанія, они должны были продѣлать подъ водой довольно долгій путь, поднять прикрѣпленный на глубинѣ пятидесяти метровъ буй и въ назначенное время вынырнуть на опредѣленномъ мѣстѣ.

Путь аэроплановъ-субмаринъ былъ очень дологъ: поэтому въ программу включили состязаніе планеровъ. Послѣ помпезнаго зрѣлища воздушнаго флота, послѣ дьявольскаго навожденія подводной борьбы, настала идиллія. Отдѣльные аэропланы отталкивались отъ высочайшихъ вершинъ береговыхъ скалъ. Словно бабочки, носились они въ воздухѣ съ распущенными крыльями. Иногда они оставались совершенно неподвижны, чтобы затѣмъ расправить крылья и, подобно альбатросу, широкими кругами взвиться ввысь.

— Господинъ докторъ Глоссинъ изъ Трентона въ Штатахъ...

Въ то время, какъ вновь прибывшій раскланивался, Сэръ Артуръ, обернувшись къ лорду Мейтланду, едва слышно шепнулъ:

— Мой старый другъ... Можетъ быть, сумѣетъ помочь разрѣшить кризисъ.

Этихъ немногихъ словъ было достаточно, чтобы обезпечить американцу пріемъ болѣе сердечный, нежели обычное англійское гостепріимство.

Докторъ Глоссинъ удѣлилъ особое вниманіе владѣлицѣ яхты. Къ ея удивленію онъ очень скоро направилъ разговоръ на мѣста, знакомя ей какъ пѣвицѣ, ни однимъ словомъ, однако, не упоминая о ея прежнемъ призваніи.

Разговоръ притягивалъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, внутренне отталкивалъ леди Діану. За каждой фразой она чувство-

вала таинственную двусмысленность и все-же не могла освободиться отъ вліянія гостя. Внутренній голосъ предостерегалъ ее противъ этого человѣка, которому подъ гнетомъ противорѣчія, она выговорила привѣтливое приглашеніе въ Мейтландъ-Кастль.

Докторъ Глоссинъ поблагодарилъ, сдержанно принявъ предложеніе. У него есть еще дѣла въ Лондонѣ. Уладивъ ихъ, онъ охотно явится въ Мейтландъ Кастль. Война... онъ смѣется надъ этимъ. Американцы не думаютъ о войнѣ съ родственными имъ англичанами. Газетная полемика еще не обозначаетъ войны.

Лордъ Мейтландъ подошелъ прямо къ цѣли. Возбужденіе американской прессы вызвано похищеніемъ аэроплана. Американская пресса утверждала, что похищеніе совершено англичанами. Выясненъ ли этотъ случай?

Лордъ Мейтландъ стоялъ съ докторомъ Глоссинымъ у одного изъ оконъ.

— Блестящее изобрѣтеніе. Я думаю, вамъ будетъ о чемъ поразсказать вашему президенту.

Докторъ Глоссинъ вѣжливо улыбнулся. Планы аэроплана-субмарины давно уже имѣлись въ Вашингтонѣ.

— Есть нѣчто другое, въ настоящее время озабочивающее насъ.

Лордъ Мейтландъ вопросительно поглядѣлъ на доктора.

— Милордъ, слыхивали ли вы когда-нибудь о передачѣ энергіи на разстояніе?

Видъ у лорда Мейтланда былъ такой естественно удивленный, что докторъ Глоссинъ повѣрилъ ему; видно было, что онъ дѣйствительно ничего объ этомъ не знаетъ. Но если ничего объ этомъ не зналъ четвертый лордъ британскаго адмиралтейства, можно было почти съ увѣренностью предположить, что не знаетъ объ этомъ ни адмиралтейство, ни англійское правительство. Однако, это нужно было установить съ несомнѣнностью прежде, чѣмъ Цирусъ Стонардъ рѣшится на ударъ. Ради этого докторъ Глоссинъ былъ здѣсь, въ Англии, и ради этого Цирусъ Стонардъ снова вложилъ въ ножны уже занесенный мечъ.

Если Англія владѣла тайной Гергарта Бурсфельда, Америка не могла отважиться на выступленіе. Въ против-

номъ случаѣ можно было нанести ударъ, надѣясь на успѣхъ.

Состязаніе близилось къ концу. Рекордъ высоты побилъ аэропланъ, поднявшійся на высоту ста километровъ при помощи мотора ракетнаго типа. Но призъ за быстроту получилъ американскій аэропланъ типа Р. Ф. с.

Комья земли падали на гробъ, скрывавшій бранные останки Глэдисъ Гарте. Ея жизнь тихо угасла.

Окруженная нѣсколькими людьми, стояла Яна у открытой могилы.

Судорожное рыданіе потрясло ея тѣло. Она едва не упала, когда къ ней подошелъ докторъ Глоссинъ, поддержалъ ее и заботливо увелъ отъ могилы.

Яна безвольно повиновалась. Всякій, заботившійся о ней, теперь былъ ей дорогъ. Тѣмъ болѣе докторъ Глоссинъ, постоянно бывавшій у нихъ въ домѣ, знавшій ея мать, обѣщавшій ей узнать о Сильвестрѣ.

Выйдя съ кладбища, она сѣла въ его автомобиль и позволила отвести себя на квартиру въ Джонсонъ Стритъ. Здѣсь, при видѣ знакомыхъ, сегодня осиротѣвшихъ комнатъ боль стала еще острѣе. Безсильно опустилась она въ кресло и прижала платокъ къ глазамъ.

Докторъ Глоссинъ мягко положилъ ей руку на голову.

— Дорогая миссъ Яна, попытайтесь взять себя въ руки. Я знаю, что утѣшать васъ теперь мало цѣлесообразно. Довѣрьтесь мнѣ, послѣдуйте моему совѣту. Примите мою помощь, и все будетъ хорошо.

Яна опустила платокъ и подняла глаза. Новое чувство зашевелилось въ ней. Слезы высохли и міръ показался ей уже не такимъ пустымъ и безутѣшнымъ.

— Вы единственный близкій знакомый, котораго мы имѣли, который у меня остался.

— Скажите единственный другъ! Позвольте дать вамъ

совѣтъ. Вы должны уйти отъ прежней обстановки, изъ комнату, гдѣ все напоминаетъ вамъ о вашей великой потерѣ.

Яна храбро подавила набѣгающія слезы и утвердительно кивнула.

— Вы правы, докторъ. Но куда уѣхать?

— Я позабочусь объ этомъ. Главное, чтобы вы сейчасъ же на нѣсколько недѣль попали въ другую обстановку. У меня есть ферма въ Колорадо, у подножія горы. Тамъ вы найдете другой воздухъ, другія лица, и быстрѣе обрѣтете душевное равновѣсіе. Вы будете моей гостьей, сколько захотите. Моя прислуга въ вашемъ распоряженіи, и я самъ буду при случаѣ... по возможности часто... надѣюсь, очень часто пріѣзжать повидаться съ вами, убѣдиться въ томъ, что вамъ хорошо.

Докторъ Глоссинъ говорилъ медленно и убѣдительно. Яна спокойно слушала его, сначала еще немного колеблясь. Ей пришла неожиданная мысль.

— Меня не будетъ здѣсь, Сильвестръ станетъ меня искать и не найдетъ.

Докторъ Глоссинъ угадалъ еще не высказанную мысль.

— Я использую это время, чтобы узнать о мистерѣ Логгъ Саръ. Письма вы будете получать въ Рейнольдс-фармъ. Свѣжій горный воздухъ снова окраситъ ваши блѣдныя щеки.

Она приняла приглашеніе Глоссина.

Онъ твердо рѣшилъ вслѣдствіе цѣлаго ряда причинъ взять Яну съ собой и оставить ее подъ своимъ вліяніемъ. Было ясно, что для этого необходимо использовать гипнотическое вліяніе на Яну.

Автомобиль привезъ ихъ къ аэродрому, обширному огражденному мѣсту прибытія и отбытія аэроплановъ. Яна знала это мѣсто. При жизни матери она часто ѣздила отсюда въ Финляндію или Мильвоки. Еще она тогда замѣтила, что богатые люди снижали здѣсь свои собственные аэропланы. Докторъ Глоссинъ повелъ ее къ маленькой, но изящной частной яхтѣ. Онъ замѣтилъ ея удивленіе.

— Входите, милая миссъ Яна. Не удивляйтесь, что у насъ частный аэропланъ. Я долженъ былъ нанять его въ Нью-Йоркѣ, чтобы во время добраться въ Трентонъ.

Яна взглядомъ поблагодарила доктора. Какъ мило съ его стороны, не останавливаться передъ расходами, чтобы въ такое время быть возлѣ нея, сумѣть ей помочь. Въ сопровожденіи доктора Глоссина она вошла въ кабинку аэроплана, тотчасъ поднявшагося для полета на западъ. Докторъ Глоссинъ сѣлъ напротивъ Яны.

— Разрѣшите мнѣ, милая миссъ Яна, немного описать вамъ ваше будущее мѣстожителство. Мое помѣстье въ Колорадо называется Рейнольдсѣ-фармъ. Сейчасъ это спокойная дача, расположенная въ долинѣ къ востоку отъ горъ. Горный воздухъ, ароматъ сосенъ и покой. Полный покой, въ какомъ мы, городскіе люди, иногда нуждаемся, какой и вамъ принесетъ пользу.

— Но вы сами лишь изрѣдка можете бывать тамъ, господинъ докторъ. Кто живетъ на вашей фермѣ? Кто заботится о порядкѣ? Къ кому мнѣ придется обратиться?

— Прежде всего къ моей доброй старой Абигайлѣ; это старый чернокожій фактотумъ, который содержитъ домъ въ порядкѣ.

Яна кивнула. Какъ американка, она привыкла къ тому, что черная прислуга пользуется въ домахъ бѣлыхъ большимъ довѣріемъ.

— Доброе, старое привязчивое животное. Ея красота оставляетъ желать лучшаго, но зато она преданна и прилежна и будетъ угадывать ваши желанія по глазамъ...

Аэропланъ спѣшилъ вслѣдъ заходящему солнцу и началъ спускаться лишь тогда, когда на пылающемъ багрянцемъ западѣ не вырисовалась горная цѣпь отъ Денвера до Кайенъ. Онъ опустился на открытой, поросшей травой равнинѣ. Докторъ Глоссинъ былъ правъ: здѣсь воздухъ былъ совершенно иной, чѣмъ въ Трентонѣ, гдѣ работы, несмотря на всѣ успѣхи и улучшенія, все еще отравляли воздухъ большимъ количествомъ сажи и пыли.

Аэропланъ остановился вблизи фермы. По дорогѣ къ дому шла имъ на встрѣчу старая негритянка, уродливая, какъ большинство женщинъ ея племени.

— Добрый день, мистеръ докторъ. Старая Абигайлѣ все приготовила. Супъ готовъ. Комнаты готовы...

Она ухмыльнулась, отчего углы ея рта раздвинулись до ушей и попыталась поцѣловать руку доктора.

— Ладно, Абигайль. Я и не ждалъ иного. Моя племянница, миссъ Гарте, нѣкоторое время проведетъ на фермѣ. Ты будешь служить ей, какъ мнѣ и позаботишься о томъ, чтобы она чувствовала себя по домашнему.

Объ руку съ Глоссиномъ вошла Яна въ новый домъ. Докторъ провелъ ее въ гостиную и знакомъ велѣлъ Абигайль провести ее въ отведенныя комнаты. Мальчикъ мулатъ принесъ туда сундуки изъ аэроплана. Яна опустилась на стулъ у окна и смотрѣла на темнѣющій ландшафтъ. Мысли ея были съ Сильвестромъ.

Извѣстіе изъ Зингъ-Зингъ проникло, конечно, и въ тихій домикъ въ Трентонѣ и до крайности перепугало обѣихъ женщинъ. Правда, онѣ прочли, что онъ спасся, но самый фактъ его обвиненія въ государственной измѣнѣ и смертнаго приговора, звучалъ уничтожающе.

Яна вошла въ столовую. Прислуживалъ молодой лакей-мулатъ. Глоссинъ выждалъ, пока онъ покинулъ комнату и лишь тогда началъ разговоръ.

— Милая миссъ Яна, мое леченіе уже начинаетъ дѣйствовать. Вы выглядите гораздо лучше, чѣмъ сегодня утромъ.

— Можетъ быть вы и правы, докторъ. Поѣздка измѣнила направленіе моихъ мыслей. Я была бы почти довольна, если бы знала что-либо о судьбѣ нашего друга Сильвестра.

— Будьте довольны, милая миссъ Яна, что нашъ другъ избѣжалъ опасности и теперь находится въ безопасности. Если вы что-либо значите для него, онъ навѣрное дастъ знать о себѣ.

— Онъ дастъ... Онъ долженъ...

Эти слова порывисто вырвались у Яны. Докторъ Глоссинъ молчалъ, словно испуганный этимъ проявленіемъ чувства.

— Простите мою порывистость, докторъ. Я забочусь о судьбѣ отсутствующаго и даже не поблагодарила еще васъ за вашу доброту.

Онъ строилъ планы будущности Яны. Длительный отдыхъ здѣсь, потомъ поѣздка въ Европу. Тамъ должны были находиться родственники ея отца.

— Я слышала, докторъ, что назрѣваетъ война съ Англійей. Тогда вѣдь никто не сумѣетъ отправиться въ Европу?

Докторъ Глоссинъ покачалъ головой.

— Газетная болтовня, милая миссъ Яна, мы не думаемъ о войнѣ. Я самъ завтра утромъ снова отправляюсь въ Европу. Лишь позавчера я былъ въ Англии. Говорятъ о войнѣ, потому что газеты нервируютъ насъ; въ дѣйствительности же никто объ этомъ не думаетъ.

— Я открываю въ васъ все новыя стороны, докторъ. Я думала, что ваши дѣла сосредоточены только между Нью-Йоркомъ и Трентономъ. Оказалось, у васъ есть еще это прекрасное помѣстье въ Колорадо, теперь же я узнаю, что вы дважды въ недѣлю ѣздите въ Европу. Должно быть, хорошо такъ путешествовать.

— Если ѣздишь для своего удовольствія, а не дѣлаешь по обязанности.

Легкій вздохъ сорвался съ губъ доктора.

— Я надѣюсь, миссъ Яна, скоро тоже обрѣсти немного покоя. Тогда мы вмѣстѣ поѣдемъ въ Европу, и я покажу вамъ красоты Стараго Свѣта.

Онъ поднялъ стаканъ густого стараго калифорнійскаго вина и чокнулся съ Яной.

— За счастливую совмѣстную поѣздку!

Обѣдъ подходилъ къ концу. Докторъ Глоссинъ воспользовался послѣднею четвертью часа, чтобы описать жизнь въ ближайшіе дни.

— У насъ есть лошадь и экипажъ. Вы можете предпринимать прогулки. Боби — онъ указалъ на слугу, — умѣетъ не только прислуживать, онъ также и ловкій ѣздокъ. Онъ знаетъ лучшія дороги въ окрестностяхъ. Воспользуйтесь библіотекой... Я забылъ, она заперта. Могу ли я предложить вамъ ключъ?.. Нѣтъ, я лучше покажу ее вамъ.

Онъ провелъ Яну въ сосѣднюю комнату и самъ открылъ

застекленныя дверцы, за которыми скрывалось нѣсколько сотъ со вкусомъ подобранныхъ томовъ.

— Главное, моя милая Яна, не поддаваться въ долгіе часы бездѣлья мыслямъ и воспоминаніямъ.

При послѣднихъ словахъ докторъ Глоссинъ взялъ ея руки. Хотя онъ не прибавилъ ни слова, она почувствовала, что онъ на сегодня прощается съ ней, почувствовала вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ ее охватываетъ покой.

Докторъ Глоссинъ направился къ аэроплану. У него были причины спѣшить, если онъ на слѣдующее утро снова хотѣлъ быть въ Англіи. Абигайль, ухмыляясь, преградила ему путь.

— Новая леди можетъ выходить, господинъ докторъ?

Въ этомъ вопросѣ заключалась цѣлая исторія. Сколько было тутъ такихъ, которымъ запрещалось выходить! Глоссинъ кинулъ взглядъ на негритянку. Его правая рука медленно поднялась. Она сжалась подъ угрозой удара.

— Говорю тебѣ, черное животное, эта молодая дама — моя племянница. Горе тебѣ, если ты...

Онъ опустилъ руку и вышелъ.

Они сидѣли на обвитой ломоносомъ террасѣ труворовскаго дома у Торнеаэльфа. Сквозь листву дикаго винограда открывался видъ на катившуюся въ ста метрахъ рѣку и на расположенныя напротивъ горы, покрытыя сосной. Ихъ было трое: Эрикъ Труворъ, шведъ, Сомма Атма, индусъ, и Сильвестръ Бурсфельдъ, нѣмецъ по происхожденію.

Атма занялъ свое любимое мѣсто на диванѣ на заднемъ планѣ веранды, предаваясь размышленіямъ.

Эрикъ Труворъ и Сильвестръ сидѣли возлѣ перилъ за столомъ, заваленнымъ планами и чертежами.

— Я еще почти не знаю, Эрикъ, какъ ты встрѣтился съ Атмой. Атма, мой соученикъ въ Панконгъ-Тцо, здѣсь, въ Линнеѣ, съ тобою! Только въ водоворотѣ событій я могъ принять его за нѣчто само собою разумѣющееся.

— Какъ я нашель Атму? Какъ мы съ Атмой нашли тебя? Удивительная исторія!

Онъ сказалъ, что мы должны тебя искать... Я хотѣлъ снова увидѣть тебя. Атма назвалъ Трентонъ — мы поѣхали въ Трентонъ. Мы не нашли тебя, но мы нашли Яну Гарте. Она была озабочена твоимъ исчезновеніемъ.

Атма сталъ ее спрашивать. Ты знаешь, какъ он умѣетъ спрашивать, не стѣсняясь временемъ и пространствомъ. Съ закрытыми глазами она изъ страшной дали прочитала приговоръ. Четырьмя словами она указала, гдѣ лежатъ твои чертежи.

Остальное было легко. Мы нашли въ гостиницѣ Зингъ-Зинга Джо Вильямса, одного изъ двѣнадцати свидѣтелей. За тысячу долларовъ онъ уступилъ свои документы мнѣ, жаждущему впечатлѣній чужестранцу, который хотѣлъ присутствовать при электрической казни. Я проникъ въ тюрьму, Атма ждалъ у дверей въ автомобилѣ. Вотъ и все.

Сильвестръ схватилъ руку Эрика Трувора и задушевно пожалъ ее.

— Для меня дѣйствительно все, Эрикъ. Не явись вы, я бы погибъ. Вы нашли меня благодаря Янѣ, благодаря моей Янѣ!

— Твоей Янѣ? Что тебѣ Яна Гарте?

— Моя невѣста, мое все!

— Вернемся къ работѣ. Я видѣлъ твои планы и разсматривалъ исчисленія. Дай мнѣ дальнейшія объясненія.

Сильвестръ Бурсфельдъ съ задумчивымъ видомъ ученаго поглядѣлъ на лежащія передъ нимъ бумаги.

— Мнѣ удалось разрѣшить проблему передачи энергіи на разстояніе. Предположи, что здѣсь въ нашемъ домѣ есть машина въ тысячу лошадиныхъ силъ. Ясно, что здѣсь, на мѣстѣ, я могу примѣнить энергію ко всему возможному. Но до сихъ поръ мнѣ не было извѣстно средство сосредоточить дѣйствіе этой энергіи въ какомъ-нибудь пунктѣ земного шара на любомъ разстояніи. При всякой попыткѣ передать энергію, она ослабѣвала, соотвѣтственно разстоянію. Настоятельной причины, конечно, нѣтъ. Этимъ тысячамъ лошадиныхъ силъ должно быть совершен-

но безразлично, дѣйствовать ли здѣсь или въ какомъ нибудь другомъ мѣстѣ.

Эрикъ Труворъ прервалъ его:

— Если бы мы имѣли здѣсь милліонъ или сто милліоновъ лошадиныхъ силъ, ты могъ бы заставить ихъ дѣйствовать гдѣ угодно?

— Конечно. Я могъ бы сжать энергію на какомъ-нибудь пунктѣ Австралійской пустыни или на Нью-Йорскомъ Бродвеѣ до величины лѣсного орѣха. Я могъ бы такъ же заставить ее выступать въ видѣ развернутыхъ электромагнетическихъ полей. Всякій видъ дѣйствія возможенъ.

Эрикъ Труворъ задумчиво покачалъ головой.

— Сто милліоновъ лошадиныхъ силъ, занимающихъ пространство лѣсного орѣха... Въ пороховыхъ камерахъ военныхъ властей этого достаточно для вѣчнаго мира.

Сильвестръ Бурсфельдъ продолжалъ давать объясненія.

— Передача энергіи была исходнымъ пунктомъ моей работы. Затѣмъ я подумалъ... Зачѣмъ обнаруживать энергію въ одномъ мѣстѣ, заставляя ее дѣйствовать въ другомъ, когда все пространство переполнено избыткомъ энергіи. Я вывелъ заключеніе, что достаточно только небольшой части особой формы энергіи, въ отдаленномъ мѣстѣ, приводящей къ взрыву.

Мое предположеніе оказалось правильнымъ, но практическое примѣненіе никакъ не удавалось.

Такъ обстояли дѣла, когда я прибылъ въ Трентонъ. Все свободное время я посвящалъ разрѣшенію проблемы. У доктора Глоссина была хорошая лабораторія и онъ позволилъ мнѣ работать тамъ. Тогда я еще не зналъ, что онъ предатель.

— Который предалъ и твоего отца, — сказалъ Сома Атма.

Сильвестръ поднялъ глаза, какъ человѣкъ, внезапно разбуженный отъ сна.

— Я всегда слышалъ, что мой отецъ подвергся нападенію возставшаго курдскаго племени.

Атма продолжалъ звучнымъ голосомъ:

— Къ чему смущать ясное зеркало молодой души? Глоссинъ, другъ твоего отца, былъ предателемъ. Навучи, англичане, были замѣшаны въ это дѣло. Они не воспрепятствовали нападенію, потому что твой отецъ обладалъ тайной великаго открытія...

— Что изобрѣлъ мой отецъ? Гдѣ онъ остался? — возбужденно спросилъ Сильвестръ.

— Его уже нѣтъ въ живыхъ. Его открытіе давало большую власть. Поэтому Навучи дали его ограбить.

Эрикъ Труворъ прервалъ индуса:

— Оставимъ мертвыхъ въ покоѣ. Сильвестръ, продолжай.

— ...Я говорилъ о Глоссинѣ. Въ его лабораторіи я продолжалъ свои работы. Осторожно, потому что его любопытство было мнѣ подозрительно. Я избѣгалъ дѣлать ненужныя замѣтки. То, что приходилось записывать, я записывалъ по тибетски.

Успѣхъ явился неожиданно. Я во снѣ съ осязательной отчетливостью увидѣлъ лучеиспускатель.

Эрикъ Труворъ покачалъ головой.

— Знаемъ мы это... Все въ порядкѣ. Когда просыпаешься, забываешь сонъ или рѣшеніе бываетъ бессмысленнымъ... Врутъ всѣ сны...

— Не всегда, — вставилъ Аتما.

— Проснувшись, я съ полной отчетливостью увидѣлъ форму лучеиспускателя. Весь мой аппаратъ находился въ маленькомъ ящичкѣ...

— Въ ящичкѣ краснаго дерева.

— Да. Сонъ не давалъ мнѣ покоя. Было еще рано, лѣтнія сумерки только начинали спускаться. Въ восемь я долженъ былъ приняться за работу. Лишь послѣ обѣда можно было отправиться въ лабораторію. Я не могъ терпѣть такъ долго. При помощи простыхъ средствъ, находившихся подъ рукой въ квартирѣ, я составилъ машину. Я продѣлалъ опытъ, и онъ удался. Кусокъ желѣза растаялъ и превратился въ безформенную массу. Задача была рѣшена.

Послѣ обѣда я пришелъ въ лабораторію... Мнѣ хотѣлось продѣлать простой опытъ. Аппаратъ долженъ былъ

отразить электромоторную силу... Я придалъ ему надлежащее положеніе у зажимовъ. Въ тотъ же самый моментъ изъ-за распредѣлительной доски показался густой дымъ. Провода, рассчитанные на десятитысячный вольтажъ, раскалились докрасна. Предохранитель перегорѣлъ. Я рванулъ аппаратъ къ себѣ, но это было уже излишне. Предохранители были испорчены.

Я тогда узналъ двѣ вещи: что мой аппаратъ работаетъ и что со мной попытались сыграть скверную штуку. Кто-то, свой человѣкъ въ лабораторіи произвелъ опасное соединеніе.

Три дня спустя, во время прогулки по лѣсу за мной послѣдовалъ автомобиль. Внезапно онъ остановился подлѣ меня. Въ одинъ моментъ меня втянули внутрь, связали и оглушили. Я пришелъ въ сознаніе только въ тюрьмѣ. Увидѣвъ среди судей Глоссина, я понялъ, кто хозяйничалъ въ лабораторіи.

Эрикъ Труворъ вскочилъ.

— Смерть собакѣ! Мы обладаемъ властью уничтожить его. — Онъ схватился за аппаратъ.

— Освободимся отъ этой гадины!

Сильвестръ хотѣлъ отвѣтить, хотѣлъ сказать, что точный прицѣлъ на такомъ разстояніи еще не возможенъ, что огонь и вихрь, кромѣ одного виновнаго уничтожатъ тысячи невинныхъ, но его прервалъ спокойный голосъ Атмы.

— Его судьба связана съ нашей. Все исполнится въ свое время. Часъ еще не насталъ...

Онъ снова погрузился въ задумчивость. Эрикъ Труворъ занялъ свое мѣсто у стола и разсматривалъ аппаратъ. Его возбужденіе улеглось.

— Что ты можешь сдѣлать при помощи этого лучеиспускавателя?

— При помощи этого маленькаго аппарата я могу привести въ дѣйствіе энергію въ десять тысячъ киловаттъ. Для большаго количества энергіи аппаратъ долженъ быть больше. . .

Эрикъ Труворъ взялъ подозрную трубу и сталъ разглядывать горный гребень по другую сторону Эльфа.

— Видишь сосну надъ камнемъ?

Сильвестръ взялъ трубу.

— Ее нельзя не замѣтить.

— Можешь ли ты сжечь ее?

Улыбка прошла по лицу Сильвестра.

— Если бы сосна стояла въ Канадѣ, и тогда это было бы возможно. — При этихъ словахъ онъ подвинулъ ящичекъ и повернулъ нѣсколько рычаговъ.

Эрикъ Труворъ глядѣлъ сквозь стекло черезъ рѣку, онъ увидѣлъ, какъ надъ вершиной сосны поднялся голубой дымъ и какъ яркое пламя вырвалось изъ ствола. Двадцать секундъ спустя дерево пылало. Минутой позже оно исчезло превратившись въ крохотную, невидимую кучку золы. Но огонь распространился дальше: горѣли верхушки сосѣднихъ деревьевъ. Въ сухомъ юнѣ могъ разгорѣться лѣсной пожаръ. Эрикъ Труворъ понялъ опасность.

— Лѣсъ горитъ, Сильвестръ! Можешь ли ты приостановить огонь?

Сильвестръ былъ въ своей сферѣ.

— Хорошій поводъ испытать дѣйствіе аппарата на давленіе воздуха. Я сконцентрирую жаръ перпендикулярно линіи горящихъ сосенъ. Горячій воздухъ долженъ подняться кверху. Холодный устремится со всѣхъ сторонъ, и вихрь долженъ затушить огонь.

Давая это объясненіе, онъ нажалъ какую-то кнопку на своемъ аппаратѣ. Даже невооруженнымъ взглядомъ можно было замѣтить, какъ внезапный вихрь захлестнулъ деревья на горномъ гребнѣ. Стволы склонялись, тамъ и сямъ ломались верхушки. Вихрь затушилъ огонь. Обычный вѣтеръ раздулъ бы его, но этотъ циклонъ настолько бурно пронесся черезъ горящія вѣтви, что въ одну минуту затушилъ пламя и охладилъ раскаленное дерево.

Эрикъ Труворъ схватилъ теоретическія положенія своего друга. Онъ самъ, по чертежамъ послѣдняго дѣйствовалъ аппаратомъ, чтобы взорвать машину въ Зингъ-Зингъ, и все же дѣйствіе лучеиспускателя повергало его опять въ глубочайшее изумленіе. Его мысли проникали дальше, чѣмъ мысли Сильвестра. Тотъ былъ только инженеромъ, его интересовала лишь научная сторона, Эрикъ Труворъ од-

нимъ взглядомъ охватилъ практическія возможности, таившіяся въ этомъ открытіи.

Мейтландъ Каствль, старинное родовое помѣстье Мейтландовъ, ко времени лѣтняго солнцеворота давалъ пріютъ многочисленнымъ гостямъ. Согласно старому англійскому обычаю, обязательнымъ являлся только совмѣстный обѣдъ. Остальное время дня гости могли проводить по своему усмотрѣнію, и хозяева пользовались той же свободой, какую предоставляли гостямъ.

По темной буковой аллеѣ, прямой, какъ стрѣла, ведущей съ вышины замковаго холма до воротъ въ концѣ парка шла леди Діана Мейтландъ.

Съ противоположной стороны навстрѣчу ей появилась фигура, въ которой она узнала доктора Глоссина. Невольно замедлила она шагъ. Инстинктъ подсказывалъ ей избѣгать встрѣчи. Она хотѣла остановиться и вернуться обратно въ аллею, но мысль, что докторъ Глоссинъ тоже узналъ ее, заставила ее продолжать путь по тропинкѣ.

Докторъ Глоссинъ остановился передъ ней.

— Долженъ сознаться, леди Діана, что я рѣдко видѣлъ такія чудныя розы, какъ эти. Вы любите розы?

— Очень, господинъ докторъ. Но ихъ видъ для меня пріятнѣе запаха. Въ комнатахъ этотъ одуряющій ароматъ разстраиваетъ меня.

— О, какъ жаль тѣхъ безчисленныхъ розовыхъ лепестковъ, которые каждый вечеръ летѣли къ вашимъ ногамъ, когда вы чаровали слушателей въ Метрополитенъ-Оперѣ.

Леди Діана сорвала розу и сунула ее за поясъ, не отвѣчая на вопросъ. Она сама при случаѣ говорила о своей прежней артистической жизни, но не любила, когда другіе напоминали ей объ этомъ.

Докторъ Глоссинъ, казалось, не понялъ знака.

— Тѣ часы, когда я слушалъ вашъ несравненный голосъ, принадлежатъ къ счастливейшимъ въ моей жизни.

Особенно памяты мнѣ тѣ вечера, гдѣ вы выступали съ Фредерикомъ Бойсъ. Вашъ голосъ никогда не звучалъ пре-
краснѣе.

Легкая краска залила лицо леди Діаны. Такія слова въ устахъ столь мало знакомаго человѣка, какъ докторъ Глоссинъ, могли быть приняты какъ грубая безтактность или...

Она почувяла врага и перемѣнила тактику.

— Вы любитель музыки, господинъ докторъ? Можетъ быть, и любитель розовыхъ лепестковъ?

Она попыталась придать голосу насмѣшливый оттѣнокъ.

— Не могу отрицать, миледи, что принадлежалъ къ числу вашихъ почитателей. Прочтя о вашемъ уходѣ со сцены... Я былъ тогда въ Санъ-Франциско... Я собрался летѣть въ Нью-Йоркъ, въ день вашего послѣдняго выступленія. Если не ошибаюсь, тогда шелъ «Фиделіо», гимнъ супружеской любви.

— Почему же вы не явились?

Леди Діана произнесла это механически. Ея мысли лихорадочно работали. Она чувствовала, что это только легкая перестрѣлка. Главнаго удара нужно было ожидать съ другой стороны... Но съ какой?

— Почему?... Странный случай задержалъ меня на нѣсколько дней...

Онъ выдержалъ паузу.

— Пожалуйста, докторъ, расскажите, если это интересно.

— Интересно? Для всѣхъ врядъ ли, но для тѣхъ, кого это касается — пожалуй. Если бы я не боялся пробудить непріятныя воспоминанія...

— Къ чему увертки, господинъ докторъ? Пожалуйста...

Леди Діана знала, что теперь послѣдуетъ ударъ. Но несмотря на неизвѣстность, откуда онъ будетъ нанесенъ, ея голосъ звучалъ спокойно и твердо.

— Если таково желаніе вашей свѣтлости... Когда знаменитая пѣвица Діана Рачинская вступила въ бракъ съ пѣвцомъ Фредерикомъ Бойсъ, всѣ знавшіе Фредерика

Бойсь за игрока и пьяницу, пророчили быстрый конецъ этого союза. Уже черезъ полгода бракъ настолько былъ расшатанъ, что начался разводъ; Діана Бойсь ожидала лишь судебного приговора, чтобы вступить въ новый бракъ съ Гораціемъ Клинтономъ...

— Вы хотѣли рассказать интересную исторію... и вспоминаете старыя вещи, въ достаточной мѣрѣ извѣстныя мнѣ.

— Короткое введеніе было необходимо, миледи. Въ тотъ вечеръ вашего послѣдняго выступленія я прибылъ изъ Санъ-Франциско и заблудился въ портовомъ кварталѣ. Проходя мимо одного изъ кабаковъ, откуда несся ревъ пьяныхъ матросовъ, я увидѣлъ, какъ внезапно открылась дверь и какой-то человѣкъ, подталкиваемый грубыми кулаками, взлетѣлъ вверхъ по ступенямъ и у моихъ ногъ упалъ на мостовую.

Я хотѣлъ пройти дальше, но, при свѣтѣ фонаря, увидѣлъ, что вокругъ тѣла пьяницы образовывается кровавая лужа. Кровь струилась изъ глубокой раны на затылкѣ, нанесенной, вѣроятно, ударомъ ножа.

Послѣ нѣкоторыхъ поисковъ я нашелъ патруль, который доставилъ раненаго въ полицію. Такъ какъ я отчасти былъ свидѣтелемъ происшествія, мнѣ пришлось дать необходимыя показанія. Между тѣмъ полицейскій врачъ наложилъ раненому повязку и смылъ съ его лица кровь и грязь. Этотъ человѣкъ былъ...

— Кто?

Леди Діана почувствовала, какъ кровь отлила отъ ея сердца. Невольно склонила она голову. Теперь долженъ былъ послѣдовать ударъ...

— ...Фредерикъ Бойсь, вашъ мнимо умершій супругъ.

— Фредерикъ...

Леди Діана покачнулась и упала бы, не подхвати ее докторъ Глоссинъ.

— Мужайтесь, миледи! Ради Бога! Я внѣ себя. Простите мою неловкость.

Онъ подвелъ ее почти безъ чувствъ къ скамейкѣ и сѣлъ возлѣ нея.

— Фредерикъ... Фредерикъ...

Эти слова непрерывно срывались съ ея блѣдныхъ губъ.

— Фредерикъ Бойсъ умеръ, леди Діана.

— Умеръ? — Ея глаза неестественно расширились. —

Вы сказали... только что...

— Фредерикъ Бойсъ умеръ два часа спустя. Ударъ былъ смертеленъ.

Тѣло Діаны напряглось.

— Это правда?

Докторъ вынулъ изъ кармана бумагу и передалъ ей.

Леди Діана покачала головой и опустила листокъ.

— Что это?

— Это свидѣтельство полицейскаго агента изъ Фриско о послѣдовавшей 9-го мая 1950 года смерти Фредерика Бойсъ.

Леди Діана скрестила руки на груди и откинула голову на спинку скамейки. Такъ она долго сидѣла, словно мраморная статуя.

— Продолжайте, господинъ докторъ. — Она сказала это такъ спокойно и твердо, что докторъ изумился.

— При мертвецѣ не было найдено бумагъ. Полиція недовѣрчиво отнеслась къ моимъ показаніямъ относительно этой личности: вѣдь десять дней назадъ газеты объявили о смерти пѣвца Фредерика Бойсъ въ городскомъ госпиталѣ. Я стоялъ на своемъ. Начались розыски. Они выяснили, что умершій въ госпиталѣ не былъ законнымъ обладателемъ найденныхъ при немъ бумагъ. Онъ въ состояніи опьяненія похитилъ ихъ у настоящаго владѣльца. Такимъ образомъ было установлено, что Фредерикъ Бойсъ умеръ 9-го мая.

Докторъ Глоссинъ продолжалъ:

— Создается своеобразное положеніе, что ваша свѣтлость была обвѣнчана съ лордомъ Мейтландъ, или, какъ его еще звали тогда, съ мистеромъ Клинтономъ въ то время, какъ вашъ первый супругъ былъ еще живъ. По законамъ васъ врядъ ли можно упрекнуть, такъ какъ у васъ были подложныя свѣдѣнія о его смертномъ часѣ. Но голосъ общественнаго мнѣнія много значить для принадлежащихъ къ высшему обществу.

Настороженно ожидалъ онъ дѣйствія своихъ словъ.

— Вы кончили, господинъ докторъ?

Глоссинъ кивнулъ. Леди Діана смѣрила его взглядомъ.

— Сколько вы хотите за свое молчаніе?

Докторъ вскочилъ, словно отъ удара хлыста.

— Вы хотите предложить мнѣ денегъ... Берегитесь! Я никогда не забываю оскорбленій!

— Чего же вы хотите, господинъ докторъ?

— Я прошу не продолжать въ такомъ тонѣ. Я могъ бы прервать нашъ разговоръ... Это было бы не выгодно для васъ.

— Для чего вы рассказываете мнѣ эту исторію, господинъ докторъ?

— Придетъ день, леди Діана, когда вы пожалѣете объ этихъ словахъ, когда вы добровольно протянете мнѣ руку. Тогда я напомню вамъ о сегодняшнемъ днѣ. Сегодня я прошу васъ о простой любезности, которая не доставитъ вамъ труда, а для меня значитъ очень много.

Леди Діана задумчиво посмотрѣла на свои красивыя бѣлыя руки. Она сомнѣвалась, что когда-нибудь протянетъ ихъ доктору Глоссину.

Она побѣдила въ этой борьбѣ. Но внутренне она была болѣе потрясена, чѣмъ это было замѣтно внѣшне. Она охотно согласилась простой любезностью отдѣлаться отъ стѣснительнаго гостя.

— Въ чемъ дѣло, господинъ докторъ?

— Для объясненія я долженъ вернуться назадъ и сдѣлать вашей свѣтлости признаніе. Я не всегда былъ американскимъ гражданиномъ. Въ 1927 году я жилъ, какъ англійскій подданный въ Мессопотаміи. Тамъ работалъ инженеръ, который сдѣлалъ открытіе, грозившее Англій. Я увѣдомилъ объ этомъ Англійское правительство, и изобрѣтатель исчезъ въ Тоуэрѣ. Вашъ супругъ, лордъ Мейтландъ, долженъ знать объ этомъ дѣлѣ или по крайней мѣрѣ легко найти его. Помогите мнѣ, — я долженъ знать, находится ли еще Гергартъ Бурсфельдъ въ Тоуэрѣ. Ему теперь было бы шестьдесятъ пять лѣтъ. Помогите мнѣ и вы можете быть увѣрены въ моей благодарности.

— Хорошо, господинъ докторъ, я поговорю съ мужемъ. Будетъ сдѣлано все возможное, чтобы доставить вамъ желаемыя свѣдѣнія.

Часть вторая

Насталъ день, когда три человѣка въ Линнеѣ молча обнялись. Это былъ день полного завершенія великаго открытія.

Дни напряженнѣйшей работы въ лабораторіи и мастерской остались позади. Предстоявшая теперь работа надъ постройкой была физической игрой и умственнымъ отдыхомъ.

Главную работу выполнилъ Сильвестръ. Его изслѣдовательскій геній побѣдилъ неожиданно возникавшія препятствія.

Послѣ послѣдней ночи усиленной работы Сильвестръ съ улыбкой отбросилъ перо. Съ его губъ сорвалось побѣдное «эврика». Потомъ онъ уснулъ глубокимъ, похожимъ на смерть, сномъ.

Теперь, когда важнѣйшая работа была сдѣлана, и его созданіе удалось, мысли Сильвестра безпрепятственно вернулись къ прошлому, къ Трентону, къ Янѣ.

Онъ не понималъ самого себя. Какъ могъ онъ въ теченіе этихъ дней такъ забыть Яну? Околдовала ли его работа? Вмѣшалось ли тутъ чье-то вліяніе? Онъ не находилъ отвѣта.

Онъ увидѣлъ свою невѣсту, ухаживающей за любимыми цвѣтами въ маленькомъ садикѣ. Увидѣлъ ее при уютномъ освѣщеніи лампы; замѣтилъ розоватый оттѣнокъ, при разговорѣ окрашивающій ея нѣжныя щеки, и блескъ ея глазъ. Онъ увидѣлъ ее, въ тихіе вечерніе часы, легкимъ колеблющимся шагомъ идущую рядомъ съ нимъ по полямъ.

Потомъ онъ увидѣлъ доктора Глоссина, и обезпокоился. Онъ долженъ быть съ Яной, охранять ее. Любовь его смѣшивалась со страхомъ.

Съ нетерпѣніемъ ожидалъ онъ возвращенія Эрика Трувора. Торопясь, раскрылъ онъ ему свои планы и желанія. Открытіе было закончено. Практическое выполненіе — пустяки. Если оно, благодаря его отсутствію продлится нѣсколько дольше, бѣда не велика,

Эрикъ Труворъ слушалъ Сильвестра съ неподвижнымъ лицомъ.

— Ради женщины ты хочешь стать измѣнникомъ?

— Измѣнникомъ? Что значитъ это слово въ твоихъ устахъ? Яна имѣла бы право произнести его.

— А наша миссія? — съ силой проговорилъ Эрикъ Труворъ.

— Миссія? Моя задача выполнена. Открытіе закончено. Я далъ то, что долженъ былъ дать. Работа въ мастерской можетъ идти безъ меня. Нѣсколькими днями раньше или позже — не все ли равно?

— За нѣсколько дней могутъ погибнуть тысячи мужчинъ, стать вдовами тысячи женщинъ. За нѣсколько дней можетъ случиться больше горя, чѣмъ можно сгладить за десятилѣтіе.

— Ты видишь все въ черномъ свѣтѣ. Развѣ ожидается объявленіе войны въ ближайшее время?

— Конечно! Ежедневно, ежечасно могутъ раздаться первые выстрѣлы. Поэтому аппаратъ долженъ быть готовъ какъ можно скорѣе. Мы отдохнули. Ничто не мѣшаетъ намъ тотчасъ же взяться за работу.

Сильвестръ молчалъ. Противорѣчивыя чувства боролись въ немъ. Онъ представлялъ себѣ Яну въ рукахъ Глосина, поля битвы, покрытыя убитыми и ранеными... Совѣсть и честь заставили его принести свою любовь въ жертву.

— Но... — На его лицѣ отражалось возбужденіе... — Но откуда въ тебѣ эта увѣренность, что война разразится въ ближайшее время? Ты основываешься только на предположеніяхъ.

Эрикъ Труворъ молча указалъ на индуса.

— Ты, Атма? Ты сказалъ это?

— Я сказалъ то, что видѣлъ въ тихія noci, когда вы работали. Я видѣлъ блестящіе мечи въ рукахъ враговъ.

Сильвестръ склонилъ голову и отвернулся, чтобы скрыть свое волненіе. Индусъ обвилъ рукой его плечи.

— Война не начнется, пока не умретъ луна, Когда я прошлой ночью бодрствовалъ возлѣ тебя, я увидѣлъ, какъ мечи были вложены въ ножны, но руки остались на рукояткахъ.

— Что ты говоришь, Атма? Война отложена?

Эрикъ Труворъ ближе подошелъ къ индусу. Въ рукахъ у него были бумажныя полосы полученныхъ телеграммъ.

— Отложена! Это объясняетъ измѣнившійся тонъ этихъ телеграммъ.

— Отложена, пока не возродится луна. У насъ есть время исполнить и твою волю, и желаніе Сильвестра.

Эрикъ Труворъ покорился.

Помощь Сильвестра нужна была ему еще въ теченіе двухъ сутокъ, чтобы приготовить части новой машины и потомъ самому составить ихъ.

Напрасно Сильвестръ пытался бороться съ этимъ приказомъ. Атма сталъ на сторону Эрика.

— Два дня и двѣ ночи, Сильвестръ. Послѣ этого мы найдемъ дѣвушку.

Со вздохомъ сдался Сильвестръ. Снова закипѣла работа. Сталь и мѣдь выливались въ новыя формы, и въ теченіе сорока восьми часовъ были готовы части будущаго но-ваго лучеиспускателя.

Докторъ Глоссинъ сидѣлъ въ зданіи англійскаго адмиралтейства передъ пухлой запыленной папкой и перелистывалъ страницу за страницей.

Передъ нимъ, на пожелтѣвшей бумагѣ, лежало, написанное его собственной рукой, короткое сообщеніе, которымъ онъ когда-то обратилъ вниманіе англійскаго окружнаго комиссара на Гергарта Бурсфельда. Письмецо нашло

дорогу къ туманнымъ берегамъ Темзы и сдѣлало свое дѣло. Объ этомъ говорили остальные бумаги.

Вотъ донесеніе другого окружного комиссара главному комиссару о похищеніи инженера Бурсфельда разбойничьей бандой туземцевъ. Сообщение о томъ, что войска подняты на ноги. Экспедиція, снаряженная для освобожденія плѣнника. Рядомъ съ этимъ сообщеніе о томъ, что дача Бурсфельда при его похищеніи сгорѣла. Свѣдѣнія о томъ, что Бурсфельдъ находится на борту маленькаго крейсера «Алкіонъ», о невозможности найти его жену и ребенка. Вплоть до сихъ поръ свѣдѣнія могли быть помѣщены въ любой газетѣ, англійское правительство играло роль освободителя и ничто не выдавало, что похищеніе было совершено по заказу. Потомъ они стали серьезнѣе и уже не годились для огласки.

Перемѣщеніе Бурсфельда въ Тоуэръ. Первый допросъ по поводу его открытія. Его отказъ что либо сказать. Допросы, повторяющіеся въ теченіе ближайшихъ четырехъ недѣль. Все тѣ же отрицательные отвѣты.

А вотъ и послѣдняя бумага въ папкѣ. Сообщение о томъ, что Гергартъ Бурсфельдъ на пятой недѣлѣ своего заключенія былъ найденъ мертвымъ на кровати. Врачъ констатировалъ параличъ сердца.

Докторъ Глоссинъ свободно вздохнулъ. Тридцатилѣтняя тяжесть свалилась съ его души. Гергартъ Бурсфельдъ умеръ, и англійское правительство ничего не узнало о его тайнѣ. Докторъ Глоссинъ воскресилъ въ своихъ воспоминаніяхъ то небольшое, что ему тогда удалось узнать отъ друга — утвержденіе теоретической возможности передать въ любое мѣсто энергію, выявившуюся въ другомъ. Небольшая попытка, при которой взорвался динамитный патронъ, находившійся въ пятистахъ метрахъ разстоянія, когда Бурсфельдъ маленькимъ аппаратомъ продѣлалъ нѣсколько маневровъ. Упорный отказъ друга сказать что-либо еще.

Слова «передача энергіи», долбили его мозгъ. Гергартъ Бурсфельдъ употреблялъ эти слова. Онъ зналъ тайну, обеспечивающую владѣющему ею государству міровое господство. При помощи этого средства можно было издали

взорвать любой складъ взрывчатыхъ веществъ, вызвать взрывъ патрона въ ружьѣ отдѣльнаго солдата или же въ гигантскихъ пушкахъ морской стражи.

Папка заканчивалась большимъ желтымъ конвертомъ. Онъ содержалъ тѣ немногія бумаги, какія были найдены при покойникѣ. Его паспортъ, и маленькую записную книжку съ карандашными замѣтками. Съ дрожью поглядѣлъ докторъ Глоссинъ на хорошо знакомый почеркъ. Короткія замѣтки о тогдашней службѣ въ Мессопотаміи. Отрывочныя слова о похищеніи и увозѣ. Потомъ трагедія въ Тоуэрѣ. Чистая бумага кончилась, и Гергартъ Бурсфельдъ нацарапалъ послѣднія сообщенія по-нѣмецки между печатными строками календаря. Такимъ образомъ они, вѣроятно, ускользнули отъ бдительности его сторожей.

«Четвергъ, 13 мая. Вѣрное извѣстіе о смерти Рокайи и Сильвестра».

«Суббота, 15 мая. Они пытаются вырвать у меня тайну моего изобрѣтенія подъ гипнозомъ».

«Воскресенье, 16 мая. Сегодня ночью я говорилъ во снѣ... Пора кончать. Я все же спасусь отъ нихъ. Вскрылъ вену, и я свободенъ... Еще сегодня до наступленія ночи... Рокайя:: Сильвестръ:: Я снова увижу васъ».

На этомъ замѣтки обрывались.

Въ комнату вошелъ лордъ Мейтландъ.

— Нашли ли вы все, что искали?

— Я увидѣлъ, съ сожалѣніемъ, что мои тогдашнія усилія оказать услугу британскому правительству были напрасны... Міръ выглядѣлъ бы теперь иначе, если бы это удалось. Гергартъ Бурсфельдъ обладалъ средствомъ перевернуть міръ. Онъ унесъ эти средства съ собой въ могилу.

Докторъ Глоссинъ медленно проговорилъ эти слова, наблюдая за лордомъ. Но въ лицѣ послѣдняго ничто не измѣнилось.

— Я тоже проглядывалъ эту папку. Нашему правительству тогда было немало хлопотъ, и совершенно напрасно, какъ видите. Часто бывали люди, воображавшіе, что они изобрѣли ни вѣсть что. Они спокойно могли бы оставить бѣднягу строить свою дорогу. Во всякомъ случаѣ, я радъ быть вамъ полезнымъ въ этомъ дѣлѣ. Прошу васъ распола-

гать мною, если у васъ есть другія желанія.

Докторъ Глоссинъ поблагодарилъ. Онъ крайне обязанъ его свѣтлости и больше ничего не хочетъ. Если его свѣтлости когда нибудь въ свою очередь понадобится услуга...

Онъ осыпалъ лорда Мейтланда градомъ любезностей. Они срывались съ его языка почти безсознательно. Съ величайшимъ напряженіемъ внушалъ онъ своему собесѣднику: «Если ты знаешь что-либо объ открытіи, то скажи». Но остерегался самъ думать объ открытіи, зная связанную съ этимъ опасность: эта мысль могла бы подѣйствовать на его собесѣдника и быть репродуцирована, какъ собственная мысль послѣдняго.

Лордъ Мейтландъ остался спокоенъ. На американскія любезности онъ отвѣтилъ англійскими. Разговоръ былъ одинаково пустъ съ обѣихъ сторонъ. Докторъ Глоссинъ зналъ теперь, что Гергартъ Бурсфельдъ унесъ тайну въ могилу.

Условіе, которымъ Эрикъ Труворъ связалъ свое обѣщаніе, заставляло Сильвестра лихорадочно работать. Не обращая вниманія на время, онъ работалъ цѣлыми днями и свѣтлыми ночами, подгоняемый однимъ желаніемъ закончить новый аппаратъ и затѣмъ отправиться на поиски той, кто была ему дороже всего.

Неустанно работалъ онъ, пока не была отлита послѣдняя часть, вырѣзанъ послѣдній винтъ. Тогда онъ опустил инструментъ и повернулся къ Эрику Трувору:

— Если бы ты зналъ, съ какимъ отчаяніемъ я работалъ, если бы ты могъ понять мою теперешнюю радость, но ты...

— Я не понимаю, что такое любовь, хочешь ты сказать?

Сильвестръ уловилъ горечь въ этихъ саркастическихъ словахъ.

— Ты, Эрикъ? Ты тоже...

Сильвестръ замолчалъ. Онъ увидѣлъ глубокія складки, избороздившія лобъ Эрика Трувора. Значитъ и у Эрика, казавшагося бронированнымъ противъ всѣхъ земныхъ приманокъ, была тайна, скрытое горе.

— Прости, Эрикъ, если я невольно затронулъ рану, о которой не зналъ. Я не думалъ, что твое стальное сердце когда-либо знало женскую любовь.

— Никто не рождается со стальнымъ сердцемъ. Тотъ, кто имъ обладаетъ, пріобрѣтаетъ его послѣ горькихъ разочарованій и жертвъ. Рана затянулась...

Словно говоря съ самимъ собой, онъ тихо продолжалъ:

— Совершенно затянулась съ позавчерашняго утра. Безъ сожалѣнія и волненія могу я теперь рассказывать о томъ времени, когда былъ сначала счастливѣйшимъ, а потомъ несчастнѣйшимъ человѣкомъ на землѣ...

Это было во время моего пребыванія въ Парижѣ. Клевета коснулась моего идеала. Я вызвалъ клеветника и смертельно ранилъ его. Потомъ отправился къ невѣстѣ требовать объясненія. Ея оправданія не удовлетворили меня. Я вернулъ ей кольцо. Покинулъ Парижъ, бродилъ по свѣту. Много лѣтъ понадобилось, чтобы снова обрѣсти покой. Сегодня я иначе думаю объ этомъ. Если бы я сегодня... Но къ чему объ этомъ говорить.

Дѣло идетъ о томъ, чтобы перевернуть нашъ міръ... Когда ты снова вернешься, когда твое сердце будетъ свободно отъ заботъ, я скажу тебѣ, что уготовила намъ судьба.

— Когда я вернусь, Эрикъ! Теперь подумай о своемъ обѣщаніи. Я сдѣлалъ то, что долженъ былъ сдѣлать.

Прежде, чѣмъ Эрикъ Труворъ могъ отвѣтить, заговорилъ Атма:

— Нехорошо оставлять дѣвушку въ рукахъ враговъ.

Атма сидѣлъ, откинувшись назадъ. Его широко раскрытые глаза глядѣли вдаль, зрачки суживались все больше и больше. Руки покоились на тибетскихъ четкахъ.

— Такой видъ у него былъ, когда онъ мнѣ посоветовалъ, или, вѣрнѣе, приказалъ отправиться въ Трентонъ, — шепнулъ Эрикъ Труворъ Сильвестру.

Черезъ нѣсколько минутъ глубокой вздохъ потрясъ грудь Атмы. Его зрачки приобрѣли нормальный видъ. Онъ сказалъ:

— Врагъ за работой. Онъ замышляетъ недоброе. Мы должны освободить дѣвушку.

Эрикъ Труворъ согласился.

— Пусть будетъ такъ. Я останусь здѣсь строить машину. Отправляйтесь завтра пораньше. Дѣлайте, что вы должны дѣлать.

— Еще сегодня ночью. Черезъ часъ. Надо спѣшить.

Сома Атма былъ теперь воплощеніемъ дѣятельности.

— Мы отправляемся черезъ часъ. Нужно привести сюда аэропланъ. Меньшій лучеиспускатель мы должны взять съ собой, онъ можетъ намъ понадобиться.

Атма приказывалъ, и друзья повиновались его указаніямъ.

За часъ можно многое успѣть. Было сдѣлано все, что оказалось доступнымъ человѣческимъ силамъ. Аэропланъ стоялъ на лугу передъ труворовскимъ домомъ. Послѣднія приготовленія были сдѣланы. Потомъ короткое рукопожатіе, и серебряная звѣзда взвилась къ облакамъ.

Рейнольдсъ-Фармъ съ трехъ сторонъ окружена крутыми утесами и покрытыми лѣсомъ возвышенностями, окружена моремъ зелени. Деревья на опушкѣ лѣса почти касаются своими верхушками крыши зданія.

Въ блѣдно-голубомъ платьѣ, закрывшись отъ солнца большой шляпой, Яна перешла узкіе мостки, переброшенные черезъ ручей. Легкимъ шагомъ стала она подниматься по каменистому склону, на вершинѣ котораго красовалось листвою гигантское буквое дерево. Это было ея любимое мѣсто. Среди реброобразныхъ корней могучаго ствола она нашла мѣстечко, гдѣ можно было отдыхать, какъ въ креслѣ. Отсюда она могла, какъ съ птичьяго полета, обозрѣвать Рейнольдсъ-Фармъ и покрытую зеленой травой равнину.

Она не услышала шаговъ доктора, вернувшагося послѣ ея ухода и попавшаго сюда по указанію Абигайлъ.

Глоссинъ стоялъ передъ ней и восхищенно любовался этой, словно скульпторомъ созданной фігурой, мягкимъ и благороднымъ рисункомъ лица, его розовой окраской и нѣжнымъ ртомъ. Онъ опустился возлѣ нея на колѣни, осторожно взялъ ея руки и продолжалъ смотрѣть на нее. Все это, думалъ онъ, принадлежало ему навсегда. Никто больше не будетъ этого оспаривать у него.

Докторъ Глоссинъ былъ человѣкъ желѣзной силы воли. Единственнымъ слабымъ мѣстомъ въ немъ была совесть. До сихъ поръ онъ не зналъ глубокихъ сердечныхъ привязанностей. Если какая-либо женщина мимоходомъ будила въ немъ страсть, онъ умѣлъ всякими хитростями покорить ее. Если бы стѣны Рейнольдсъ-Фармъ могли говорить, онѣ рассказали бы о многихъ трагедіяхъ, начавшихся гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ и закончившихся здѣсь.

Только однажды испыталъ докторъ Глоссинъ великую страсть — когда Рокайя Бурсфельдъ пересѣкала его жизненный путь.

Впервые увидя Яну Гарте, онъ нашелъ въ ней хорошій объектъ для своихъ гипнотическихъ опытовъ, цѣнное средство для выполненія своихъ плановъ. Только поэтому онъ заинтересовался ея судьбой. Такъ продолжалось, пока онъ не увидѣлъ, что въ лицѣ Сильвестра Бурсфельда ему грозитъ опасность и пока пламя внезапной страсти не вспыхнуло въ его старѣющемъ сердцѣ.

Докторъ Глоссинъ наклонился надъ рукой Яны и прижался къ ней губами. Она съ легкимъ крикомъ испуга вскочила. Въ первый моментъ изумленія она даже не обратила вниманія на странную позу доктора.

— Ахъ, это вы, господинъ докторъ... Какъ я рада, что вы вернулись. Вы побраните меня за неблагодарность, но должна вамъ сказать, что одиночество въ Рейнольдсъ-Фармъ гнететъ меня.

— Значитъ, вы хотите, чтобы я пріѣзжалъ чаще, оставался подольше... чтобы я всегда оставался возлѣ васъ, Яна?

Яна, краснѣя, наклонила голову. Чувство, въ словахъ доктора, смутило ее. Она хотѣла сказать, что онъ ее неправильно понялъ, что она хочетъ уѣхать изъ Рейнольдс-Фармъ. Но эти неблагодарныя слова не прозвучали на ея губахъ.

Ослѣпленный своей страстью, докторъ Глоссинъ, подумалъ, что сдержанность Яны скрываетъ болѣе теплое чувство.

— Яна! Долженъ ли я всегда оставаться возлѣ васъ?

Она отвѣтила не сразу. Ея рука задрожала въ его рукѣ. Выраженіе молящей безпомощности появилось на лицѣ.

— Не знаю, — сказала она беззвучно. — Здѣсь... — она положила руку на сердце, — здѣсь такъ пусто.

— Не только здѣсь, а всюду на свѣтѣ. Мы должны быть другъ возлѣ друга. Яна, взгляните на меня. Я буду открыто говорить съ вами. Мнѣ нуженъ домъ, жена, семейный очагъ. Взглядъ вашихъ глазъ, звукъ вашего голоса, ваша близость дадутъ мнѣ все. Я знаю, что недостойнъ васъ, что неблагородно связывать вашу юную, цвѣтущую жизнь съ моей. Но я не могу иначе, Яна, я люблю васъ, люблю больше, чѣмъ могу это высказать. Хотите послѣдовать за мной, куда бы я не шелъ, какъ моя жена? Вы не отвѣчаете, Яна? Вы отдергиваете руку и отворачиваетесь отъ меня?

Глоссинъ замолчалъ. Его голосъ звучалъ все тише и тише. Онъ дышалъ съ трудомъ. Поднявшись, онъ устался на Яну, которая плакала, закрывъ лицо руками.

Онъ былъ разочарованъ и удивленъ, но не обезкураженъ.

— Простите меня, Яна, я испугалъ васъ своимъ стремительнымъ порывомъ. Я дамъ вамъ время для отвѣта. Вы узнаете меня ближе и полюбите.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я не люблю васъ и никогда не полюблю!..

Яна снова разразилась страстными неудержимыми слезами. Глоссинъ сталъ блѣденъ, какъ смерть.

— Это вашъ отвѣтъ? Развѣ у васъ нѣтъ сочувствія къ моимъ страданіямъ?

Его глаза жутко вспыхнули, грудь тяжело дышала. Страсть обуревала его. Онъ бросился къ ея ногамъ и сталъ молить, чтобы она его выслушала.

— Нѣтъ, я не хочу васъ больше слушать!

Яна вскочила и отступила передъ докторомъ.

— Я не хочу, не хочу...—и, прежде чѣмъ онъ успѣлъ подняться, она повернулась и стремительно побѣжала внизъ по склону.

Не то вздохъ, не то проклятіе вырвалось у Глоссина. Онъ глядѣлъ ей вслѣдъ... Что предпринять?

Сжатымъ кулакомъ онъ ударилъ по лбу, словно желая разбудить дремавшія въ немъ злыя силы.

— Какой я дуракъ! Какой дьяволъ ослѣпилъ меня? Она любитъ Логгъ Саръ, а не меня. Но онъ не уйдетъ отъ меня, даже если адъ выступитъ на его защиту.

Со всей возможной быстротой поспѣшилъ онъ къ дому и безъ колебаній вошелъ въ комнату Яны.

Сквозь полуоткрытую дверь спальни онъ увидѣлъ, что она стоитъ на колѣняхъ и складываетъ бѣлье и платья въ ручной чемоданъ.

— А, я такъ и думалъ! Но нѣтъ, дитя мое, будетъ не по твоему, а по моему. Я хочу приковать тебя къ Рейнольдс-фармъ крѣпче, чѣмъ это сдѣлали бы сторожа и рѣшетки.

Вытянувъ руку по направленію къ Янѣ, онъ медленно подошелъ къ ней. Она обернулась и раскрыла ротъ, словно желая громко крикнуть. Но ни одинъ звукъ не сорвался съ ея губъ, снова медленно сомкнувшихся.

— Утренняя прогулка утомила васъ, милая Яна. Ложитесь на диванъ и отдохните до второго завтрака. Мы позавтракаемъ вмѣстѣ въ бесѣдкѣ у ручья, и послѣ этого я буду готовиться къ отъѣзду. Вамъ будетъ жаль, когда я снова уѣду?

— Очень, господинъ докторъ. Мнѣ будетъ скучно безъ васъ.

Глоссинъ кивнулъ, горькая улыбка обозначилась во кругъ его рта. Онъ подошелъ къ кровати, на которую легла Яна, и сѣлъ возлѣ. Онъ чувствовалъ ея теплое дыханіе; ароматъ ея пышныхъ волосъ, ея молодого тѣла обда-

валъ его. Ея полуоткрытыя губы, казалось, просили поцѣлуя. Онъ открылъ объятія, словно желая схватить ее, но разсудокъ побѣдилъ. Отвернувшись, не оборачиваясь, поспѣшилъ онъ къ выходу. Губы его были сжаты, словно онъ выпилъ что-то горькое.

Рейнгартъ Изенбрандъ, владѣлецъ большого сталелитейнаго завода въ Эленѣ бесѣдовалъ съ четырьмя главными директорами.

— Мы должны принять мѣры, которыя требуются политическимъ положеніемъ. Я не думаю, чтобы разрывъ между Англійей и Америкой заставилъ себя ждать, атмосфера слишкомъ сгустилась, чтобы можно было надѣяться на мирное разрѣшеніе.

Энергичный молодой владѣлецъ завода выдержалъ паузу и посмотрѣлъ на собесѣдниковъ. Лицо Филиппа Йордана, завѣдывающаго заграничнымъ отдѣломъ фирмы, выражало полное согласіе. Коммерческій директоръ Георгъ Бауманнъ утвердительно кивнулъ.

Они лучше разбирались въ политическомъ положеніи, чѣмъ профессоръ Писториусъ, главный инженеръ, и Фрицъ Эльтъень, создатель новаго способа обработки стали. Оба техника еще втайнѣ надѣялись на мирное соглашеніе, тогда какъ коммерсанты видѣли неизбежность вооруженнаго столкновенія.

Рейнгардъ Изенбрандъ продолжалъ:

— Положеніе Германіи и Европы въ отношеніи конфликта крайне важно. Согласно информаціямъ изъ Берлина, Европа сохранитъ нейтралитетъ. Печать, въ теченіе нѣсколькихъ дней распространяющая слухи объ аннулированіи Англійей европейскихъ долговъ Америкѣ, по моему, подкуплена. Непосредственное участіе Европы въ этой войнѣ было бы равносильно самоубійству. Оно мыслимо только со стороны Англии, но тогда наша страна была бы беспомощна передъ Америкой. Я думаю, что намъ не нужно оглашать

возможность непосредственного участія въ войнѣ. Тѣмъ значительнѣе должны быть наши мѣропріятія, какъ нейтральнаго государства.

Ясно, что мы можемъ обслуживать обѣ стороны, не нарушая своего нейтралитета. По счастью мы отвыкли отъ сентиментальностей. Пусть въ публикѣ преобладаютъ симпатіи къ той или иной сторонѣ, для насъ это только вопросъ сбыта, возможность, благодаря интенсивной работѣ, поднять народное хозяйство, уничтожить послѣдніе слѣды минувшихъ войнъ.

Незначѣмъ намъ ломать голову надъ вопросомъ транспорта. Мы доставляемъ товары въ Эссенъ. Какъ заказчики будутъ получать ихъ оттуда, ихъ собственное дѣло. Какого вы мнѣнія на этотъ счетъ?

Филиппъ Йорданъ попросилъ слова.

— Вопросъ транспорта крайне простъ для Англіи. Она безъ труда провозитъ фабрикаты черезъ проливъ прямо на островъ. До Калэ транспорту покровительствуетъ нейтралитетъ, а оттуда подводный туннель... если онъ не будетъ разрушенъ американцами.

— Что касается транспорта въ Америку, то нужно принять во вниманіе подводныя лодки и аэропланы. Я слыхалъ, что Союзъ теряетъ на этомъ двадцать процентовъ.

Но мы не должны заботиться о транспортѣ. Это даже не главная забота воюющихъ сторонъ. Обѣ стороны часто будутъ закупать лишь для того, чтобы не дать товаровъ противнику и преспокойно оставить ихъ у насъ.

— А вопросъ о цѣнахъ? — сказалъ Рейнгартъ Изенбрандъ, глядя на Баумана.

— Цѣны будутъ установлены германо-французскимъ промышленнымъ союзомъ...

Георгъ Бауманнъ положилъ руку на листъ съ расцѣнкой.

— Здѣсь находятся основныя цѣны на сталь и всѣ остальные фабрикаты. Мы сговорились сообща и на случай войны, намѣтили немедленное повышеніе на триста процентовъ.

— Что мы должны продавать? — спросилъ шефъ.

Профессоръ Писториусъ отвѣтилъ:

— Это будетъ главнымъ образомъ, зависѣть отъ продолжительности предстоящей войны. Если война будетъ короткой, то полуфабрикаты, если она затянется — въ ходъ пойдутъ стальные издѣлія. Люди дѣла рассчитываютъ, что сорокъ процентовъ всѣхъ воздушныхъ силъ будетъ уничтожено въ первые десять дней войны. Все будетъ зависѣть отъ того, продолжится ли война настолько, что поднимется вопросъ о замѣнѣ уничтоженнаго матеріала новымъ. Американцы стараются замѣнить качество количествомъ. Они лихорадочно работаютъ надъ постройкой своихъ Р. Ф. с. Между тѣмъ готовъ уже нашъ типъ, развивающій полуторную скорость. Воюющіе вырвутъ у насъ изъ рукъ всякій моторъ новаго типа, по какой угодно цѣнѣ.

На боковомъ столѣ раздался звонокъ пневматической почты и изъ щели выскочило письмо, адресованное Филиппу Йордану. Рейнгартъ Изенбрандъ невольно сдвинулъ брови: совѣщаніе не должно было прерываться.

Йорданъ вскрылъ конвертъ.

— Паника началась. Мой представитель сообщаетъ мнѣ, что у него находится мистеръ Стамфордъ, уполномоченный Цируса Стонарда. Онъ хочетъ закупить наше сырье на два года. Тонна — двѣ тысячи долларовъ.

— Чортъ побери! Этотъ американецъ торопится, — вырвалось у Фрица Эльтена, озабоченнаго судьбой своей стали.

Изенбрандъ сказалъ коротко:

— Не пойдетъ. Могутъ быть проданы по установленной цѣнѣ только большія партіи.

Йорданъ набросалъ отвѣтъ и послалъ его по пневматической почтѣ.

Профессоръ Писториусъ высказался о возможной продолжительности войны. Европейская война продолжалась четыре года съ 1914 по 1918. Первая Японская война два года, вторая девять мѣсяцевъ. Цифры сходились. Надвигающаяся война тоже должна была быть короткой.

Пневматическій аппаратъ снова заработалъ. Йордану сообщили, что мистеръ Стамфордъ хочетъ закупить миллионъ тоннъ необоженной стали. Это былъ заказъ на два миллиарда долларовъ. Цирусъ Стонардъ не размѣнивался

на мелочи. Если предположить, что его агенты въ этотъ же самый часъ дѣйствуютъ на всѣхъ другихъ стальныхъ фабрикахъ, то онъ долженъ сдѣлать закупку на круглую сумму въ пятьдесятъ милліардовъ долларовъ. Бауманнъ сталъ вычислять. Иорданъ задалъ вопросъ о способѣ выплаты.

Отвѣтъ получился минутой спустя.

«Чеки, принимаемые къ уплатѣ лучшими банками континента».

Рейнгартъ Изенбрандъ обмѣнялся взглядомъ съ Иорданомъ.

— Долларъ падетъ. Намъ нужны реальныя цѣнности, американскія природныя богатства въ качествѣ залога. Рудники и нефтяныя источники стоимостью въ два милліарда. Иначе мы не пойдёмъ на это дѣло.

Отвѣтъ полетѣлъ въ почтовый ящикъ. Профессоръ Писториусъ продолжалъ:

— Наше производство больше, на 99 процентовъ приспособлено къ мирному времени. Но у насъ есть двѣ специальности, годныя для войны: производство аэроплановъ и подводныхъ лодокъ для торговаго транспорта.

Снова звонокъ пневматической почты. Снова письмо Филиппу Иордану, но на этотъ разъ отъ другого представителя. Мистеръ Белльгаузъ добивался для Англіи немедленной поставки ста тысячъ моторовъ. Цѣны промышленнаго союза. Уплата золотомъ.

Еще прежде, чѣмъ бесѣдующіе могли принять рѣшеніе, ящикъ выбросилъ новое письмо. Мистеръ Стамфордъ не соглашался дать американскія природныя богатства подъ залогъ, обѣщая за это германскій заемъ съ уплатой золотомъ.

Рейнгартъ Изенбрандъ отклонилъ предложеніе.

— Мы еще не такъ богаты, чтобы принимать обратно свой собственный заемъ. Залогъ, или они не получаютъ стали.

Предложеніе Англіи заслуживало обсужденія.

Слѣдующее письмо касалось мистера Стамфорда. Онъ долженъ былъ по радіотелеграфу получить информацію изъ Вашингтона. Черезъ часъ онъ сдѣлаетъ новое предложеніе.

Англійскій заказъ былъ хорошъ, но онъ былъ бы еще лучше послѣ объявленія войны. Тогда автоматически начислялось повышение въ 300 процентовъ. Полномочія Изенбранда были ограничены промышленнымъ союзомъ.

Ящикъ выбросилъ новое письмо, на этотъ разъ къ самому шефу.

— Сообщение нашего берлинскаго представителя: «Правительства Германіи и Франціи постановили сохранять нейтралитетъ. Валюта обѣихъ воюющихъ странъ падеть, поэтому поставка возможна лишь при уплатѣ въ германской валютѣ или подъ залогъ природныхъ богатствъ. Золото должно приниматься къ уплатѣ съ осторожностью, такъ какъ его курсъ подверженъ колебаніямъ.

Борьба за обладаніе нашими фабрикатами началась. Я слышалъ, что лѣвая часть нашихъ рабочихъ настроена противъ Стонарда. Постарайтесь выяснить это. Намъ теперь нужно не заниматься политикой, а работать для восстановления народнаго хозяйства. Сообщите мнѣ, если случится что нибудь важное. При болѣе крупныхъ заказахъ нужно принимать въ расчетъ удорожаніе рабочихъ рукъ».

Темной короткою лѣтнею ночью Р. Ф. с. I опустился въ Трентонскомъ лѣсу. Сильвестръ Бурсфельдъ зналъ этотъ лѣсъ, зналъ глубокой, похожей на могилу, оврагъ среди старыхъ дубовъ, куда легко можно было спрятать аэропланъ, сдѣлать его незамѣтнымъ даже вблизи. Кромѣ того, они собрали прошлогоднюю листву, большими кучами лежавшую на землѣ и покрыли ею корпусъ аэроплана.

Какъ два безобидныхъ и случайныхъ путешественника, направились Сильвестръ Бурсфельдъ и Атма къ городу. Они прибыли слишкомъ рано, — часы на ближайшей церкви показывали лишь четвертый часъ утра. Сильвестръ Бурсфельдъ горѣлъ нетерпѣніемъ. Онъ успокоился лишь, когда они очутились передъ хорошо знакомымъ домомъ на

Джосонъ Стритъ. Тоскующимъ взглядомъ смотрѣлъ онъ на оббитыя зеленую окна дома.

— Спокойствіе, Логгъ Саръ, не спѣши! Если дѣвушка еще здѣсь, мы и черезъ три часа найдемъ ее.

Слова индуса посѣяли новыя мучительныя сомнѣнія въ душѣ Сильвестра. «Если дѣвушка еще здѣсь»... Что хотѣлъ Атма сказать этимъ? Гдѣ же Янъ быть, какъ не у матери? Можетъ быть Атма зналъ что нибудь и не хотѣлъ сказать? Его охватила мука неизвѣстности. Со вздохомъ послѣдовалъ онъ за индусомъ и опустился рядомъ съ нимъ на скамью парка. На церкви пробило пять, шесть и, наконецъ, послѣ мучительныхъ шестидесяти минутъ семь часовъ. Сильвестръ вскочилъ.

— Теперь пора! Въ семь часовъ Яна всегда уже возится по хозяйству.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ звонилъ у калитки. Рѣзкій звукъ электрическаго звонка былъ отчетливо слышенъ въ утренней тишинѣ. Но въ домѣ все оставалось тихо. Три раза, четыре звонилъ Сильвестръ, но ничто не шевелилось. Атма послѣдовалъ за нимъ, медленно въ раздумьи, словно не желая мѣшать первому свиданію влюбленныхъ. Теперь, стоя возлѣ Сильвестра, онъ указалъ рукой на одно мѣсто стѣны.

— Смотри! — Маленькая дощечка бѣлѣла среди плюща. Въ невѣрномъ блескѣ разсвѣта она ускользнула отъ взглядовъ Сильвестра. Теперь ее отчетливо можно было видѣть и прочесть. Это было повседневное тривіальное объявленіе о томъ, что домъ сдается и подробности можно узнать у сосѣдей.

— Я предчувствовалъ, что мы здѣсь не найдемъ дѣвушки. Но мы ее отыщемъ и отвеземъ въ Европу.

Эти нѣсколько словъ, съ убѣжденіемъ произнесенныя Атмой, влили новыя силы въ душу Сильвестра. Онъ послѣдовалъ за товарищемъ, который направился къ сосѣднему дому и заявилъ, что они хотятъ осмотрѣть отдающійся въ наймы домъ.

Вмѣстѣ съ Атмой ходилъ Сильвестръ по такъ хорошо знакомымъ ему комнатамъ. У окна стоялъ рабочій столикъ. За нимъ сидѣла Яна, когда онъ видѣлъ ее въ по-

слѣдній разъ передъ арестомъ. Вышивка, надъ которой она тогда работала, еще лежала тамъ, словно вышивальщица только что встала. Если бы кто-нибудь покинулъ домъ, чтобы переселиться въ другое мѣсто, онъ бы не оставилъ тамъ работу. Сильвестръ Бурсфельдъ не могъ удержаться отъ подобнаго замѣчанія.

— Все произошло такъ быстро, — объявилъ провожавшій ихъ мальчикъ. — Мистеръ Глоссинъ усадилъ миссъ Яну въ свой автомобиль и тотчасъ же уѣхалъ съ ней. Она захватила лишь немного вещей.

Наймутъ ли они квартиру? Можетъ быть... Они подумаютъ и найдутъ послѣ обѣда. Послѣ короткаго прощанія друзья направились вдоль по Джонсонъ Стритъ. Сильвестръ шель, какъ во снѣ. Его губы механически повторяли послѣднія слова индуса. «Мы найдемъ дѣвушку и привеземъ ее въ Европу». Монотонное повтореніе мало по малу вернуло ему душевное равновѣсіе. Онъ послѣдовалъ за Атмой, который направился къ вокзалу.

— Куда мы, Атма? Что будетъ съ нашимъ аэропланомъ?

— Аэропланъ хорошо спрятанъ. Мы должны поѣхать въ Нью-Йоркъ, спросить у доктора Глоссина, гдѣ дѣвушка.

Сильвестръ почувствовалъ страхъ.

— Это значитъ положить голову въ пасть ко льву.

Атма возразилъ хладнокровно:

— Лучеиспускатель съ тобою. Сожги его, преврати его въ пепель, если онъ причинитъ тебѣ зло, но не раньше, чѣмъ онъ отвѣтитъ мнѣ.

Докторъ Глоссинъ сидѣлъ въ частномъ кабинетѣ президента-диктатора, Цирусъ Стонардъ отодвинулъ пачку писемъ и на одно мгновеніе остановилъ свой взглядъ на докторѣ.

— Что вамъ удалось выяснитъ въ Бурсфельдовскомъ дѣлѣ?

— Отець умеръ много лѣтъ тому назадъ.

— Знають ли англичане его тайну?

— Я убѣжденъ, что имъ ничего о ней неизвѣстно. Когда Гергартъ Бурсфельдъ почувствовалъ, что у него хотятъ вырвать тайну подъ гипнозомъ, онъ покончилъ самоубійствомъ. Я спрашивалъ въ Англии извѣстныхъ людей. Они ни о чемъ не знаютъ.

Въ лицѣ диктатора скользнуло удовлетвореніе.

— Тогда... по моему, мы можемъ начать дѣйствовать, какъ только будетъ готова подводная станція на Восточно-Африканскомъ берегу.

— Можемъ, господинъ президентъ, если намъ придется имѣть дѣло только съ Англіей.

Диктаторъ изумленно поглядѣлъ на него.

— А съ кѣмъ же еще мы можемъ воевать?

Докторъ Глоссинъ колебался. Заикаясь, онъ проговорилъ:

— Съ наслѣдниками Бурсфельда...

Цирусъ Стонардъ скомкалъ набросанную телеграмму.

— Съ наслѣдниками... Дѣло, кажется, усложняется. Недавно былъ всего одинъ наслѣдникъ, знаменитый Логгъ Саръ, такимъ изумительнымъ путемъ бѣжавшій изъ Зингъ-Зингъ и захватившій нашъ лучшій аэропланъ... Кто еще прибавился?

— Два друга, на жизнь и на смерть связанные съ Сильвестромъ Бурсфельдомъ.

— Трое, значить. Три слабыхъ человѣка. Вы серьезно думаете, что три человѣка могутъ стать опасны нашему трехсотъ-милліонному населенію? Господинъ докторъ Глоссинъ, вы старѣете. Въ прежніе годы у васъ было больше вѣры въ себя.

Слова президента-диктатора подѣйствовали на доктора, какъ ударъ хлыста. Онъ попеременно краснѣлъ и блѣднѣлъ. Потомъ заговорилъ, сначала заикаясь, потомъ плавно и, наконецъ, съ жаромъ непоколебимаго внутренняго убѣжденія.

— Господинъ президентъ, тридцать лѣтъ тому назадъ я видѣлъ, какъ Гергартъ Бурсфельдъ простымъ аппаратомъ не больше моей руки на большомъ разстояніи, взорвалъ ди-

наमितъ. Я видѣлъ, какъ онъ взрывалъ патроны въ находившихся далеко ружьяхъ, какъ онъ сжигалъ въ воздухѣ летящихъ птицъ... Я изумлялся, считалъ это волшебствомъ... Гергартъ Бурсфельдъ засмѣялся и сказалъ, что это лишь зародыши новаго открытія, слабая попытка, за которой послѣдуютъ другія, гораздо болѣе значительныя.

— Гергартъ Бурсфельдъ умеръ много лѣтъ тому назадъ. Вы сами только что сказали, что открытіе было погребено съ нимъ, — сказалъ Цирусъ Стонардъ. Въ его голосѣ не было обычной рѣшимости.

— Тайна больше не погребена. Она воскресла. Логгъ Саръ... Сильвестръ Бурсфельдъ снова сдѣлалъ это открытіе и, вѣроятно, значительно усовершенствовалъ его. Отецъ говорилъ о возможности, при помощи передачи энергіи на разстояніе, сконцентрировать на тѣснѣйшемъ пространствѣ, въ любомъ пунктѣ земного шара, милліоны лошадиныхъ силъ. Онъ говорилъ о томъ, что его открытіе положитъ конецъ всякой войнѣ. Сынъ пошелъ по слѣдамъ отца. Они втроемъ сидятъ въ Швеціи, у Торнеоэльфа и работаютъ надъ открытіемъ. Если имъ удастся такъ развить его, какъ предполагалъ отецъ...

Цирусъ Стонардъ всталъ. Вытянувъ правую руку, онъ приказалъ доктору замолчать.

— Не произносите того, что я не долженъ слышать. Вы назвали мѣсто, гдѣ изобрѣтатели занимаются своимъ предосудительнымъ дѣломъ... Вы хорошо знаете его?

— Хорошо. Уединенный домъ на берегу Торнео... Въ восьми километрахъ отъ Линнея.

— Въ такомъ случаѣ я приказываю вамъ уничтожить этихъ трехъ изобрѣтателей... До тла! Чтобы не было такой мазни, какъ въ Зингъ-Зингъ. Черезъ двѣ недѣли подводная станція будетъ въ полной боевой готовности. Къ этому времени я жду вашего сообщенія о томъ, что мое приказаніе исполнено.

Докторъ Глоссинъ былъ отпущенъ. Онъ не могъ не понять диктатора. На сердцѣ у него было тяжело, какое-то неясное предчувствіе давило его.

Докторъ вошелъ въ домъ на 317 улицѣ. Лифтъ до-

везъ его въ десятый этажъ. Отдавъ слугѣ шляпу и палку, онъ усѣлся въ удобную качалку и сталъ размышлять.

Цирусъ Стонардъ приказалъ ему устранить трехъ людей. По сравненію со многими другими это порученіе было просто. Рецептъ былъ несложный и испытанный. Нужно было взять аэропланъ съ дюжиной здоровыхъ полисменовъ или солдатъ, ночью отправиться въ Линней, окружить домъ, арестовать находившихся въ немъ и убить ихъ при арестѣ за оказанное сопротивленіе. Дѣло было совсѣмъ простое. Докторъ не разъ продѣлывалъ это на практикѣ.

Однако на этотъ разъ ему было страшно. Внутреннее чувство предостерегало его противъ Сильвестра Бурсфельда и его друзей... Но приказъ диктатора! Когда Цирусъ Стонардъ приказывалъ, было только два пути: повиноваться или нести кару за неповиновеніе!

Гнѣздо въ Линнеѣ должно было быть уничтожено; внутреннее чутье подсказывало ему, что это опасно, но внѣшне это предпріятіе казалось довольно безобиднымъ. Нужно было вмѣшатель въ дѣло третье лицо. Но кого? Кто былъ заинтересованъ въ уничтоженіи изобрѣтенія и изобрѣтателей?

Неожиданная мысль всплыла въ его мозгу. Конечно, вотъ правильный путь! Англичане были также заинтересованы въ гибели Сильвестра Бурсфельда и его друзей, какъ и американцы.

Все затруднительнѣе становилось для доктора Глосси на обдумываніе дальнѣйшихъ выводовъ и заключеній своего плана. Ему никакъ не удавалось соединить звенья цѣпи. Онъ ощущалъ странное подергиваніе въ затылочныхъ мускулахъ. Неясная тяжесть давила на виски. У него было такое ощущеніе, словно его воля больше не принадлежитъ ему, но должна покориться чужой. Онъ попробовалъ собраться съ силами. Попытался встать съ кресла, но его руки и ноги были словно налиты свинцомъ.

Съ отчаяннымъ усиліемъ удалось ему, наконецъ, отдѣлать руку отъ ручки кресла и поднести ее къ головѣ. Онъ почувствовалъ, что его лобъ покрытъ мелкимъ бисеромъ пота.

Качалка стояла въ углу кабинета. Рядомъ находилась дверь въ сосѣдную комнату. Она закутывалась лишь густой завѣскою изъ бисерныхъ шнурковъ. Лакей всегда провожалъ посѣтителей доктора Глоссина сначала въ эту комнату.

Докторъ почувствовалъ, какъ могучая чужая воля грозитъ покорить его собственную, проникаетъ черезъ это дверное отверстіе. Ему смутно вспомнилось, что неизмѣримое время назадъ онъ слышалъ звонокъ. Волею токъ, болѣе сильный, чѣмъ его собственный, грозилъ покорить его.

Первый натискъ долженъ былъ послѣдовать въ тѣ минуты когда онъ всецѣло погрузился въ мысли и комбинаціи по поводу приказа диктатора. Въ то время, какъ его мысли были сосредоточены на этомъ, онъ представлялъ удобное поле для чужого вліянія, иначе онъ раньше почувствовалъ бы его и сразу могъ бы принять оборонительныя мѣры. Все это онъ понялъ, когда было уже почти поздно. Лишь ослабленіе его собственныхъ мыслительныхъ способностей заставило его почувствовать чужое вліяніе.

Докторъ Глоссинъ отчаянно боролся. Всю свою оставшуюся волю онъ сосредоточилъ въ одномъ приказѣ, направленномъ къ самому себѣ.

— Не хочу... не хочу.

Безъ конца повторялъ онъ мысленно эту короткую фразу, и почти, какъ физическій ударъ дѣйствовалъ на него контръ-приказъ чужой воли: «ты долженъ... ты сдѣлаешь это»...

Минуты проходили. Тонкіе фарфоровые часики на каминѣ пробили четверть. Докторъ Глоссинъ ясно услышалъ ударъ и напрягъ всѣ свои силы. Если бы ему удалось встать... невозможно!

Докторъ Глоссинъ пытался дѣлать движенія. Глядя на свое колѣно, онъ попробовалъ приказать своимъ ножнымъ мускуламъ поднять тѣло. И въ тотъ же мигъ онъ почувствовалъ, что чужой приказъ «ты долженъ» съ усиленной стремительностью обрушился на его «я», что все его существо становилось беззащитнымъ, какъ только онъ

хотѣлъ вліять на какой-нибудь свой членъ, принуждая его къ движенію.

Снова прошло полъ-часа въ молчаливой борьбѣ. Часы пробили два раза. Докторъ Глоссинъ слышалъ ихъ словно издали, какъ воспринимаютъ засыпая, послѣдніе звуки. Съ отчаяннымъ напряженіемъ сосредоточилъ онъ остатокъ своей волевой энергіи на одномъ внушеніи, и на три четверти парализованное тѣло покорилось. Однимъ короткимъ движеніемъ докторъ повернулся въ креслѣ, такъ что его лицо очутилось напротивъ бисернаго занавѣса. Одно мгновение казалось, что мускульное движеніе сломитъ чужую волю. Но это было лишь мгновение. Въ то время, какъ докторъ Глоссинъ приказывалъ своему тѣлу повернуться, все его «я» находилось во власти чужой воли. Со вздохомъ опустилъ онъ голову на грудь, широко раскрывъ глаза.

Сквозь бисерный занавѣсъ вошелъ въ комнату Атма и вплотную подошелъ къ спящему. Онъ тоже выглядѣлъ утомленнымъ. Слѣдовавшій за нимъ по пятамъ Сильвестръ Бурсфельдъ со страхомъ замѣтилъ это. Индус подошелъ къ спящему и провелъ рукой по его глазамъ и лбу. Сильвестръ замѣтилъ, какъ онъ старается побѣдить свою усталость, и снова струить цѣлые токи своей собственной гипнотической воли въ тѣло спящаго. Потомъ онъ отступилъ и упалъ въ кресло. По его знаку Сильвестръ Бурсфельдъ сталъ за портьеру внѣ поля зрѣнія Глоссина.

Снова проходили минуты. Часы пробили трижды. Тогда спящая фигура ожила и зашевелилась. Докторъ Глоссинъ поднялся, какъ человѣкъ, проснувшійся отъ глубокаго сна. Онъ провелъ рукой по лбу, словно собираясь съ мыслями. Потомъ сталъ разговаривать самъ съ собой.

— Что я хотѣлъ дѣлать?

Сильвестръ взялся за висѣвшій на его боку аппаратъ. Если измѣнить искусство Атмы, онъ обладаетъ средствомъ разорвать этого человѣка на атомы, сжечь его, превратить въ кучку золы или облачко пара. Но тогда онъ никогда не узнаетъ, куда этотъ дьяволъ затащилъ бѣдную Яну.

Онъ снялъ руку съ аппарата, понявъ, что побѣда Атмы надъ Глоссинымъ необходима.

Борьба близилась къ концу.

Индусъ всталъ и вплотную подступилъ къ столу. Сильвестръ видѣлъ, что онъ собираетъ послѣдніе остатки своей могучей гипнотической силы, чтобы внушить противнику свою волю. И, наконецъ, внушеніе подѣйствовало.

Внезапно голосъ Атмы вырвалъ изъ мечтаній Глоссина.

— Гдѣ Яна Гарте? — впиваясь взглядомъ въ взглядъ Глоссина, — спросилъ индусъ.

Короткая судорога пробѣжала по членамъ доктора. Казалось, что онъ снова хочетъ бороться. Но его сопротивление было сломлено. Выраженіе безмѣрной усталости проступило на его лицѣ, когда онъ отвѣтилъ:

— На Рейнольдсѣ-фармѣ, въ Элькингтонѣ, близъ Фредерикстаунъ.

Сильвестръ жадно впивалъ отвѣтъ слово за словомъ. Фредерикстаунъ въ Колорадо! Элькингтонъ онъ даже зналъ случайно. Ферму можно будетъ найти. Всѣ трудности были преодолены. Еще немного времени, и онъ увидитъ Яну, въ быстролетномъ аэропланѣ спасетъ ее отъ вражеской силы.

Атма стоялъ передъ докторомъ, настойчиво внушая ему свой послѣдній приказъ.

— Ты проспишь до четырехъ часовъ. Проснувшись, ты забудешь обо всемъ — Логгъ Саръ и Атмѣ.

Голова доктора Глоссина опустилась на лежавшія на столѣ руки. Онъ спалъ глубокимъ сномъ.

— Въ четыре часа ты разбудишь своего господина, — мимоходомъ сказалъ Атма лакею, дремавшему въ сѣняхъ на креслѣ. Бѣгло провелъ онъ руками по его лбу и глазамъ. Потомъ входная дверь захлопнулась за друзьями.

Огорченный и разочарованный, покинулъ Глоссинъ Рейнольдсѣ-Фармъ въ тотъ день, когда Яна отклонила его предложеніе. Но и она сама была потрясена этимъ объясненіемъ, выведена изъ состоянія обманчиваго покоя. Она

нуждалась въ комъ нибудь, кто бы могъ ее поддержать; послѣ смерти матери Глоссинъ сталъ для нее такой поддержкой. Она довѣряла ему, какъ отечески расположенному другу, поскольку позволяло инстинктивное, ей самой непонятное довѣріе.

Сватовство Глоссина однимъ ударомъ разрушила отношенія, снова вызвало въ Янѣ тяжелую душевную борьбу. Чувство глубочайшаго одиночества снова охватило ее. Что ей послѣ всего этого еще оставалось на землѣ? Мать умерла... Сильвестръ потерянь... Дружба Глоссина была лишь маской...

Она больше не выходила изъ дому. Прогулки и катанія прежнихъ дней прекратились. Въ своихъ усталыхъ мысляхъ искала она отвѣта на вопросы; что съ ней будетъ?

Что предполагалъ Глоссинъ сдѣлать съ ней? Почему онъ привезъ ее именно сюда? Что ей предпринять дальше?.. Если бы она взяла какое-нибудь мѣсто... гдѣ-нибудь... только прочь отсюда!.. прочь!.. если бы она осталась въ Трентонѣ! Ни письма, ни вѣсточки оттуда...

Прочь!.. прочь!.. Почему она до сихъ поръ не уѣхала? Почему не покинула фермы тотчасъ же послѣ сватовства Глоссина?

Она могла уйти незамѣтно для Абигайль: уже вскорѣ послѣ своего прибытія сюда, она открыла, что старая негритянка была привержена къ бутылочкѣ. Сейчасъ же послѣ обѣда она исчезала, и Янѣ не разъ приходилось самой заботиться объ ужинѣ. Она знала, что Абигайль въ безсознательномъ состояніи часами валялась гдѣ-нибудь въ углу. Въ это время она могла безпрепятственно покинуть домъ.

Внезапнымъ движеніемъ поднялась она и направилась въ спальню. Торопливо схвативъ нѣсколько необходимѣйшихъ предметовъ туалета, она стала складывать ихъ въ маленькій ручной чемоданъ. При этомъ ей вспомнилось, какъ часто она бралась за это раньше, никогда не достигая цѣли. Сегодня все шло гораздо лучше.

Теперь запереть! Ключъ находился въ ея сумочкѣ на столѣ. Она вынула его, снова повернулась къ чемодану и почувствовала, какъ прежнее онѣмѣніе снова охватываетъ ее. Ея ноги налились свинцомъ; лишь съ трудомъ

удалось ей пройти нѣсколько шаговъ отъ стола къ чемодану. Наконецъ она справилась съ этимъ, но теперь отяжелѣли руки. Она попыталась вложить ключъ въ замокъ. Онъ со звономъ упалъ на полъ.

Одно мгновение она безнадежно смотрѣла на блестящій металлическій предметъ, лежащій передъ ней на полу. Потомъ рыданіе потрясло ея тѣло.

— Почему... я не могу?.. Почему?.. почему?..

Упавъ на чемоданъ, она неподвижно лежала такъ въ теченіе нѣкотораго времени. Власть, вліяніе, ей самой непонятныя и необъяснимыя мѣшали покинуть этотъ, никѣмъ не охранявшійся домъ... Она прошла въ другую комнату и бросилась на кровать.

— Какая мука!.. Почему... я должна переносить ее?.. Гдѣ ты, Сильвестръ?.. Мама, если бы я умерла съ тобой.

Умереть... ниже дома... Ручей образуетъ маленькое озеро. Тамъ я найду покой и освобожденіе отъ муки...

Она встала съ кровати.

— Да!.. Да... Да...

На ея лицѣ отражалась непоколебимость принятаго рѣшенія. Быстро подошла она къ двери. Пусть какая то жуткая сила препятствуетъ ей бѣжать изъ дома къ людямъ, никто не запретилъ ей уйти въ вѣчность.

Она взялась за ручку и распахнула дверь.

Ворчливый голосъ Абилайль достигъ ея слуха. Видимо, старуха старалась заградить какому нибудь посѣтителю доступъ въ домъ, можетъ быть, гнала разносчика товаровъ.

— Неужели я не могу даже умереть? — она хотѣла снова тихо закрыть дверь, но ея рука судорожно вцѣпилась въ ручку.

Чей это голосъ... Чужой... Сразу распахнула она дверь.

— Сильвестръ.

Этотъ крикъ вырвался изъ глубины сердца. Закрывъ глаза, прислонилась она къ двери и протянула къ нему руку.

— Сильвестръ.

Она видѣла, какъ Абилайль отлетѣла въ уголъ отъ сильного удара кулакомъ, какъ кто-то громадными прыжками

вбѣжалъ по лѣстницѣ. Она почувствовала, только, что нѣжная рука гладитъ ея лицо, что надъ ея ухомъ звучать слова любви.

Эрикъ Труворъ работалъ въ своей лабораторіи въ Линнеѣ. По планамъ Сильвестра строилъ онъ новый лучеиспускатель. Аппаратъ былъ гораздо больше перваго, который его друзья взяли съ собой. Онъ по величинѣ напоминалъ небольшой шкафъ.

Но онъ былъ до смѣшного малъ по сравненію съ оказываемымъ имъ дѣйствиємъ. Онъ могъ передавать энергію въ десять милліоновъ киловаттъ. Это гигантское дѣйствіе достигалось тѣмъ, что аппаратъ дѣйствовалъ не только находившейся на мѣстѣ энергіей, но пользовался энергіей, находившейся всюду въ пространствѣ.

— Задача передачи энергіи на разстояніе практически разрѣшена, — съ гордостью сказалъ Сильвестръ, передъ своимъ стремительнымъ отъѣздомъ на Западъ.

Послѣднее затрудненіе, еще подлежащее устраненію, касалось точнаго прицѣла. Нужно было видѣть отдаленный объектъ, на который направлялся токъ. При чтеніи замѣтокъ Сильвестра, Эрикъ Труворъ почувствовалъ умственное наслажденіе. Излучавшаяся аппаратомъ энергія возвращалась обратно и давала изображеніе. При чтеніи это казалось ему до смѣшного простымъ. Обыкновенное отображеніе, какія употреблялись въ техникѣ уже сотню лѣтъ. Согласно теоріи на бѣлой матовой пластинкѣ новаго лучеиспускателя должно было показаться точное изображеніе того мѣста, въ которомъ концентрировалась энергія.

Онъ включилъ аппаратъ. Туманъ застлалъ пластинку. Намѣчались какія-то изображенія, но отчетливой картины не получалось.

Снова попробовалъ онъ включеніе. Потомъ взялся за работу. Часы проходили, но онъ не замѣчалъ этого. Прошла полночь и настало утро. Нильсъ Нильсенъ, старый

слуга, нашелъ своего господина въ лабораторіи, погруженнымъ въ работу.

— Господинъ Эрикъ, ваша постель осталась нетронутой.

Эрикъ Труворъ отмахнулся и сердито вытянулъ неправильно включенную проволоку.

— Не мѣшайте мнѣ!

Эрикъ кончилъ работу надъ включеніемъ. Включилъ опять и увидѣлъ еще меньше чѣмъ прежде. Серьезная ошибка!. Безъ усталости продолжалъ онъ работу.

Нужно было отказаться отъ немедленныхъ результатовъ, такъ какъ они могли испортить желаемый эффектъ.

Эрикъ Труворъ работалъ, и въ перерывахъ ѣлъ. Настала вторая свѣтлая сѣверная ночь.

Пришелъ лакей. Эрикъ выпроводилъ его изъ лабораторіи и потребовалъ крепкаго кофе. Чѣмъ больше онъ строилъ и включалъ, тѣмъ яснѣе становились ему преимущества измененной коммутациі.

Прошла вторая ночь и еще полъ дня. Онъ укрѣпилъ послѣдній винтъ и попытался побѣдить свое волненіе.

Дрожащей рукой включилъ онъ токъ. Туманъ затянулъ пластинку.

Онъ урегулировалъ микроскопическій винтъ. Туманъ разсѣялся. Показались голубые и зеленые просторы.

Онъ долженъ былъ сѣсть; колѣни отказывались служить ему. Потомъ онъ собрался съ силами, повернулъ рычагъ. Рѣзко и отчетливо выступили сосны, находившіяся въ двадцати километрахъ возлѣ устья Торнео. Эрикъ Труворъ зналъ это мѣсто.

На матовой пластинкѣ появилось изображеніе, подобное изображеніямъ въ фотографической камерѣ. Но достигалось оно совершенно инымъ путемъ, не зрительно.

Попытка удалась. Онъ отставилъ аппаратъ и бросился утомленный, на стоявшую въ лабораторіи кровать.

Лежа съ открытыми глазами, глядѣлъ онъ въ потолокъ. Въ его рукахъ теперь была власть покорять людей своей волей, превращать въ пепель непокорныхъ, власть, какой никогда еще не обладалъ отдѣльный человѣкъ.

Онъ почувствовалъ страшную отвѣтственность, связанную съ этой властью. Потомъ его мысли смѣшались. Природа предъявила свои права. Послѣ двухъ сутокъ напряженнѣйшей работы тѣло требовало отдыха. Его глаза закрылись.

Это былъ какой то лихорадочный полусонъ. Черезъ три часа онъ вскочилъ. Беспроволочный телеграфъ работалъ въ это время. Онъ прочелъ свѣдѣнія на бумажной лентѣ.

— Отправляемся въ Элькингтонъ, Рейнольдсъ-Фармъ, за Яной.

Онъ потеръ лобъ. Яна не въ Трентонѣ? Найдя въ атласѣ нужныя указанія, онъ навелъ лучеиспускатель. Сначала за клубился туманъ. Потомъ показалась зеленая равнина, дворъ фермы. Онъ поправилъ регуляторъ и могъ различить мельчайшія подробности.

Какая то фигура слѣва вступила въ поле зрѣнія... Сильвестръ Бурсфельдъ. Онъ увидѣлъ его такъ отчетливо, словно тотъ находился на разстояніи протянутой руки. Сильвестръ былъ одинъ, не захвативъ съ собою даже лучеиспускателя.

Эрикъ хотѣлъ окликнуть друга, забывая, что отдѣленъ отъ него тысячью миль.

Другая фигура вырисовалась на поверхности. Уродливая старая негритянка. Эрикъ Труворъ видѣлъ, какъ она пыталась прогнать Сильвестра, какъ тотъ оттиснулъ ее и направился къ двери, какъ негритянка попробовала его оттолкнуть и какъ обычно добродушный Сильвестръ внезапно поднялъ руку, отбросилъ женщину и кинулся въ домъ. Дверь за нимъ закрылась.

Время шло. Эрикъ Труворъ испытывалъ возрастающее безпокойство. Онъ не видѣлъ при Сильвестрѣ лучеиспускателя, этого небольшого, но грознаго оружія, могущаго защитить его отъ всякаго нападенія. Не видѣлъ онъ и Атмы. Куда дѣвался индусъ? Второй вопросъ безпокоилъ его почти также, какъ и первый. Насильно принудилъ онъ себя къ спокойствію.

— Вѣроятно, они складываютъ вещи... Конечно... вѣдь

ясно, что Яна не можетъ отправиться въ Европу, въ чемъ стоитъ. Я даю имъ часъ времени...

Онъ сталъ разглядывать крышу дома. Хорошо ли она загорится, если онъ направитъ лучеиспускатель на конекъ? Дерево было пористое, высушенное солнцемъ. Огонь долженъ былъ вспыхнуть сразу.

Потомъ онъ сталъ думать о послѣдствіяхъ. Пожаръ могъ разгорѣться такъ сильно, что пламя преградитъ выходъ, прежде чѣмъ влюбленные узнаютъ объ опасности. Онъ боялся силой своего аппарата заставить ихъ поспѣшить. Его нетерпѣніе возрастало. Надежда на появленіе Сильвестра или Атмы была тщетной.

Серебряное пятно въ синевѣ неба возбудило его вниманіе. Черезъ лупу осмотрѣлъ онъ это мѣсто на пластинкѣ.

Безъ сомнѣнія, то былъ Р. Ф. с. I. Онъ хорошо зналъ форму аэроплана. Эрикъ облегченно вздохнулъ. Атма явился за ними. Гдѣ онъ торчалъ раньше — неважно... Теперь все должно было благополучно закончиться.

Аэропланъ быстро приближался. Онъ снизился за фермой, потомъ силуэтъ фермы вдвинулся между нимъ и взглядомъ Эрика.

Почему не снизился Атма во дворъ фермы? Можетъ быть, мѣсто за домомъ было удобнѣе для взлета.

Эрикъ Труворъ ждалъ... Онъ увидѣлъ пять бѣгущихъ по двору фигуръ, скрывшихся въ домѣ.

— Атма тамъ... Атма поспѣлъ во время... Все будетъ хорошо.

Эрикъ старался успокоить себя этими словами. Среди пятерыхъ фигуръ, онъ, по описаніямъ Сильвестра, узналъ Глоссина. Волочащаяся правая нога, пронзительный взглядъ... Ошибиться было невозможно, но онъ надѣялся, что Атма со своимъ Р. Ф. с. I находится за домомъ, что онъ уничтожитъ противниковъ.

Прошло нѣсколько минутъ.

Дверь фермы открылась. Одинъ изъ мужчинъ несъ въ рукахъ что-то свѣтлое... Яна въ обморокѣ. Ея лицо было блѣдно; голова бессильно лежала на плечѣ несшаго ее. Двое другихъ тащили связаннаго Сильвестра. Шестіе за-

ключаль докторъ Глоссинъ съ удовлетворенной улыбкой на лицѣ.

Пламенный гнѣвъ охватилъ Эрика. Онъ включилъ токъ.

Въ двадцати метрахъ разстоянія отъ доктора, началъ плавиться песокъ, засвѣтился бѣлымъ каленіемъ, распространяя жаръ.

Докторъ оглянулся и изо всѣхъ силъ пустился бѣжать. Волоча ногу, мчался онъ по двору, а за нимъ тянулся огненный слѣдъ, такъ какъ при помощи микрометрическаго винта Эрикъ Труворъ направилъ пламя на него... И при этомъ въ волненіи порвалъ одну изъ проволокъ аппарата.

Картина потускнѣла. Тысячи миль отдѣляли Эрика отъ Рейноглдсѣ-фармъ. Только теперь онъ понялъ это.

Лихорадочно дрожащими руками искалъ онъ порванную проволоку. Онъ долженъ былъ заставить себя успокоиться, долженъ былъ съ безконечнымъ терпѣніемъ отвинтить зажимъ, взять проволоку, протянуть ее и снова завинтить. Драгоцѣнныя минуты проходили. Наконецъ, соединеніе было снова налажено. Изображеніе снова показалось на пластинкѣ. Дворъ былъ пустъ.

Онъ не могъ разрѣшить этой загадки. Вмѣшался ли Атма, уничтожилъ ли онъ враговъ? Везетъ ли онъ теперь Сильвестра и Яну домой?

Эрикъ Труворъ не зналъ этого. Онъ былъ осужденъ сидѣть здѣсь и ждать. Но онъ поклялся направить огонь лучеиспускателя на Глоссина, какъ только снова увидитъ его.

Въ Элькингтонскомъ лѣсу, среди орѣшника и кустовъ ежевики, лежалъ Р. Ф. с. I. Атма сидѣлъ на травѣ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него и ждалъ. Его лицо выдавало безпокойство. Онъ былъ блѣденъ, насколько позволяла его смуглая кожа и утомленъ. Невѣроятное напряженіе его борьбы съ Глоссинымъ сказывалось въ немъ.

Лучи заходящаго солнца косо свѣтили сквозь вѣтви, бросая тѣни на зелень. Индусъ сталъ слѣдить за своей тѣнью, за медленнымъ движеніемъ темной полосы. Только что зеленѣвшія травинки постепенно темнѣли и обезцвѣчивались, а на другой сторонѣ листья загорались сіяющимъ солнечнымъ золотомъ. Созерцаніе этой медленной перемѣны успокоило Атму. Всѣ его мысли сосредоточились на двигающейся тѣни и на каменномъ козлѣ, находившемся на разстояніи фута отъ нея.

— Я подожду, пока тѣнь коснется камня. Если Логгъ Саръ съ дѣвушкой до тѣхъ поръ не вернется, я отправляюсь за ними.

Назначивъ себѣ, такимъ образомъ, срокъ, онъ продолжалъ сидѣть неподвижно, освѣщенный солнцемъ, погрузившись въ созерцаніе блуждающей тѣни и чувствуя, какъ съ минуты на минуту возвращаются его силы. Любопытныя ящерицы безстрашно пробѣгали по его ногамъ, мухоловка отплясывала неподвижное тѣло. Тѣнь коснулась камня. Сома Атма всталъ и бросилъ бѣглый взглядъ на хронометръ. Два часа прошло съ тѣхъ поръ, какъ Сильвестръ отправился за дѣвушкой въ Рейнольдсъ-Фармъ... Два часа! Атма почувствовалъ страхъ. Двадцати минутъ было довольно даже при длительной встрѣчѣ влюбленныхъ.

Большими шагами поспѣшилъ онъ къ фермѣ. Дверныя створки были только прислонены. Войдя въ домъ, онъ нашелъ его пустымъ. Но безпорядокъ ясно указывалъ на происходившую здѣсь борьбу. Три стула было опрокинуто, скатерть смята. На полу лежалъ разбитый стаканъ. Шляпа Логгъ Сара, его перчатки...

Пока Атма подымался по лѣстницѣ, передъ нимъ необычайно рельефно рисовалась сцена, разыгравшаяся въ то время, какъ онъ отдыхалъ въ лѣсу, набираясь свѣжихъ силъ.

Онъ достигъ конца лѣстницы. Съ вышки открывался видъ на всѣ стороны. Атма подошелъ къ окнамъ, осмотрѣлъ ясное вечернее небо и увидѣлъ свѣтлое пятно, держащее путь на западъ. Аэропланъ! Въ такое время на такой высотѣ онъ могъ прибыть только изъ Элькингтона. Еще

было время. Большими прыжками сбѣжалъ онъ съ лѣстницы и поспѣшилъ къ лѣсу, гдѣ спрятанный среди листвы Р. Ф. с. I ожидалъ новыхъ подвиговъ.

Р. Ф. с. II держалъ курсъ съ запада на сѣверо-западъ. Комендантъ Чарльзъ Больтонъ стоялъ на вахтѣ. Въ каютѣ, въ одномъ изъ удобныхъ легкихъ креселъ сидѣлъ докторъ Глоссинъ. На его лицѣ виднѣлись слѣды борьбы и страданій, глаза покраснѣли. Напротивъ него, на второмъ креслѣ, лежала граціозная фигура Яны, находившейся въ глубокомъ обморокѣ. Въ углу, на полу, крѣпко стянутый веревками, находился Сильвестръ Бурсфельдъ. Докторъ Глоссинъ всталъ и медленно, словно каждый шагъ причинялъ ему боль, направился черезъ комнату къ Янѣ.

Наклонившись надъ ней, онъ попробовалъ пульсъ. Потомъ, мягко, но настойчиво, раздвинулъ ей губы и влилъ въ ротъ нѣсколько капель красной жидкости изъ маленькой хрустальной бутылочки. Онъ почувствовалъ, какъ вслѣдъ за этимъ усилился пульсъ, какъ легкая краска вернулась на лицо. Успокоенный вернулся онъ къ своему мѣсту и самъ проглотилъ немного жидкости. Потомъ остановилъ долгій взглядъ на связанномъ Сильвестрѣ. Цирусъ Стонардъ предписалъ безусловное уничтоженіе. Одинъ изъ трехъ находился въ его рукахъ. На этотъ разъ онъ не избѣгнетъ смерти.

Докторъ Глоссинъ сталъ вычислять время. Еще три четверти часа, и аэропланъ будетъ надъ Монтаной. Тамъ, у восточнаго склона Скалистыхъ Горъ, у него есть укромный уголокъ... А потомъ... потомъ Р. Ф. с. II бѣшено помчится обратно въ Зингъ-Зингъ. Уже давно былъ отданъ по беспроволочному телеграфу приказъ приготовить новую машину. На этотъ разъ исполненіе приговора совершится быстро и гладко, безъ свидѣтелей; только онъ одинъ будетъ присутствовать и убѣдится, что токъ на этотъ разъ дѣйствительно дѣлаетъ свое дѣло.

Тогда старая ошибка будетъ заглажена. Тогда Цирусъ Стонардъ не сумѣетъ его ни въ чемъ упрекнутьъ.

Ходъ его мыслей былъ прерванъ. Онъ услышалъ, какъ комендантъ говорилъ по телефону съ машиннымъ отдѣленіемъ. Составъ экипажа на Р. Ф. с. II былъ полный. Кромѣ коменданта на борту находились еще инженеръ и два техника.

Комендантъ настойчиво говорилъ:

— Обороты обѣихъ турбинъ пали съ восьми тысячъ до пяти тысячъ и все время продолжаютъ падать. Что у васъ случилось?

Докторъ Глоссинъ внимательно прислушался. Какой-нибудь дефектъ въ моторѣ, порча турбинъ могли разрушить его планъ.

Корпусъ аэроплана получилъ легкое сотрясеніе, носъ его слегка нагнулся, и онъ плавно началъ спускаться съ огромной высоты. Дверь машиннаго отдѣленія открылась. Вошелъ инженеръ въ забрызганномъ кожаномъ костюмѣ, со слѣдами масла и сажи на рукахъ.

— Мистеръ Болтонъ, обѣ машины стоятъ. Онѣ вращаются лишь потому, что потокъ воздуха заставляетъ вращаться винты.

Комендантъ вскочилъ, какъ разъяренный бульдогъ.

— Тысяча дьяволовъ, Вимблингтонъ, вы хотите насъ опозорить? Р. Ф. с. II — лучшій аэропланъ нашей эскадрильи. Приведите машины въ дѣйствіе, или я предамъ васъ военному суду.

Инженеръ поспѣшилъ обратно въ машинное отдѣленіе, забывъ прикрыть за собою дверь. Шумъ машинъ доносился въ каюту. Между тѣмъ аэропланъ, лишенный моторной силы неудержимо спускался къ землѣ. Спускъ былъ неизбеженъ черезъ десять минутъ, если до тѣхъ поръ не удастся вернуть моторную силу.

Инженеръ снова появился въ каютѣ.

— Господин капитанъ, поврежденія заключаются въ генераторѣ. Машины не получаютъ горючаго матеріала.

Лицо коменданта стало сине-багровымъ.

— Во имя дьявола, вы должны привести машины въ

дѣйствиѣ. Вы будете разстрѣляны, если намъ придется спуститься.

Имѣя въ перспективѣ смерть отъ пули, Вимблингтонъ покинулъ каюту. Но положеніе вещей отъ этого не измѣнилось. Моторной силы все не было, спускъ продолжался. Р. Ф. с. II уже находился въ густой атмосферѣ, лишь въ трехъ тысячахъ метровъ надъ землей. Еще недавно солнечные лучи освѣщали кабину, теперь же аэропланъ уже почти былъ окутанъ сумеречной тѣнью земли. Скрежеща зубами, комендантъ Болтонъ осматривалъ мѣстность, разыскивая подходящее мѣсто для спуска. Онъ замѣтилъ, что ему еще удастся пролетѣть надъ лѣсомъ и опуститься на довольно большой заросшей травой полянѣ.

Волненіе коменданта передалось и Глоссину. Безпокойно бѣгалъ онъ короткими шагами взадъ и впередъ по каютѣ. Его взглядъ упалъ на Сильвестра Бурсфельда. Заключенный перевернулся, чтобы видѣть Яну, все еще лежащую въ легкомъ снѣ. Взгляды Глоссина и Логгъ Сара встрѣтились, и страхъ прокрался въ сердце доктора.

Въ этотъ моментъ онъ почувствовалъ, что порча мотора не была случайностью, что его снова преслѣдуетъ неизвѣстная, таинственная власть. Онъ готовъ былъ поклясться, что сила, тогда остановившая машину въ Зингъ-Зингъ и теперь тормозила работу турбинъ Р. Ф. с. II. Механически взялся онъ за карманъ, гдѣ было спрятано оружіе.

Р. Ф. с. II спустился на поляну. Благодаря совершенному искусству коменданта Болтона, аэропланъ еще перелетѣлъ черезъ послѣднія деревья лѣса. Сейчасъ же за опушкой онъ остановился и быстро растущія сумерки обступили его. Болтонъ оставилъ регуляторъ и обернулся, когда шорохъ привлекъ его вниманіе. Слобно превратившись въ соляной столбъ, продолжалъ онъ стоять, глядя въ боковыя окна.

Второй аэропланъ спустился съ высоты и расположился на полянѣ едва въ ста метрахъ отъ Р. Ф. с. II. Съ минуты на минуту убывающій сумеречный свѣтъ еще позволялъ различать очертанія.

Комендантъ Болтонъ, наконецъ, обрѣлъ даръ рѣчи.
— Я согласенъ жениться на чертовой бабушкѣ если

это не Р. Ф. с. I. Другого такого аэроплана еще нѣтъ на свѣтѣ. Р. Ф. с. III находится въ монтажѣ...

Комендантъ забылъ о своей злости. Любопытство, какимъ образомъ Р. Ф. с. I внезапно появился здѣсь, подавило въ немъ всѣ другія чувства. Докторъ Глоссинъ стоялъ, держа оружіе на готовѣ и смотрѣлъ на чужой аэропланъ.

Тамъ ничто не шевелилось. Комендантъ Больтонъ прервалъ молчаніе.

— Что здѣсь горитъ? У васъ пожаръ? — крикнулъ онъ въ машинное отдѣленіе.

Отвѣтъ былъ излишенъ. Рядомъ съ нимъ распаялась массивная металлическая стѣна Р. Ф. с. II. Металлъ раскалился сначала до красна, потомъ до бѣла и превратился въ паръ, даже не успѣвъ растаять. Внутренняя деревянная обшивка вспыхнула на короткое мгновеніе, но и она исчезла, не успѣвъ разгорѣться какъ слѣдуетъ. Остался только запахъ гари.

Обращенная къ новому аэроплану боковая стѣна Р. Ф. с. II исчезла на нѣсколько квадратныхъ метровъ.

Комендантъ Больтонъ видѣлъ, какъ аэропланъ на его глазахъ превращается въ паръ, въ ничто. Со сжатыми кулаками бросился онъ къ образовавшемуся отверстию.

...И попалъ въ палящую полосу луча. Въ одно мгновеніе вспыхнула его одежда. Онъ хотѣлъ вернуться, но былъ ужъ мертвъ, сожженъ, превратился въ тлѣющій уголь и золу.

Пламя лучеиспускателя пожирало дальше: теперь разлетѣлась стѣна машиннаго отдѣленія.

Инженеръ Вимблингтонъ не хотѣлъ допускать гибели своихъ машинъ. Его правая рука опустилась въ карманъ. Съ шумомъ ударились пули о бока Р. Ф. с. I.

Первая... вторая... третья.... четвертая не достигла цѣли, потому что огненный лучъ нащупалъ инженера, сожралъ оружіе въ его рукѣ, сожралъ руку и его самого прежде, чѣмъ онъ сумѣлъ прицѣлиться въ пятый разъ.

Поднявъ руки, монтеры выскочили въ отверстіе.

Одинъ изъ нихъ разлетѣлся на кусочки въ моментъ прыжка. Второго лучъ настигъ въ десятую долю секунды,

когда онъ висѣлъ въ воздухѣ. Немножко бѣловатой золы упало на поляну.

Докторъ Глоссинъ не видѣлъ катастрофы въ машинномъ отдѣленіи. Напрягая всѣ силы, онъ въ теченіе этихъ секундъ отодвинулъ замки, на двери, ведущей на бакбортъ аэроплана.

Однимъ прыжкомъ подскочилъ онъ къ Янѣ и рванулъ ее къ себѣ. Оружіе снова очутилось въ его рукѣ.

Оно было въ упоръ направлено на Сильвестра.

Раненый застоналъ, но толчекъ его связанныхъ рукъ все же пошатнулъ доктора. Онъ упалъ бы, если бы въ послѣдній моментъ не выронилъ оружія и не схватился за дверь.

Лишь теперь обнаружилась сила, таившаяся въ этомъ изуродованномъ тѣлѣ.

Держа на рукахъ Яну, все еще находившуюся въ обморокѣ, Глоссинъ соскользнулъ съ аэроплана со стороны бакборта и побѣжалъ къ лѣсу; въ то же мгновеніе Атма покинулъ Р. Ф. с. I и большими прыжками бросился къ Р. Ф. с. II. Когда Глоссинъ коснулся земли со стороны бакборта, Атма съ другой стороны вскочилъ въ аэропланъ.

Увидѣвъ Сильвестра связаннымъ, онъ съ быстротой молніи перерѣзалъ связывавшія его веревки. Потомъ вложилъ ему въ руки лучеиспускатель, соскользнулъ съ аэроплана съ другой стороны и бросился къ лѣсу.

Онъ поспѣлъ во время. Бѣлое платье Яны уже неясно мелькало среди стволовъ. Докторъ Глоссинъ выигралъ время, и вечернія тѣни сгущались съ каждой секундой. Но Глоссинъ былъ старъ, Атма молодъ, Глоссинъ несъ на плечѣ тяжесть, Атма же былъ налегкѣ.

Преимущества Глоссина уменьшались съ минуты на минуту. Пришедшая въ себя отъ толчковъ и тряски бѣга, Яна всѣми силами сопротивлялась. Откидываясь назадъ, она мѣшала Глоссину.

Онъ уже слышалъ за собой тяжелое дыханіе индуса. Его охватилъ смертельный страхъ. Судьба слѣдовала за нимъ по пятамъ. Только бы спастись!

Предъ нимъ показалась небольшая пропасть. Опустивъ Яну на земь, онъ спрыгнулъ внизъ и побѣжалъ вдоль

обрыва. Здѣсь былъ уже полный мракъ. Въ своей темной одеждѣ онъ былъ невидимъ здѣсь. Осторожно крался онъ отъ дерева къ дереву, стараясь не производить ни малѣйшаго шороха.

Атма остановился возлѣ Яны, осторожно поднялъ ее и, то неся, то ведя ее, добрался съ ней до каюты Р. Ф. с. I и направился къ Сильвестру.

Тотъ лежалъ безъ сознанія. Лучеиспускатель выпалъ изъ его рукъ, изъ раны струилась кровь.

Атма поспѣлъ во время. Тѣмъ же ножомъ, которымъ онъ недавно перерѣзалъ пути, онъ теперь распоролъ одежду, обнаживъ пораненное мѣсто. Была задѣта артерія.

Прошло довольно много времени, пока Атмѣ удалось остановить кровь. Края раны, наконецъ, закрылись. Атма осторожно перенесъ товарища своихъ дѣтскихъ лѣтъ на другой аэропланъ и съ безконечной заботливостью уложилъ его.

Теперь Атма зналъ, что его другъ и дѣвушка въ безопасности. Его фигура напрягалась, и съ лучеиспускателемъ въ рукѣ повернулся онъ къ лѣсу. При послѣднемъ свѣтѣ умирающаго дня виднѣлась тамъ руина Р. Ф. с. II.

Аппаратъ заработалъ. Теперь индусу не нужно было такъ осторожно цѣлиться. Съ грохотомъ взорвались десять тысячъ киловаттъ среди обломковъ. Въ мгновеніе ока весь корпусъ вспыхнулъ.. Потомъ жаръ превратился въ бѣлое каленіе. Загорѣлся алюминій. Горящая масса во всѣ стороны разбрасывала миллионы искръ и звѣздочекъ. Потомъ она превратилась въ лужу растаявшей глины; это было все, что осталось отъ прекраснаго образца человѣческаго генія.

Атма оставилъ лучеиспускатель. Но пылающая масса шлака продолжала горѣть. Пламя перекинулось на лѣсъ.

Загорѣлась сухая трава, нѣкоторыя близлежащія деревья.

Атма смотрѣлъ на это зрѣлище, ничего не предпринимаемая для ликвидаціи.

Быстро пустилъ онъ въ ходъ турбины Р. Ф. с. I. Аэропланъ взвился ввысь. Далеко подъ нимъ лежалъ горящій лѣсъ. Атма улыбнулся.

— Если будетъ хорошій вѣтеръ, Глоссинъ, ты еще этой ночью...

Остальное пропало въ шумѣ машинъ.

Атма взялся за рычагъ и направилъ аэропланъ на сѣверъ. Путь черезъ полюсъ былъ самымъ безопаснымъ.

Р. Ф. с. I легко и почти безъ сотрясенія спустился на поляну передъ труворскимъ домомъ въ Линнеѣ. Своими сильными руками Эрикъ Труворъ перенесъ въ домъ раненаго друга; Яна слѣдовала объ руку съ Атмой.

Настали горестные дни. Рана Сильвестра не была смертельной, пуля Глоссина скользнула мимо ребра и задѣла только мясо; но опасна была лихорадка. Старый Линнейскій врачъ беспомощно качалъ головой. Не было зараженія крови, рана затягивалась, и все же лихорадка истощала больного. Искусство врача и его латынь не могли помочь.

Долгіе дни и короткія свѣтлыя ночи проводила Яна у постели Сильвестра, чередуясь съ Атмой. Послѣдній, умѣрившій самый дикій бредъ Сильвестра, прикосновеніемъ руки ко лбу, сказалъ Эрику Трувору:

— На пятую ночь наступитъ кризисъ.

Какъ ни тихо были произнесены эти слова, Яна услышала ихъ.

Сегодня была пятая ночь. Она сидѣла въ полутемной комнатѣ, у постели Сильвестра, наблюдая за каждымъ движеніемъ больного.

Было далеко за полночь, и невѣрный свѣтъ проникалъ въ комнату. Со страхомъ и радостью замѣтила Яна перемѣну въ чертахъ Сильвестра. Что то задрожало въ нихъ, опущенныя вѣки, казалось, хотѣли подняться. Тѣло зашевелилось.

Была ли то смерть или пробужденіе къ новой жизни?

Горе охватило Яну. Она хотѣла позвать Атму, но голосъ не повиновался ей. Безудержно отдалась она обуревавшимъ ея чувствамъ. Обвивъ руками шею Сильвестра, она стала шептать ему нѣжныя слова и прижалась губами къ его лбу. Всѣ предписанія врача, всѣ указанія Атмы были забыты въ этотъ моменіъ.

— Сильвестръ, не покидай меня! Сильвестръ, останься со мной!

На мгновение онъ поднялъ вѣки, словно стараясь узнать окружающую обстановку. Потомъ они снова закрылись, голова глубже ушла въ подушки. Онъ лежалъ неподвижно.

— Сильвестръ!

Это былъ крикъ отчаянія. Тихо опустилась она на колѣни у кровати и закрыла лицо руками.

Атма вошелъ въ комнату. Его вопрошающій взглядъ остановился на лицѣ Сильвестра. Пробормотавъ «онъ спасенъ», Атма вышелъ.

Больной снова открылъ глаза и съ радостнымъ удивленіемъ увидѣлъ прижатую къ своей груди бѣлокурую голову.

— Кто это?..

Яна вскочила.

— Онъ живъ!

Сильвестръ все еще не узнавалъ ее.

— Кто это?..

— Яна, твоя Яна съ тобой!

Проблескъ сознанія показался на лицѣ Сильвестра.

— Яна?

— Да, твоя Яна.

— Яна... Яна... — онъ повторялъ это имя, словно находя въ немъ высшее блаженство. Обнявъ Яну, онъ притянулъ ея голову къ себѣ и прижался лицомъ къ ея лицу.

— Моя Яна,—сказалъ онъ такъ тихо, что ей бросилась въ глаза его необычайная слабость. Потомъ онъ снова закрылъ глаза, засыпая, но счастливая улыбка осталась на его губахъ.

Неслышными шагами приблизился Атма къ Янѣ.

— Онъ спитъ, опасность миновала. Тебѣ тоже нужно отдохнуть, бѣдное дитя. Оставь меня одного съ Сильвестромъ. Когда нужно будетъ, я позову тебя.

— Онъ спитъ, онъ спасенъ, — тихо повторила Яна. Бросивъ на спящаго долгій взглядъ, она послѣдовала за индусомъ.

Часть третья

Въ домѣ Термэленъ были именины. Имянинникъ, Андреасъ Термэленъ, встрѣтилъ свой восьмой десятокъ настолько бодро, насколько это было возможно.

Пообѣдалъ онъ вдвоемъ со своей Луизой, которая состарилась вмѣстѣ съ нимъ. Потомъ онъ почувствовалъ результаты дневныхъ волненій. Руки дрожали больше обыкновеннаго, спина немного болѣла.

Жена озабоченно смотрѣла на него.

Онъ попробовалъ пошутить.

— Бисмаркъ хорошо сказалъ, что семьдесятъ лѣтъ самый лучший возрастъ. Ничего съ этимъ не подѣлаешь!

Послѣ обѣда онъ удобно устроился въ мягкомъ кожаномъ креслѣ. Старыя кости могли вытянуться и отдохнуть.

Чета Термэленъ была бездѣтна. Любовь ея распространялась на племянницъ и племянниковъ, большей частью уже взрослыхъ и самостоятельныхъ.

Старикъ хотѣлъ вздремнуть послѣ обѣда, но непривычныя волненія не дали ему заснуть.

— Какъ ты думаешь, Луиза, Вилли приѣдетъ сегодня изъ Эссена?

— Навѣрно, если у него будетъ время.

Рѣчь шла о Вильгельмѣ Люссенкампѣ, главномъ инженерѣ Эссенской стальной фабрики. Ему было уже около пятидесяти, но для стариковъ онъ попрежнему оставался мальчикомъ Вилли.

Старикъ некоторое время размышлялъ надъ отвѣтомъ.

— Если у него будетъ время... Теперь много дѣла. Скоро будетъ война между Англіей и Америкой. Я буду радъ, если они расшибутъ себѣ голову.

Потомъ его мысли приняли другое направленіе.

— Кто бы подумалъ, Луиза, что изъ того знакомства

на корабль выйдет что-нибудь серьезное! Я подумалъ тогда, что молодые люди считаютъ меня старымъ дуракомъ, а потомъ получилось письмо изъ Америки и еще одно изъ Швеціи. Я долженъ снова прочесть его.

Луиза Термэленъ принесла письма. Старикъ попробовалъ читать, но рука его дрожала, и буквы плыли передъ глазами.

— Прочти ты, Луиза, у тебя глаза моложе.

Фрау Луиза прочитала уже много разъ читанныя письма.

Трентонъ, 14 декабря 1953 г.

Уважаемый господинъ Термэленъ!

Случай помогъ мнѣ, благодаря сдѣланнымъ вами указаніямъ, пролить свѣтъ на вопросъ о моемъ происхожденіи. Я нахожусь, какъ вы увидите по почтовому штемпелю, въ Трентонѣ. Работаю на тѣхъ же государственныхъ сооруженіяхъ, на которыхъ служилъ и Фредерикъ Гарте. Онъ погибъ отъ несчастнаго случая, но его вдова хорошо освѣдомлена о судьбѣ отдѣльныхъ членовъ семьи. Я познакомился съ фрау Гарте и ея дочерью Яной и научился цѣнить ихъ. Изъ бесѣдъ съ фрау Гарте я вынесъ увѣренность, что я сынъ Гергарта Бурсфельда, осенью 1922 года погибшаго въ Мессопотаміи. Время и мѣсто детально совпадаютъ со свѣдѣніями, которыя мнѣ обычно давались относительно исчезновенія моего отца. Фрау Гарте нашла сходство между мной и Гергартомъ Бурсфельдомъ, портретъ котораго у нея имѣется. Поэтому я считаю васъ тоже родственникомъ.

Вашъ благодарный Сильвестръ Бурсфельдъ.

Письмо было надорвано и носило слѣды частаго чтенія.

— Кто бы подумалъ, Луиза, что люди могутъ такъ неожиданно найти другъ друга! Прочти и второе письмо.

Она поправила очки и продолжала чтеніе. Второе письмо было датировано позже.

Линней, 5 іюня 1955 года.

Милый господинъ Термэленъ!

Я счастливѣйшій человекъ на землѣ, и этимъ сча-

ствомъ обязанъ вамъ. Если бы вы въ свое время не дали мнѣ указаній, я никогда не узналъ бы мистриссъ Гарте. Тогда Яна Гарте никогда не была бы ни моей невѣстой, ни женой, которой она станетъ черезъ два часа. Я хочу сообщить вамъ о своемъ счастьи. Сегодня мы отправляемся въ свадебное путешествіе въ Италію, Грецію, Египеть до пирамидъ. Яна не знаетъ Стараго Свѣта, она всегда жила въ Америкѣ. На обратномъ пути мы заѣдемъ къ вамъ на пару дней. Отъ Яны я узналъ, что вы 8 іюня празднуете свое восьмидесятилѣтіе. Шлемъ поздравленіе съ береговъ Торнеаэльфа и скоро повторимъ ихъ устно.

Весь вашъ...

Раздался звонокъ. Андреасъ Термэленъ проснулся, услыша въ передней сильный мужской голосъ. Въ комнату вошелъ Вильгельмъ Люсенкампъ. Онъ сердечно привѣтствовалъ старика и поднесъ ему корзину съ розами, среди которыхъ заманчиво выглядывала дюжина красногорлыхъ бутылокъ.

— Старое вино для стариковъ, дядюшка! Поздравляю! Надолго не могу остаться. Мы работаемъ въ ночной смѣнѣ. Всякими хитростями уговорилъ я коллегу Андрисена замѣнить меня на послѣобѣденной смѣнѣ. Нанялъ свободный аэропланъ, доставившій меня въ Дюссельдорфъ, и вотъ я здѣсь.

Андреасъ Термэленъ выслушалъ этотъ потокъ словъ. Долго и сердечно пожималъ онъ руки племянника.

— Меня радуетъ, что ты на пару часовъ заглянулъ къ старому дядѣ. За это ты получишь первый кусокъ пирога.

Вильгельмъ рассказывалъ, что за послѣднія двѣ недѣли число печей увеличилось втрое. Работа производилась днемъ и ночью при значительно расширенныхъ штатахъ. Едва просохнувъ, печи уже снова прокаливались.

Когда, послѣ двадцатичетырехчасового прогреванія, исчезалъ послѣдній слѣдъ сырости, зажигался настоящій

огонь. Жаръ въ печи превращался въ бѣлое каленіе. Въ это пламя кидали сырье, которое въ адской жарѣ превращалось въ благородную сталь.

Нагрѣваніе должно было производиться день и ночь, потому что нечи не должны были остывать. Работа шла форсированнымъ темпомъ.

— Къ чему это все? Что вы сдѣлаете съ этой массой стали?

Вильгельмъ Люсенкампъ пожалъ плечами.

— Не моя забота, дядя. Мы получили приказъ выдѣлывать какъ можно больше стали. Минимумъ миллионъ тоннъ въ годъ. Значитъ нужно работать. А въ общемъ... я не выдаю никакой тайны: всѣмъ извѣстно, что американцы закупили невѣроятное количество стали.

— Будетъ война, мальчикъ. Я уже раньше говорилъ это...

— Можетъ быть, дядя Андреасъ. Дѣло похоже на то, что Джонъ Буль и дядя Самъ хотятъ вцѣпиться другъ въ друга. Американцы закупаютъ сталь, англичане интересуются готовыми орудіями. Наши турбины въ машинномъ отдѣленіи... не хочу хвастать... но онѣ лучше англійскихъ. При пробныхъ испытаніяхъ мы достигли 1200 килом. Самыя быстрыя машины — американскія Р. Ф. с. — дѣлаютъ только 1000 километровъ. Мы обогнали на 200. Англійскій капитанъ присутствовавшій при пробномъ полетѣ, былъ уничтоженъ. Онъ все время измѣрялъ на глобусѣ разстояніе между Фридрихсталемъ на югѣ Гренландіи и Азорскими островами, и качалъ головой. Съ тѣхъ поръ англичане гонятся за турбинами. Есть заказъ на 10.000 штукъ.

Вильгельмъ Люсенкампъ остановилъ свой взглядъ на орденахъ своего дяди.

— Ты одѣлъ старые знаки отличія?

Онъ нагнулся впередъ и перебралъ ихъ пальцами.

— Битва на Соммѣ... Верденъ... Кемельбергъ и Пернъ... Шменъ де Дамъ... кровавыя мѣста! Судя по тому, что мы слышали въ дѣтствѣ, тамъ приходилось туго.

Старикъ кивнулъ.

Этому уже сорокъ лѣтъ, мальчикъ, но я вижу это какъ сейчасъ. Иногда мнѣ и теперь кажется невѣроят-

нымъ, какъ я тогда уцѣлѣлъ. Это былъ адъ... Хуже ада...

Старикъ замолчалъ, охваченный воспоминаніями. Племянникъ подхватилъ тему.

— Было плохо, дядя Андреасъ, но теперь будетъ еще хуже. Предстоящая намъ война будетъ ужаснѣе всего, что міръ когда либо видѣлъ. Триста милліоновъ американцевъ будутъ бороться противъ семи сотъ милліоновъ британцевъ. Міровая промышленность уже теперь задыхается отъ военныхъ заказовъ. Новыя средства. Новые способы умерщвленія, о которыхъ большинство еще не имѣетъ понятія. Но дѣло не въ насъ. Обѣ державы перерѣжутъ другъ другу горло. Никто не можетъ удержать катастрофы, она неизбежна. Если она разразится не завтра, то послѣзавтра. По моему, американскій диктаторъ долженъ нанести ударъ неожиданно, если хочетъ имѣть шансы на успѣхъ.

— Они не заслужили ни одной нашей слезинки. Пусть они перерѣжутъ другъ другу глотки... Поговоримъ о другомъ, мальчикъ. Черезъ десять дней у васъ будутъ гости. — Одинъ изъ Бурсфельдовъ. Я вѣдь тебѣ рассказывалъ, какъ удивительно мы съ нимъ познакомились. Его бабушка была моей сестрой, сестрой твоей матери. Онъ пріѣдетъ со своей молодой женой. Постарайся этими днями тоже быть у насъ.

Вильгельмъ Люсенкампъ обѣщалъ, Взглянувъ на часы, онъ увидѣлъ, что пора собираться. Онъ долженъ былъ спѣшить, чтобы застать свой аэропланъ въ условленномъ мѣстѣ. Кипучая работа звала его назадъ изъ этой торжественной тишины къ шумящимъ машинамъ.

Колокольный звонъ раздавался со старой церкви въ Линнеѣ.

Полусвѣтъ проникалъ въ церковь сквозь пестрыя стекла оконъ. Церковь была почти пуста. Человѣкъ двадцать расположились на трехсотлѣтнихъ дубовыхъ скамьяхъ и на стульяхъ хоровъ.

Органъ заигралъ. Звуки хора понеслись по церкви. Это былъ день свадьбы Сильвестра.

Музыка смолкла. Старый священникъ благословилъ союзъ. Яна въ бѣломъ платьѣ, съ миртовымъ вѣнкомъ на бѣлокурыхъ волосахъ, была воздушно нѣжна. Сильвестръ былъ веселъ и счастливъ, несмотря на повязку на рукѣ.

Возлѣ нихъ находились оба свидѣтеля, Эрикъ Труворъ и Сома Атма.

Церемонія кончилась. Солнечный лучъ пробрался къ алтарю и соткалъ свѣтящуюся золотую корону надъ головой невѣсты. Органъ снова заигралъ.

Автомобили привезли всѣхъ къ труворовскому дому, гдѣ былъ устроенъ обѣдъ. Тутъ были гости изъ мѣстечка: линнейскій фогтъ съ женой, судья, помѣщики изъ окрестностей Линнея.

Это была свадьба по старымъ шведскимъ обычаямъ. Уже давно не видѣла высокая зала такого многочисленнаго общества — съ тѣхъ поръ, какъ умерла мать Эрика Трувора, — отецъ жилъ только наукою.

Въ шесть часовъ еще сидѣли за столомъ. Было произнесено много тостовъ, выпито много стакановъ. Лица разгорѣлись, и настроеніе поднялось. Шумъ голосовъ наполнялъ комнату. Иные говорили ради самого процесса рѣчи, не заботясь о томъ, слушаетъ ли ихъ кто-нибудь.

Пользуясь всеобщимъ оживленіемъ, Эрикъ Труворъ покинулъ свое мѣсто и сѣлъ за спиной Атмы. Индусъ былъ по обыкновенію спокоенъ и молчаливъ. Во время рѣчи судьи о будущихъ свадьбахъ, его взглядъ покоился на коричневыхъ балкахъ потолка. Ему казалось, что онъ видитъ пожирающій ихъ огонь.

— Твой смуглый товарищъ молчаливъ, Эрикъ. Мы покажемъ ему, что такое шведская свадьба. Шаферъ не долженъ оставаться трезвымъ, если онъ хочетъ оказать честь невѣстѣ, — со смѣхомъ выкрикнулъ толстый фогтъ и подошелъ съ полнымъ бокаломъ къ индусу. Тотъ взялъ его въ руку. Эрикъ Труворъ наклонился къ нему.

— Черезъ полчаса Сильвестръ долженъ собраться, чтобы успѣть захватить аэропланъ.

— Пусть ѣдетъ, — безстрастно сказалъ Атма.

— Ты не знаешь моихъ земляковъ. Они ждутъ свадебной пляски, хотятъ выпить изъ башмака невѣсты. Я жалѣю теперь, что приглашалъ старыхъ друзей и сосѣдей. Если молодые встанутъ, поднимется страшный шумъ.

Атма оглядѣлъ столъ. Каждый занимался своимъ дѣломъ: судья рассказывалъ сосѣду о какомъ-то необычайно интересномъ случаѣ на послѣднемъ засѣданіи. Фогтъ любезничалъ съ женой начальника. Самъ начальникъ началъ бранить правительство.

— Я долженъ переговорить съ Сильвестромъ. Мы дали ему недѣлю на свадебное путешествіе. Но я передумалъ: онъ можетъ проѣздить двѣ недѣли.

Атма поглядѣлъ на него:

— Почему? Ты сначала согласился подарить ему три дня. Онъ отвоевалъ недѣлю. Почему теперь двѣ недѣли?

— Потому что... у меня есть причины, о которыхъ я скажу тебѣ позже. Теперь мнѣ нужно вывести ихъ изъ зала.

Атма снова оглядѣлъ столъ. Поднявшись, онъ подошелъ къ стѣнѣ, словно желая что-то показать или объяснить.

Нѣкоторые уже подняли головы и съ напряженіемъ смотрѣли на темную панель стѣны. Жена начальника прервала фогта.

— Смотрите... Какая великолѣпная картина!.. Индусскій дворецъ, повидимому. Какъ чудесно! Пестрые купола въ голубомъ небѣ... Нашъ Эрикъ очаровательный хозяинъ. Это, вѣроятно, снимки изъ его экзотическихъ поѣздокъ...

Толстый фогтъ съ любопытствомъ поднялъ голову и послѣдовалъ глазами за рукой своей сосѣдки. Только что ему казалось, что туманъ застилаетъ стѣну. Теперь онъ увидѣлъ лучезарную красоту королевскаго дворца въ Аграбадѣ и обратилъ на это вниманіе сосѣда. Тотъ передалъ другому. Въ одинъ мигъ обѣжала эта вѣсть столъ. Сидѣвшіе спиной къ стѣнѣ, обернулись къ ней. Тамъ, гдѣ Сильвестръ и Яна видѣли лишь темную стѣну, другимъ сіяло изумительное произведеніе старо-индусскаго искусства. Картина внезапно оживилась. Дворецъ приблизился.

Пыльные, освѣщенные солнцемъ улицы, протянулись въ самый залъ. Судья позабылъ о процессѣ, чиновникъ о своемъ гнѣвѣ на правительство... Какъ заколдованные, глядѣли гости на разыгрывающійся на стѣнѣ спектакль. Появились королевскіе слоны съ золочеными клыками и пурпурными чепраками.

Казалось, предъ ними была пестрая фильма необыкновенной красоты. Она не осталась на стѣнѣ: отдѣльныя фигуры сбѣжали въ залъ.

Лоббе Лобсенъ отодвинулъ свой стулъ, потому что запыленный путникъ пробѣжалъ прямо по его ногамъ, Атма, только что бывший въ европейскомъ костюмѣ, внезапно появился въ экзотическомъ нарядѣ, среди этихъ фигуръ здоровался съ однимъ, кивалъ другому...

Между тѣмъ Эрикъ Труворъ стоялъ передъ домомъ, у дверцы автомобиля, и обмѣнивался послѣднимъ рукопожатіемъ съ молодыми.

— Счастливаго пути! Проведите послѣдніе три дня у Термэленовъ. 19-го я встрѣчу тебя, Сильвестръ, на вокзалѣ.

Моторъ заработалъ, шоферъ долженъ былъ спѣшить, чтобы еще захватить аэропланъ, направлявшійся въ Германію.

Эрикъ Труворъ медленно вернулся въ залъ. Онъ нашелъ Атму, спокойно сидящимъ въ креслѣ у стѣны. Все общество широко раскрытыми глазами уставилось на эту стѣну, словно видя тамъ необыкновенное зрѣлище. Эрикъ Труворъ не могъ удержаться отъ улыбки.

Атма всталъ и вернулся къ своему мѣсту у стола. Въ то же время стала тускнѣть приковывавшая зрителей картина. Она затуманилась, обезцвѣтилась, и на ея мѣстѣ снова выступила темная стѣна. Гости медленно приходили въ себя. Потомъ раздались громкія одобренія.

Великолѣпно... замѣчательно! Какая пластика! Фигуры выступаютъ въ пространство. Почти всѣ бывали въ Стокгольмѣ и видѣли кино. Какая естественная окраска! Но никогда они не видѣли, чтобы отдѣльныя фигуры пробѣгали среди зрителей. Они не скупилась на похвалы хозяину.

Никто не замѣтилъ отсутствія молодыхъ. Отъ времени до времени кто-нибудь пилъ за ихъ здоровье, словно Яна и Сильвестръ еще находились на своихъ мѣстахъ. Пиръ затянулся далеко за полночь, и лишь утромъ стали думать о возвращеніи домой.

Эрикъ Труворъ былъ доволенъ, когда послѣдніе гости покинули домъ.

Въ сопровожденіи Атмы вошелъ онъ въ лабораторію. Тамъ стоялъ новый лучеиспускатель, соединенный съ перископомъ.

— Гдѣ они теперь могутъ быть?

Индусъ отвѣтилъ не сразу. Его широко раскрытые глаза глядѣли вдаль. Онъ медленно произнесъ:

— Далеко на югѣ... Надъ покрытыми снѣгомъ горами.

— Ты хочешь сказать, на германо-итальянскомъ аэропланѣ? Посмотримъ, — сказалъ Эрикъ Труворъ съ гордостью.

Онъ включилъ аппаратъ. На пластинкѣ показалось изображеніе: облака, покрытыя снѣгомъ горныя вершины... Альпійская цѣпь... Готтардскій массивъ. Надъ нимъ свѣтящаяся точка.

Онъ взялся за микрометрическіе винты, точка превратилась въ аэропланъ. Можно было различить каждый винтъ, каждую мелочь. Нужно было долго регулировать, чтобы не потерять изъ виду быстро летящаго аэроплана въ этомъ увеличенномъ масштабѣ.

Ритмъ регулированія совпалъ съ ритмомъ движения аэроплана. Онъ неподвижно застылъ посреди пластинки. За стекломъ каюты стояли Сильвестръ и Яна. Держась за руки, со счастливой улыбкой, глядѣли они внизъ, на плодородную итальянскую равнину.

— Все эти слухи о войнѣ — примѣняя выраженія нашихъ журналистовъ — преждевременны. Міръ принадлежитъ Англо-Саксам. Они были бы глупцами, если бы ста-

ли уничтожать другъ друга. Глубокой причины для войны нѣтъ и поэтому ее не будетъ несмотря на поднятый печатью шумъ и на всеобщее возбужденіе. Такого мое личное мнѣніе... И не только мое.

Докторъ Глоссинъ проговорилъ это убѣдительно, почти гипнотизирующе.

Лордъ Горацій Мейтландъ сидѣлъ напротивъ него въ библіотекѣ Мейтлалдкастль.

— Вѣрю вамъ, господинъ докторъ! Но почему же Америка хочетъ скупить европейскую выработку стали?

Лордъ Горацій остановилъ свои пронзительные сѣрые глаза на докторѣ. Глоссинъ владѣлъ собой. Можно было предвидѣть, что старанія американскихъ агентовъ не пройдутъ незамѣченными для англичанъ.

— Это тщательно продуманное мѣропріятіе президента-диктатора, чтобы сохранить миръ.

— Долженъ сознаться, что мнѣ не вполне ясна цѣлесообразность этого пути.

— Ваша свѣтлость, можетъ быть, не знаетъ, что я по происхожденію шотландецъ и лишь натурализовался въ Америкѣ. Я считаю своимъ важнѣйшимъ долгомъ охранять хорошія отношенія между обѣими странами. Вы скажете, что для этого существуютъ дипломаты. Это, конечно, такъ, но дипломатъ всегда официальное лицо. Онъ говоритъ всегда отъ имени своей страны. Онъ не смѣетъ сказать многого, что часто хорошо было бы сказать.

Лордъ Горацій обѣими руками разгладилъ лежавшую на столѣ газету. Легкій сарказмъ прозвучалъ въ его отвѣтъ.

— Вы же, напротивъ, господинъ докторъ, не обременены тяготами службы, хотя мы и знаемъ въ Англии, что вы — довѣренный совѣтникъ президента-диктатора. Вы хотите сказать, что частнымъ образомъ, какъ докторъ Глоссинъ, бесѣдуете съ лордомъ Мейтландъ, который случайно является четвертымъ лордомъ англійскаго адмиралтейства.

— Именно такъ, лордъ Горацій. И такъ продолжаю. Мы узнали, что англійскіе агенты закупили на континентѣ большое количество военнаго снаряженія. Мы по праву могли бы сдѣлать то же. Приготовленія обоихъ госу-

дарствъ вызвали бы естественное напряженіе. Мы предпочли обнаружить свои мирныя намѣренія тѣмъ, что закупили лишь необработанную сталь. Къ сожалѣнію намъ не удалось сдѣлать этого въ желаемыхъ размѣрахъ. Промышленность на континентѣ умѣетъ извлекать выгоду изъ политическаго положенія. Во всякомъ случаѣ ваши приготовленія всегда будутъ сдерживаться нами въ извѣстныхъ границахъ.

— Вы транспортируете закупленный металлъ въ Штаты и тамъ сами будете выдѣлывать оружіе.

Изумленіе изобразилось на лицѣ Глоссина.

— Мы вовсе не думаемъ о томъ, чтобы перевести въ Штаты закупленные до сихъ поръ десять милліоновъ тоннъ стали. Съ насъ достаточно изъять ихъ изъ военной промышленности. Пусть ваша свѣтлость не забываетъ, что мы купили быстро и по сходнымъ цѣнамъ.

Докторъ Глоссинъ увѣрялъ, что опасности войны нѣтъ. Это могло быть притворствомъ, слишкомъ тяжело-вѣснымъ, чтобы англійскій государственный дѣятель хоть на секунду могъ обмануться имъ. Но одновременно съ этимъ докторъ Глоссинъ говорилъ о коммерческомъ предпріятіи, которое должно было принести американцамъ милліарды золотыхъ долларовъ, если кризисъ разрѣшится мирнымъ путемъ. Англичанинъ не могъ не поддаться величію этихъ экономическихъ намѣреній. Дѣло остается дѣломъ. Это положеніе слишкомъ глубоко внѣдрилось въ мысли англичанина, чтобы не оказать своего дѣйствія.

Англійская сыскная полиція сообщила лорду Горацію, что докторъ Глоссинъ лишь нѣсколько дней тому назадъ имѣлъ длинное собесѣдованіе съ Цирусомъ Стонардомъ. Безъ сомнѣнія онъ дѣйствовалъ по порученію диктатора. Америка хотѣла избѣжать войны и при этомъ заключить милліардную сдѣлку. Тактика была достойна Цируса Стонарда.

Эти мысли съ быстротой молніи пронеслись въ головѣ лорда Горація. За короткое молчаніе онъ обдумалъ планъ съ различныхъ сторонъ и нашелъ его безукоризненнымъ.

Съ этого мгновенія онъ былъ склоненъ думать, что Цирусъ Стонардъ ищетъ мира. Вопросъ о томъ, хочетъ ли

его такъ же Англія стоялъ въ другой плоскости. У нея оставалась возможность выиграть время для конфликта.

Лордъ Мейтландъ нашель случай достаточно важнымъ, чтобы отправиться на совѣщаніе въ Лондонъ. Онъ оставилъ доктора Глоссина въ обществѣ леди Діаны.

Мейтландъ Каствль былъ выстроенъ во времена Тюдоровъ. Позднѣйшія перестройки увеличили доступъ свѣта и воздуха, не измѣнивъ его внѣшности.

Въ тѣни дерева въ удобномъ креслѣ сидѣла леди Діана. Книга лежала у нея на колѣняхъ.

Напротивъ нея сидѣлъ докторъ Глоссинъ.

— Господинъ докторъ... вашъ интересъ къ моей особѣ повергаетъ меня въ изумленіе. Онъ далеко оставляетъ за собой отношеніе ко мнѣ другихъ моихъ гостей... И то отношеніе, какое я бы желала встрѣтить.

Мой мужъ сказалъ мнѣ, что вы работаете на пользу нашей родины, помогаете установить миръ между обѣими странами. Въ моихъ глазахъ это большая заслуга, дающая вамъ извѣстную свободу. Но всякая свобода имѣетъ свои границы...

Говоря о мирѣ, Діана Мейтландъ взволновалась. Къ концу рѣчи ея голосъ звучалъ холодно.

— Ваша свѣтлость придаетъ моимъ словамъ ложный смыслъ. То, о чемъ я говорю, тѣсно связано съ благополучіемъ обѣихъ странъ.

— Господинъ докторъ, вы говорите загадками! При всемъ желаніи я не могу найти связи между моей дѣвичьей жизнью въ Парижѣ и благополучіемъ Англіи. Но я изумлена вашей освѣдомленностью. Вы хорошо знаете мое прошлое...

— Да, леди Діана. Лучше, чѣмъ вы это думаете.

— Пожалуйста, господинъ докторъ, мнѣ нечего отрицать...

— Я сказалъ вашей свѣтлости, что обѣимъ странамъ грозитъ могучій и опасный врагъ.

— Я только что слышала объ этомъ, господинъ докторъ.

— Этотъ врагъ — Эрикъ Труворъ.

Леди Діана, только что олицетворявшая насмѣшливое спокойствіе и холодную гордость, поблѣднѣла. Ея глаза расширились, словно она увидѣла призракъ. Страстное возбужденіе, отражавшееся на ея лицѣ, подчеркивало его красоту. Ея глаза сверкали гнѣвомъ и смертельной ненавистью.

— Эрикъ!.. Эрикъ Труворъ? — страстно вырвалось у нея.

Откинувъ голову, она посмотрѣла на Глоссина пронизывающимъ взглядомъ.

— Какъ можете вы произнести имя, одно упоминаніе котораго является оскорбительнымъ для меня?

— Я назвалъ имя человѣка, угрожающаго обѣимъ странамъ... И много лѣтъ назадъ вошедшаго въ нашу жизнь, леди Діана.

— Эрикъ Труворъ грозитъ Англій, всей Америкѣ... Одинъ человѣкъ опасенъ могущественнѣйшимъ государствамъ?

— Я примирился бы съ немилостью вашей свѣтлости, если бы могъ превратить жестокою дѣйствительность въ легкую шутку.

Я назвалъ Эрика Трувора. Съ двумя своими друзьями живетъ онъ въ Швеціи, на Финской границѣ. Одинъ изъ его друзей — Сильвестръ Бурсфельдъ, сынъ того Гергарта Бурсфельда, котораго мнѣ тридцать лѣтъ назадъ удалось упрятать въ Тоуэръ. Они оба знаютъ тайну отца Сильвестра и работаютъ надъ ея дальнѣйшемъ развитіемъ.

Бурсфельдъ знаетъ, что его отецъ погибъ жертвой англійской политики, и поэтому стремится мстить Англій. Третій членъ союза, индусъ, тоже сведетъ нѣкоторые счета с Англійей за свою родину.

Съ береговъ Торнеаэльфа Англій грозитъ опасность, болѣе страшная, чѣмъ та, какую представляетъ Цирусъ Стонардъ со своимъ трехсотмилліоннымъ народомъ. Эрикъ Труворъ и его два друга страшнѣе Цируса Стонарда.

Леди Діана спокойно слухала; только блѣдность выдавала ея внутреннее волненіе.

— Знаете ли вы, что сдѣлалъ со мной Эрикъ Труворъ?

Докторъ Глоссинъ отвѣтилъ медленно и осторожно:

— Я знаю, что онъ былъ женихомъ молодой графини Рачинской и что онъ... вернулъ ей обручальное кольцо.

— Вы знаете много... но не все...

— Я знаю также, леди Діана, что вы ненавидите Эрика Трувора. Вы не задумаетесь послужить на благо своей родинѣ и обратить вниманіе вашего супруга на опасность, грозящую міру изъ Линнея.

Леди Діана, поймите смыслъ моихъ словъ: Эрикъ Труворъ со своими друзьями владѣетъ тайной, за которую англійское правительство заключило Гергарта Бурсфельда въ Тоуэръ.

Еще есть время! Неожиданное нападеніе, хорошо организованное и быстро проведенное... Если ваше правительство приметъ рѣшеніе, оно сумѣетъ и привести его въ исполненіе.

Глоссинъ увидѣлъ ея колебаніе.

— Развѣ Діана Рачинская забыла, какъ съ ней поступили?

Глаза Діаны Мейтландъ вспыхнули. Услышать изъ чужихъ устъ такія слова...

Докторъ Глоссинъ продолжалъ:

— Я сказалъ вамъ при нашей первой бесѣдѣ, что вы протянете мнѣ руку для союза со мной. Этотъ день насталъ. Мы должны заключить союзъ противъ врага обѣихъ странъ, который является и вашимъ личнымъ врагомъ, который нанесъ вамъ тягчайшее оскорбленіе, какое мужчина можетъ нанести женщинѣ.

Докторъ Глоссинъ протянулъ руку. Послѣ нѣсколькихъ мгновеній колебанія леди Діана вложила въ нее свою.

— Пусть будетъ такъ, господинъ докторъ! Моя совѣсть остается чиста. Если Эрикъ Труворъ не лелѣетъ враждебныхъ Англій плановъ, онъ выйдетъ изъ этого испытанія невредимъ. Иначе... я дѣлаю лишь то, что сдѣлала бы по отношенію ко всякому врагу своей родины.

Леди Діана встала. Ея возбужденіе уступило мѣсто слабости. Она чувствовала потребность уйти отъ Глоссина, остаться одной, отдохнуть. Докторъ проводилъ ее до ка-литки, потомъ вернулся на террасу.

Лордъ Горацій Мейтландъ былъ доволенъ результатами своей Лондонской поѣздки. Его сообщенія явно произвели впечатлѣніе на кабинетъ. Въ Лондонѣ замѣчали, что грозная туча, вотъ уже двѣ недѣли висящая на политическомъ горизонтѣ, понемногу разсѣивается. Двѣ недѣли съ часу на часъ ждали объявленія войны, а теперь опасность уменьшалась день ото дня. Объясненія этому не могли найти.

Таково было положеніе вещей, когда лордъ Горацій выступилъ съ соображеніями, высказанными ему докторомъ Глоссинымъ.

Онъ понялъ, какъ вліятеленъ его американскій гость. Его решеніе и впредь сохранять съ нимъ хорошія отношенія, было неизмѣнно. Въ такомъ настроеніи его встрѣтила леди Діана со своими сообщеніями.

Лордъ Горацій инстинктивно почувствовалъ, что Штаты могутъ самостоятельно устранить опасность... Но у Англій были старые счеты съ этими людьми. Лордъ Горацій тоже просматривалъ когда-то бумаги Бурсфельдовскаго процесса. Если сынъ челоуѣка, нѣкогда покончившаго самоубійствомъ въ Тоуэрѣ, тоже находился въ Линнеѣ, то сила новаго изобрѣтенія должна была прежде всего обратиться противъ Англій. Значить въ интересахъ Англій было обезвредить этого противника... Уничтожить его... А самое открытіе использовать для себя.

Объ этой послѣдней возможности докторъ Глоссинъ, навѣрное, не думалъ. Лордъ Горацій учелъ ее. Один челоуѣкъ мог умереть, прежде чѣмъ у него удастся вырвать тайну. Три сообщника... если разлучить ихъ, упрятать за

крѣпкія стѣны Тоуэра, было бы удивительно, если бы не удалось овладѣть тайной.

Докторъ Глоссинъ хорошо рассчиталъ ударъ, выбравъ орудіемъ леди Діану. У него было долгое собесѣдованіе съ лордомъ Гораціемъ. Ему удалось сдѣлать то, что онъ самъ считалъ едва возможнымъ — отуманить умнаго и дальновиднаго англичанина.

Солнечный дискъ коснулся голубыхъ водъ Тиренскаго моря и залилъ его лазурное зеркало краснымъ и желтымъ потокомъ. На Неаполитанскомъ Корсо шумѣла пестрая толпа мѣстныхъ жителей и пріѣзжихъ.

Долго сидѣли они тамъ безмолвно, взявшись за руки, пока прохладный вѣтеръ не заставилъ ихъ прервать молчаніе.

— Не вернуться ли намъ, Яна? Отъ моря тянетъ свѣжестью.

— Нѣтъ, Сильвестръ, останемся еще.

— Это нашъ послѣдній вечеръ въ Италиі. Ты не знаешь, съ какимъ страхомъ я думаю о приближающемся времени, когда ты оставишь меня одну.

— Яна... Я оставлю тебя только на короткое время, на нѣсколько дней, самое большее — недѣль. Потомъ я вернусь и мы навсегда будемъ вмѣстѣ. Жизнь принесетъ намъ еще много прекрасныхъ дней.

— Еще лучшихъ? Развѣ можетъ быть что нибудь лучше того, что мы испытываемъ теперь? Прошедшія недѣли кажутся мнѣ сномъ... Свадьба въ Линнеѣ... Нашъ отъѣздъ... Полетъ надъ вершинами Альпъ... Потомъ солнечныя поля Италиі, Средиземное море. Нилъ, пирамиды... Римъ... Онъ мнѣ меньше понравился. Ты все время говорилъ объ исторіи города. Но я.. подумай только, я съ дѣтства всегда жила въ Трентонѣ. Римъ былъ слишкомъ великъ для меня...

Она тѣснѣе прижалась къ нему.

— Но больше всего я буду радоваться, если мы послѣ этой поѣздки спокойно поселимся у себя дома, если мнѣ не придется бояться... Ахъ, Сильвестръ, зачѣмъ мы должны снова разлучиться, зачѣмъ ты еще разъ покинешь меня... Не оставляй меня одну! Возьми меня съ собой въ Линней. Я не буду вамъ мѣшать. Я не попадусь на глаза ни тебѣ, ни твоимъ друзьямъ, пока вы будете заняты вашимъ изобрѣтеніемъ. Позволь мнѣ только остаться съ тобою!

— Нѣтъ, Яна, это невозможно. Но вѣдь это только на нѣсколько недѣль. Потомъ, послѣ окончанія работы, я буду свободенъ, и мы будемъ жить какъ и гдѣ захотимъ. Мы устроимъ свой домъ, по которомъ я тоскую не меньше тебя, гдѣ намъ будетъ лучше всего на свѣтѣ.

Послѣ долгаго молчанія, Яна снова заговорила.

— Я знаю, Сильвестръ, что и ты неохотно уѣзжаешь. Насъ разлучаетъ Эрикъ Труворъ... Да, Эрикъ Труворъ...

Горькій упрекъ звучалъ въ этихъ словахъ.

— Яна! Ты не знаешь Эрика Трувора и поэтому не можешь его понять. Наша работа... его работа значительнѣе человѣческой любви и человѣческаго горя. Онъ занятъ судьбой всего человѣчества; неужели же его остановить судьба двухъ людей... Нѣтъ, Яна, не упрекай Эрика Трувора...

Одно мгновеніе Яна сидѣла молча, погружившись въ свои мысли. Потомъ она обвила его руками.

— Если бы ты зналъ, Сильвестръ, что меня беспокоитъ, — то сильнѣе, то слабѣе... Днемъ и ночью, когда я лежу въ твоихъ объятіяхъ.

— Яна... милая Яна! Что тебя мучаетъ?

— Если бы я могла это сказать, если бы я знала, что это... я бы сказала тебѣ... Какая то черная туча... Когда я смотрю въ наше радужное будущее, оно мрачно встаетъ передъ моими глазами... Это какое-то предчувствіе... страхъ. Я не знаю, что это, но всѣ радостныя картины исчезаютъ, я закрываю глаза, плачу...

— Яна... бѣдная, милая дѣтка! Послѣдніе мѣсяцы были слишкомъ бурны для тебя. Мое исчезновеніе, смерть твоей матери, поступокъ Глоссина. Гони эти мрачныя пред-

чувствія, думай обо мнѣ... Думай о томъ счастья, какое ждетъ насъ въ будущемъ.

Оставляя ей маленькій телефонный пріемникъ, онъ на послѣдокъ утѣшалъ ее:

— Дорогая, если намъ придется разстаться, я все время буду съ тобой... Я сумѣю ежеминутно видѣть твое изображеніе, знать, что ты дѣлаешь. А тебѣ этотъ аппаратъ дастъ возможность по крайней мѣрѣ слышать мой голосъ. Я не пропущу ни одного дня, чтобы не повидать тебя, не поговорить съ тобой.

Сильвестръ детально познакомилъ ее съ тѣмъ, какъ обращаться съ аппаратомъ. Нужно было нажать кнопку, тогда зажигались электрическія лампы. Если приложить трубку къ уху, отчетливо было слышно каждое слово, произнесенное въ Линнеѣ.

Сильвестръ уѣхалъ. Яна осталась одна въ домѣ Термэленовъ подъ присмотромъ стариковъ. Фрау Луиза смотрѣла за ней, какъ за дочерью, но все же она оставалась грустной и одинокой.

Андреасъ Термэленъ и фрау Луиза многозначительно улыбались, когда Яна, въ четвертомъ часу дня начинала нервничать. Она заботилась о томъ, чтобы часы шли съ секундной точностью. Безъ одной минуты четыре ежедневно вспыхивали электрическія лампы, а въ четыре первыя слова Сильвестра достигали ея слуха. Это были слова тоски, увѣренія въ неизмѣнной любви, утѣшенія, что прошелъ еще день разлуки. Онъ сообщалъ ей, что работа идетъ хорошо, что она близится къ окончанію.

Яна могла только слышать, но не отвѣчать ему. Ей приходилось довольствоваться тѣмъ, что она слышитъ слова мужа, Сильвестръ же могъ только видѣть ея изображеніе. Онъ видѣлъ, какъ дѣйствуютъ его слова на ея мимику, какъ слова любви, вызывали радостное сіяніе на ея нѣжномъ лицѣ, но не слышалъ ничего изъ сказаннаго ею.

Этотъ ежедневный разговоръ остался бы такъ сказать, одностороннимъ, если бы любовь не избрѣла новыхъ средствъ.

Матовая пластинка передъ Сильвестромъ давала изображеніе Яны во весь ростъ. Онъ могъ наблюдать каждое движеніе ея губъ и скоро научился угадывать слова по этимъ движеніямъ.

Теперь, на исходѣ второй недѣли разлуки, они научились такъ бесѣдовать, словно сидѣли рядомъ, а не были отдѣлены другъ отъ друга пятьюстами миль. Ежедневныя бесѣды поддерживали въ Янѣ мужество до слѣдующаго дня. Онѣ же были источникомъ, изъ котораго Сильвестръ черпалъ силы, чтобы снова погрузиться въ работу, закончить постройку аппаратовъ, на чемъ настаивалъ Эрикъ Труворъ.

Послѣднія іюльскія ночи въ Линнеѣ были свѣтлы, не желательно свѣтлы по мнѣнію англійскаго полковника Троттера, слишкомъ свѣтлы на взглядъ доктора Глоссина. Правда, въ полночь солнце садилось, но все же можно было различить человѣка въ открытомъ полѣ на разстояніи двухсотъ метровъ. Полный мракъ былъ бы желательнѣе небольшому отряду, который подъ командованіемъ полковника Троттера, расположился въ Линнейскомъ лѣсу.

Ихъ была двадцать отборныхъ англійскихъ солдатъ. Маленькими отрядами, по четыре и по пять человѣкъ, одѣтые въ штатское, прибыли они въ теченіе послѣднихъ трехъ дней, на правительственныхъ аэропланахъ, крейсирующихъ по линіи Эдинбургъ-Гапаранда. Какъ безобидные путешественники поднялись они вверхъ по теченію Торнеаэльфа, то занимаясь рыбной ловлей, то собирая минералы. Они были похожи на кого угодно, только не на солдатъ.

Въ назначенное время они собирались на опредѣленномъ мѣстѣ — на лѣсной опушкѣ вблизи трупповскаго дома. Тамъ они забавлялись на подобіе туристовъ-спортсменовъ; разбивали палатки, варили ѣду въ котлахъ, и располагались съ удобствомъ.

Въ одной изъ палатокъ Троттеръ бесѣдовалъ съ докторомъ Глоссинымъ, защищая съ чисто англійскимъ упрямствомъ свою точку зрѣнія.

— Мне данъ приказъ арестовать и живыми доставить въ Лондонъ трехъ обитателей этого дома, извѣстныхъ подъ именами Эрика Трувора, Сильвестра Бурсфельда и Сомы Атмы. У англійскихъ офицеровъ есть обычай точно исполнять служебныя приказанія. Вы, какъ статскій, можете иначе смотрѣть на дѣло. Я и мои люди остаемся при своемъ...

— Вы недооцѣниваете противниковъ, съ которыми имѣете дѣло. Вашъ планъ пугаетъ меня. Вы хотите просто окружить домъ двадцатью солдатами, войти туда и арестовать ихъ?

— Именно такъ, господинъ докторъ. Это способъ, которымъ мы всегда выполняемъ подобныя приказанія. Если мои люди окружаютъ домъ, изъ него и мышь не ускользнетъ. Конечно, мнѣ было бы жаль, если бы они захотѣли бѣжать; въ этомъ случаѣ мои люди получаютъ приказъ стрѣлять.

Какъ пойманный хищникъ, бѣгалъ докторъ Глоссинъ по тѣсной палаткѣ.

— Вы не имѣете понятія, съ кѣмъ придется столкнуться. Вы должны были явиться сюда съ аэропланомъ и установить на крышѣ самую сильную торпеду вашей арміи. Черезъ мгновеніе послѣ вашего прибытія, весь домъ долженъ былъ быть минированъ. Тогда существовала бы нѣкоторая надежда, что заговорщики обезврежены.

Полковникъ Троттеръ сострадательно улыбнулся.

— Вы, кажется, серьезно боитесь обитателей этого дома, господинъ докторъ, какъ статскій вы не обязаны обнаруживать особенную храбрость. Но вы предоставите мнѣ по моему закончить это дѣло.

Полковникъ поглядѣлъ на часы.

— Почти одиннадцать! Въ этой проклятой странѣ не темнѣетъ. Сержанту, хорошо говорящему по шведски, поручено проникнуть въ домъ, чтобы ознакомиться съ нимъ и его обитателями.

— Еще и это! — вырвалось съ недовольствіемъ у доктора Глоссина.

— Вы имѣете что-либо возразить противъ этого мѣро-

пріятія, господинъ докторъ? У военныхъ всего міра принято передъ наступленіемъ выяснитъ положеніе.

— Пусть судьба сжалится надъ вами и вашими людьми. Вы въ положеніи человѣка, который идетъ на тигра, вооруженный стекомъ.

Въ палатку вошелъ человѣкъ. Несмотря на статскую одежду, въ немъ нельзя было не угадать солдата. Это былъ сержантъ Макферсонъ, возвратившійся съ развѣдки, шотландецъ съ густыми бровями, большими сѣро-голубыми глазами и сѣдѣющей бородой. Коротко и сжато сдѣлалъ онъ свой докладъ. Сначала онъ осторожно обошелъ домъ снаружи и замѣтилъ, что два человѣка работаютъ надъ какой-то машиной.

О третьемъ онъ ничего не могъ узнать. Тогда онъ рѣшился войти въ домъ. Калитка была открыта. Безпрепятственно прошелъ онъ черезъ садъ въ домъ. Лѣстница вела на веранду.

Веранда была пуста, по крайней мѣрѣ такъ казалось въ первую минуту. Когда онъ хотѣлъ проникнуть въ домъ, онъ внезапно услышалъ голосъ. Въ углу веранды, на низкомъ диванѣ, сидѣлъ смуглый человѣкъ. Прежде, чѣмъ онъ могъ задать вопросъ по шведски, индусъ обратился къ нему по англійски. Онъ сказалъ нѣсколько словъ. Онъ не могъ найти въ нихъ смысла, сколько ни думалъ на обратномъ пути.

Полковникъ хотѣлъ знать, что это были за слова.

— Человѣкъ сказалъ мнѣ: Что ты ищешь, не здѣсь; то что здѣсь есть, ты не ищешь.

— Индусскіе фокусы! Чепуха!

Полковникъ яростно процѣдилъ эти слова сквозь зубы; потомъ продолжалъ разспросы.

— Если я правильно понялъ васъ, Макферсонъ, эти три человѣка находятся въ домѣ и не собираются его покидать?

— Такъ точно, господинъ полковникъ.

По знаку полковника шотландецъ вышелъ изъ палатки.

— Я думаю, докторъ, что мы черезъ часъ заполучимъ молодчиковъ.

Докторъ Глоссинъ не обратилъ на него вниманія. Сложивъ руки на правомъ колѣнѣ, онъ механически повторялъ слова Атмы: «Что ты ищешь, не здѣсь; то, что здѣсь, ты не ищешь».

Полковникъ потерялъ терпѣніе.

— Мы начинаемъ, господинъ докторъ. Буду ли я имѣть честь видѣть васъ рядомъ съ собою?

— Я предполагаю слѣдить за событіями издали.

— Черезъ пять минутъ вы останетесь одни.

— Ничего не имѣю противъ. Одиночество не опасно.

— Какъ угодно, господинъ докторъ!

Полковникъ вышелъ на поляну и палатки исчезли словно по волшебству. Кухонную посуду запаковали, спрессовали по мѣшкамъ. Прошло дѣйствительно не больше пяти минутъ, и докторъ Глоссинъ остался одинъ на опушкѣ. Колонна изъ двадцати одного человѣка осторожно и безшумно пробиралась густымъ лѣсомъ къ трупворовскому дому.

Докторъ Глоссинъ спокойно выждалъ еще пять минутъ, потомъ вынулъ маленькій свистокъ и рѣзко, съ паузами, засвисталъ.

Кусты раздвинулись, показался человѣкъ, который подошелъ къ доктору.

— Честь имѣю представиться: сержантъ Парсонсъ.

— Хорошо, Парсонсъ. Вы видѣли, какъ эти двадцать болвановъ ушли отсюда?

— Я видѣлъ, какъ они спустились въ долину, господинъ докторъ.

— У васъ есть съ собою сорокъ человѣкъ?

— Такъ точно, господинъ докторъ! Сорокъ отборныхъ молодцовъ.

— Они хорошо вооружены?

— Да.

— Тѣ тоже. Всего, значить, 4000 патроновъ.

— Такъ точно, сэръ.

— Незамѣтно послѣдуйте со своими людьми за англичанами. Вы знаете свои обязанности?

По той же тропинкѣ, по которой четверть часа назадъ спускались англичане, за ними послѣдовали теперь американцы. Докторъ Глоссинъ остался на опушкѣ.

Полковникъ Троттеръ со своими людьми въ полчаса достигъ труворовскаго дома, который ясно выдѣлялся передъ ними при слабомъ ночномъ свѣтѣ. Онъ разставилъ своихъ людей широкимъ кругомъ. Медленно подступила цѣпь почти къ красновато-коричневому деревянному забору вышиной въ ростъ человѣка. Троттеръ перескочилъ черезъ заборъ, чтобы первымъ очутиться въ саду.

Щелкнулъ выстрѣлъ. Онъ раздался изъ маленькой бойницы, какія находились по обѣ стороны входной двери. Пуля просвистѣла на волосокъ отъ шеи полковника и сорвала кусочекъ матеріи съ его плеча.

Онъ невредимымъ пробрался въ садъ, за нимъ послѣдовали его люди. Но это вторженіе сдѣлалось сигналомъ для стрѣльбы, открывшейся изъ всѣхъ оконъ и отверстій дома. Труворовскій домъ былъ хорошо снабженъ военнымъ снаряженіемъ. Четыремъ тысячамъ патроновъ, которыми располагали нападающіе, онъ могъ противопоставить трижды превосходящее ихъ число. Огненными снопами вырывались выстрѣлы изъ оконъ и шарили по саду. Отъ времени до времени вскрикъ показывалъ, что кто-нибудь изъ англичанъ раненъ.

Были раненые и даже мертвые. Нападающимъ удалось, метръ за метромъ, подобраться къ дому лишь благодаря тому, что они, бросившись на земь, пользовались, въ качествѣ прикрытія, каждымъ кустикомъ и примѣняли всѣ уловки колониальной войны.

Его люди стрѣляли беспорядочно, тщательно цѣлясь въ тѣ мѣста, изъ которыхъ исходили выстрѣлы защищавшихся. Иногда это имѣло успѣхъ. Несмотря на свое крайне неуютное положеніе, Троттеръ констатировалъ, какъ отъ времени до времени, послѣ удачнаго выстрѣла нападающихъ, смолкала стрѣльба въ домѣ.

Несмотря на это, совѣтъ американца сбросить торпеду на проклятое гнѣздо казался ему довольно благоразумнымъ.

Въ двухстахъ метрахъ на холмѣ, стоялъ докторъ Глосинъ, созерцая въ сильную подозрную трубу происходящую битву. Онъ теперь не далъ бы ни цента за англичанъ. Если осажденные будутъ ловко стрѣлять, они сотрутъ своихъ

противниковъ въ порошокъ, несмотря на всѣ ихъ уловки и прикрытія. Тѣмъ сильнѣе было удивленіе доктора, что половина англичанъ еще находилась въ живыхъ, и что они медленно, но неудержимо, заставляли смолкать стрѣльбу защищавшихся. Однако изъ оконъ совсѣмъ замолкло. Последній англискій выстрѣлъ вызвалъ тамъ сильный взрывъ. Вѣроятно, значительное количество взрывчатыхъ веществъ взлетѣло въ воздухъ.

Наступающіе подождали еще нѣсколько минутъ, а потомъ штурмомъ кинулись на стѣну, намѣтивъ себѣ цѣлью узенькую дверь. Удары топора посыпались на дерево. Замокъ и петли поддались со скрипомъ. Наступающіе хотѣли проникнуть внутрь черезъ упавшую дверь, но это имъ не удалось.

Докторъ Глоссинъ, въ качествѣ спокойнаго наблюдателя, слѣдившій за ходомъ вещей, понялъ, въ чемъ дѣло: съ дверью былъ соединенъ контакторъ, вызвавшій внутри дома страшный взрывъ, какъ только дверь слетѣла съ петель.

Неясный гулъ взрыва прокатился далеко надъ горами по обѣимъ сторонамъ Торнео и заглушилъ шумъ рѣки.

Наступающіе, только что увѣренные, что домъ въ ихъ рукахъ, отступили назадъ.

Внутри разгорѣлся пожаръ. То здѣсь, то тамъ, краснымъ пламенемъ вспыхивало окно.

А затѣмъ... докторъ Глоссинъ безъ сомнѣнія выбралъ болѣе выгодное мѣсто, чѣмъ Троттеръ, который только теперь отважился выйти изъ своего куста... Докторъ Глоссинъ увидѣлъ, что крыша дома приподнялась и разверзлась, словно кратеръ вулкана. Чудовищный столбъ пламени поднялся кверху, захвативъ тысячи кусковъ теса. Горящее дерево взлетало высоко къ блѣдному небу, затѣмъ медленно падало на землю. Домъ представлялъ собою сплошное бушующее море огня. Въ его погребяхъ должно было находиться огромное количество воспламеняющихся маселъ. Загорѣвшись отъ взрыва, они образовывали теперь тяжелыя тучи густого чернаго дыма. Верхъ дома былъ почти весь уничтоженъ. Пламя бушевало дальше, находя обильную пищу. Древнія циклопическія стѣны, построен-

ныя столѣтія назадъ, раскалились до красна.

Докторъ Глоссинъ наблюдалъ это зрѣлище и его дикая красота на короткое время заслонила всякія мысли и заботы.

Жаръ проникалъ наружу. На широкихъ темныхъ стѣнахъ внезапно появились розовыя пятна. Они выростали, свѣтлѣли, сливались, пока толстая стѣна вся не запылала, потомъ началъ таять цементъ, скрѣплявшій эти стѣны. Жидкими, до бѣла раскаленными струями стекалъ онъ изъ сотни мѣстъ.

Потомъ рухнули послѣдніе остатки труворовскаго дома. Правая сторона стѣны представляла собою груды раскаленныхъ камней.

Горящая могила, похоронившая тысячелѣтнюю исторію героическаго рода... и послѣдняго его представителя.

Англичане должны были далеко отступить передъ невыносимой жарой. Уже давно пребываніе внутри садовой ограды стало невыносимо. Деревянный заборъ пылалъ уже въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Лишь внизу, у рѣки, остановились они, охлаждая горящія лица, опаленныя руки въ прохладныхъ водахъ Эльфа. Они замѣтили, что одежда клочьями виситъ на телѣ.

Уничтоженный и разстроенный оглядывалъ Троттеръ кучку оставшихся въ живыхъ. За его спиной раздался голосъ:

— Господинъ полковникъ, вы не взяли ихъ даже мертвыми.

Голосъ принадлежалъ доктору Глоссину.

Полковникъ провелъ рукой, по своей полуобгорѣлой бородѣ.

— Они мертвы! И мышъ не выбѣжала оттуда. Они изжарились въ своихъ норахъ. Если вамъ доставляетъ удовольствіе, поищите среди обломковъ. Но не обожгите пальцевъ. Я знаю, что долженъ сообщить своему правительству.

Среди пассажировъ аэроплана Стокгольмъ-Кельнъ, находился докторъ Глоссинъ. Въ то время, какъ его отрядъ послѣ приключенія въ Линнеѣ на собственномъ аэропланѣ вернулся въ Штаты, онъ отправился въ Германію.

Докторъ удобно устроился въ углу возлѣ окна и подводилъ итоги случившемуся.

Дѣла сложились не плохо. Эрикъ Труворъ и его пріятели погибли. Это было напечатано чернымъ по бѣлому. Гапарандскій листокъ въ утреннемъ выпускѣ кратко сообщалъ о несчастіи въ Линнеѣ. Загадочный взрывъ и пожаръ, стоившіе жизни нѣсколькимъ обывателямъ. Онъ купилъ нѣсколько экземпляровъ газеты, прежде чѣмъ отправиться въ путь.

Докторъ Глоссинъ могъ быть доволенъ. Щекотливое порученіе президента-диктатора было выполнено. Три человекъ, которыхъ онъ дѣйствительно опасался, были мертвы. Все произошло, какъ онъ и рассчитывалъ. Англичане выполнили за него опасную работу. Его мало трогало, что они малость обожглись при этомъ. Представляя себѣ самоувѣреннаго Троттера, въ концѣ концовъ, вынужденнаго охлаждать свои ожоги въ Торнео, онъ испытывалъ извѣстное удовольствіе.

Эрикъ Труворъ, человекъ, едва не пріобрѣвшій власти, которая угрожала государствамъ, былъ мертвъ. Ужасный индусъ, этотъ черный дьяволъ, загипнотизировавшій его самого, сгорѣлъ. И, наконецъ, умеръ Сильвестръ Бурсфельдъ, мести котораго онъ долженъ былъ опасаться... Сильвестръ, похитившій у него Яну.

Отношеніе доктора къ дѣвушкѣ все болѣе усложнялось. Она нужна была ему, какъ незамѣнимый медиумъ, при помощи котораго онъ могъ видѣть событія, не считаясь съ временемъ и пространствомъ, во время узнавать о планахъ и дѣйствіяхъ своихъ противниковъ. Этого то ему не доставало за послѣднія недѣли, и онъ приписывалъ этому всѣ свои неудачи. Яна снова должна была находиться въ его рукахъ. Она его медиумъ, его талисманъ, его любовь!

Съ силой отчаянія цѣплялась одинокая душа старѣющаго Глоссина за мысль назвать Яну всецѣло своей. Онъ

безсознательно чувствовалъ, что эта любовь очищаетъ его. Ему грезилась новая жизнь въ Рейнольдс-Фармъ рядомъ съ Яной. Теперь онъ направлялся въ Дюссельдорфъ, чтобы снова завоевать ее.

Глоссинъ зналъ, что Яна находится въ Дюссельдорфѣ, въ домѣ Термэленовъ. Раскрыть ея мѣстопробываніе было просто; гораздо труднѣе должно быть вступить съ ней въ сношенія.

Затрудненія привлекали его. Онъ снялъ свою гипнотическую власть надъ Яной. Если ему удастся приблизиться къ ней, пустить въ ходъ свое вліяніе, то ему должно удался снова всецѣло покорить ее, заставить ее забыть обо всѣхъ нежелательныхъ ему воспоминаніяхъ. Нужно было только удачно провести первое наступленіе. Первая минута являлась рѣшающей.

Такъ онъ сидѣлъ неподвижно, пока аэропланъ не прибылъ въ Кельнъ. Полчаса спустя онъ шагаль по улицамъ Дюссельдорфа къ дому Термэленовъ.

Его планъ былъ простъ. Яна, вѣдь, должна когда-нибудь выйти изъ дому. Нужно подстеречь ее на улицѣ, пустить въ ходъ гипнозъ, покорить ее себѣ. Это было такъ просто, что не могло не удался. Если же нѣтъ... было, правда, нѣкоторое «если», но докторъ Глоссинъ не считалъ его возможнымъ.

Онъ плелся по улицѣ, и случай благопріятствовалъ ему.

Яна вышла изъ дому и пошла по направленію къ Раттингенскимъ воротамъ. Докторъ Глоссинъ жаднымъ взглядомъ окинулъ ея фигуру. Она немного измѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ онъ видѣлъ ее въ послѣдній разъ.

Она шла по улицѣ, изрѣдка останавливаясь у витринъ и разсматривая выставленные въ нихъ вещи.

Въ то время какъ Яна разсматривала драгоценности въ витринѣ ювелира, онъ близко подошелъ къ ней, сталъ за ее спиной и призвалъ на помощь всю свою энергію.

Яна какъ будто почувствовала что-то неприятное, похожее на физическое прикосновеніе. Она обернулась и свободно посмотрѣла ему въ глаза.

Докторъ Глоссинъ испугался. Это уже не была та дѣвочка, которую онъ покорялъ взглядомъ въ Трентонѣ и въ

Рейнольдс-Фармъ. Онъ рѣшилъ что игра проиграна, ожидалъ потока упрековъ, подумывалъ о быстромъ отступленіи.

Ничего подобнаго не случилось.

Яна спокойно привѣтствовала его, какъ стараго знакомаго. Она пригласила его домой и тамъ провела в гостиную. Здѣсь она стала освѣдомляться обо всѣхъ трентонскихъ знакомыхъ.

Докторъ Глоссинъ обстоятельно отвѣчалъ на ея вопросы, стараясь найти объясненіе ея страннаго поведенія. Осторожно произнесъ онъ слово Элькингтонъ. Яна не реагировала на это. Докторъ выразился яснѣе. Онъ заговорилъ объ Элькингтонѣ, гдѣ въ послѣдній разъ видѣлъ ее. Яна изумленно посмотрѣла на него.

— Элькингтонъ?.. Элькингтонъ?.. Я никогда не была въ Элькингтонѣ. Насколько я помню, мы съ вами въ послѣдній разъ видѣлись въ Трентонѣ не похоронахъ моей матери.

— Но, милая миссъ Яна, развѣ вы не можете вспомнить и о Рейнольдс-Фармъ...

Яна отрицательно покачала головой и разсмѣялась прямо въ лицо доктору; онъ не могъ больше совладать со своимъ любопытствомъ.

— Смѣю ли я спросить, миссъ Яна, что возбуждаетъ вашу веселость?

— Меня забавляетъ, господинъ докторъ, что вы все еще называете меня миссъ. Я думала, мой мужъ давно сообщилъ вамъ о нашемъ бракѣ.

Видъ у доктора Глоссина былъ въ достаточной мѣрѣ глупый. Удивленіе было слишкомъ велико, новость слишкомъ неожиданна.

Яна увидѣла это и расхохоталась.

— Вы, значитъ не знаете, что я замужемъ? Не знаете, конечно, и того, кто мой мужъ?

— Не имѣю понятія, мистриссъ... мистриссъ...

— Мистриссъ Бурсфельдъ, дабы вы знали мою фамилію, господинъ докторъ.

— Я почти такъ и думалъ.

Докторъ Глоссинъ неслышно пробормоталъ эти слова. Пусть Яна вышла замужъ, сегодня она — вдова. Это ему

не помѣха. Но онъ долженъ ясно видѣть, что въ ней измѣнилось.

Но должно было произойти и что-то другое. Говоря съ Яной, докторъ Глоссинъ пытался примѣнить свои прежніе приемы. Онъ изливалъ на нее цѣлые потоки магнетической силы, взявъ ея руки во время разговора. Онъ старался снова подчинить ее своей волѣ. Нѣкоторое время она предоставила ему дѣйствовать. Потомъ она одернула руки.

— Довольно, докторъ! Вы такъ смотрите на меня... Чего вы хотите?

Съ этими словами она такъ увѣренно и свободно посмотрѣла ему въ глаза, что онъ отказался отъ своихъ попытокъ.

Докторъ Глоссинъ откинулся на стулѣ и досталъ изъ кармана сложенный газетный листокъ.

— Прошу извиненія, мистриссъ Бурсфельдъ, если мой взглядъ дольше обычного остановился на васъ, если мои руки дольше обычного держали вашу. Изумительная новость о вашемъ бракѣ поставила меня въ своеобразное положеніе; извѣстіе, которое прежде вызвало бы лишь сожалѣніе, превращается въ траурное.

Яна смотрѣла на него широко раскрытыми глазами. Удивленіе и страхъ отразились на ея лицѣ.

— Дурныя вѣсти изъ Линнея, — проговорилъ докторъ Глоссинъ, протягивая Янѣ гапарандскій листокъ съ извѣстіемъ о гибели стараго труворовокаго дома.

Яна кинула на него взглядъ.

— Господинъ докторъ, я не понимаю шведскаго, вы должны перевести мнѣ это.

Докторъ Глоссинъ снова взялъ листокъ и сталъ переводить слово за словомъ. Сообщеніе о пожарѣ, о взрывѣ, о гибели стараго дома, о вѣрной смерти его обитателей...

Яна блѣднѣла съ каждой минутой. При послѣднихъ словахъ она съ легкимъ крикомъ безъ чувствъ скользнула со стула на коверъ.

— Теперь или никогда!

Докторъ Глоссинъ нагнулся надъ ней, провелъ рукою по ея лбу. Всю магнетическую силу, которой онъ распола-

галъ, пытался онъ ввести въ ся тѣло, чтобы снова всецѣло покорить ее своей волѣ.

Он приказал ей встать, и Яна повиновалась. Съ полукрытыми глазами стояла она передъ нимъ.

На третье лицо эта сцена произвела бы своеобразное впечатлѣніе. Ни слова не было сказано. Докторъ Глоссинъ беззвучно отдавалъ свои приказанія. Яна беззвучно выполняла ихъ.

Направленіе ея зрачковъ не понравилось доктору. Онъ приказалъ:

— Смотрите на меня! Смотрите мнѣ прямо въ глаза.

Яна не обратила вниманія на этотъ приказъ. Ея взглядъ блуждалъ. Она повернула голову, а затѣмъ и все тѣло. Потомъ полуобернулась къ доктору спиной. Если бы докторъ Глоссинъ ориентировался въ комнатѣ, онъ бы замѣтилъ, что она смотритъ прямо на сѣверъ.

Минуты проходили. Докторъ Глоссинъ напрягалъ всю свою силу, но безрезультатно.

Если окружавшее Яну гипнотическое кольцо и распалось, то въ эти минуты оно снова сомкнулась.

Яна спокойно съ веселымъ лицомъ повернулась къ доктору, возобновляя разговоръ.

— Эти газетныя свѣдѣнія запоздали. Несчастнѣйшій случай, пожаръ, вспыхнувшій въ лабораторіи Эрика Трувора... Я слышала объ этомъ. Жаль! Это опять задерживаетъ работы. Я еще нѣсколько дней должна буду провести въ разлукѣ съ мужемъ. Но вы можете быть спокойны. Онъ невредимъ и изо всѣхъ силъ работаетъ надъ своимъ открытіемъ.

Докторъ Глоссинъ испыталъ такое ощущеніе, словно все вокруг него рушится. Только что онъ былъ увѣренъ въ побѣдѣ, въ гибели своихъ трехъ враговъ, намѣревался снова подчинить себѣ Яну...

А теперь? Молодая женщина стояла переть нимъ увѣренно и свободно. Она смѣялась надъ извѣстіемъ, которое должно было сразить ее.

— Господинъ докторъ, ваши свѣдѣнія запоздали. У меня есть лучшія, болѣе свѣжія.

Этимъ замѣчаніемъ, произнесеннымъ обычнымъ разговорнымъ тономъ, она отражала всѣ его атаки, превращала въ прахъ его усилія, подвергала его опасности стать смѣшнымъ, если онъ продлитъ свой визитъ.

Докторъ Глоссинъ простился вѣжливо, наружно бѣснуясь въ душѣ.

— Не одна, такъ другая! Посмотримъ, какъ приметъ извѣстіе леди Діана.

Съ этими словами онъ покинулъ домъ.

Здѣсь расположились оба флота. Передъ Брокенъ-бэй на рейдѣ Портъ Джексона стояли шесть большихъ австралийскихъ крейсеровъ: — «Тасманія», «Викторія», «Каледонія» и пр. Съ миноносками ихъ было пятнадцать судовъ. Приблизительно въ шестнадцать километрахъ къ сѣверу стала на якорь англійская эскадра. Она вдвое превышала численностью австралійскій флотъ.

Лишь командующій эскадрой Блейнъ и члены лондонскаго адмиралтейства знали, почему столь сильная англійская эскадра внезапно появилась вблизи Сиднея. Можетъ быть, это было сдѣлано съ цѣлью придать особый вѣсъ увѣреніямъ англійскаго полномочнаго посла Макнейля, а можетъ быть это дѣйствительно являлось случаемъ.

Какъ бы тамъ ни было, команда австралійскихъ судовъ, отъ адмирала Моррисона, до послѣдняго мичмана, была недовольна этимъ присутствіемъ. Для адмирала Моррисона приказъ его правительства не только вѣжливо, но и сердечно отнестись къ англійскому флоту, былъ ненарушимъ, но онъ былъ одинъ противъ тридцати-тысячной команды флота.

Капитанъ, Джорджъ Шэффлеботамъ, командиръ «Тасманіи», сидѣлъ одинъ въ своей каютѣ и за прѣснымъ обѣдомъ. Въ его комнату вошелъ вѣстовой и положилъ на столъ радіотелеграмму.

Капитанъ Шэффлеботамъ прочиталъ ее, не переставая жевать. Проглотивъ кусокъ, онъ ударилъ кулакомъ по столу.

Съ телеграммой въ рукѣ оставилъ онъ каюту и прошелъ на декъ, гдѣ люди кончали обѣдъ, и мигнулъ первому попавшемуся.

— Ты грамотенъ?

— Есть, господинъ капитанъ!

— Прочти-ка громко, чтобы всѣ услышали.

Джимми Браунъ пробѣжалъ телеграмму и схватилъ ее содержаніе. Ставь въ позу, онъ проревѣлъ:

— Вниманіе!.. Тихо!

Когда Джимми Браунъ кончилъ чтеніе, невѣроятный восторгъ охватилъ присутствующихъ. Капитанъ Шэффлеботамъ торжественно наблюдалъ за дѣйствіемъ чтенія. Потомъ онъ отозвалъ Джимми Брауна въ сторону, взялъ у него телеграмму и заговорилъ съ нимъ.

Джимми Браунъ слушалъ, сначала спокойно, потомъ вытаращивъ глаза, словно не понимая, чего хочетъ капитанъ. Потомъ онъ началъ смекать, въ чемъ дѣло, едва скрывая свое удовольствіе. Капитанъ вернулся въ каюту. Медленно спустился англійскій флагъ, развѣвавшійся на верхушкѣ мачты. Нѣкоторое время послѣ этого Джимми Браунъ возился, что-то мастерилъ и связывалъ, подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ товарищей.

Потомъ флагъ снова пришелъ въ движеніе, поднялся; но это былъ своеобразный, никому изъ моряковъ не знакомый флагъ. Большая тряпка величественно взвилась кверху, а внизу подъ ней далеко оказался англійскій флагъ.

Это было грубое безчинство. Такія тряпки подымались на мачтѣ, когда команда была не довольна пищей или чѣмъ-нибудь другимъ. Трудно сказать, какъ пришла капитану Шэффлеботаму мысль воскресить этотъ старый обычай и использовать его для публичнаго поруганія британскаго флага. Достаточно того, что это случилось и встрѣтило откликъ на другихъ корабляхъ.

Напрасно адмиралъ Моррисонъ со своего корабля «Мельбурнъ» посылалъ, одну за другой, настойчивыя телеграммы, грозя предать капитановъ военному суду. Они утвержда-

ли, что невозможно снять эти странные флаги противъ желанія всей команды. Одинъ капитанъ Шэффлеботамъ вообще ничего не отвѣтилъ: лежа въ своей каютѣ на диванѣ, онъ спалъ сномъ праведника.

Этотъ странный парадъ флаговъ былъ замѣченъ изъ многихъ мѣстъ. Замѣтилъ его и командующій англійской эскадрой Блейнъ. На разстояніи шестнадцати километровъ онъ даже и въ сильную подзорную трубу видѣлъ только, что темный одноцвѣтный флагъ покрываетъ британскій. Поэтому онъ отправилъ аэропланъ на развѣдку. Раздраженный извѣстіемъ, что старыя порванные тряпки висятъ надъ англійскими флагами, онъ по телефону вызвалъ адмирала Моррисона.

Разговоръ со стороны англичанина отличался замѣчательной краткостью и глубиной. Адмиралъ Моррисонъ заявилъ, что его флотъ находится въ состояніи почти открытаго бунта, что его собственный корабль не продѣлалъ этой глупости, что онъ старается привести все въ порядокъ. Отвѣтъ Блейна былъ кратокъ и рѣзокъ:

— Теперь безъ четверти часъ. Если въ часъ тряпки еще будутъ висѣть, я открываю стрѣльбу.

Адмиралъ Моррисонъ призвалъ капитана и офицеровъ своего корабля. Было безъ двѣнадцати минутъ часъ, когда они вошли къ нему. Отъ нихъ онъ узналъ, что англійская эскадра подняла якоря и направляется къ сѣверу. Торопливо сообщилъ онъ имъ о своемъ собесѣдованіи съ Блейномъ. Безъ десяти часъ они уяснили себѣ положеніе. Конечно, англійскій флотъ удалялся на боевое разстояніе въ тридцать километровъ куда-то, гдѣ онъ, въ случаѣ боя, будетъ подъ прикрытіемъ, въ то время, какъ адмиралъ Блейнъ будетъ знать, гдѣ искать противника.

Безъ девяти минутъ часъ... Безъ восьми минутъ часъ...

Было совершенно невозможно заставить команду снять эти проклятыя тряпки. Уже въ теченіе часа тщетно пытались это сдѣлать. Но не надо, по крайней мѣрѣ, безславно сдаваться, позволять подстрѣлить себя тутъ же на якорѣ. Безъ шести минутъ часъ съ адмиральскаго корабля былъ данъ приказъ какъ можно быстрее поднять якорь и готовиться къ бою.

Безъ четырехъ минутъ часъ были подняты всѣ якоря. Безъ трехъ минутъ часъ, австралійскій флотъ неся на всѣхъ парахъ, держа курсъ на юго-востокъ.

Адмиралъ Моррисонъ посмотрѣлъ на часы. Безъ одной минуты часъ! Онъ взошелъ на капитанскій мостикъ со слабой надеждой, что англичане не приведутъ угрозы въ исполненіе, что ему самому удастся ввести флотъ подъ прикрытіе пушекъ Ботани-бэй.

Но англійскіе аэропланы уже взвились ввысь, и затрещали первые выстрѣлы. Сначала они не попадали въ цѣль, но все ближе къ кораблямъ падали въ воду тяжелые снаряды, подымая бѣшеные водяные валы.

Было, конечно, очень мало шансовъ попасть на разстояніи тридцати или сорока километровъ въ быстро движущійся корабль. Но для этого современная техника изобрѣла снаряды, представляющіе собою усовершенствованныя подводныя мины. Онѣ взрывались на глубинѣ сорока метровъ подъ водой, потомъ выбрасывали, волну, которая должна была положить на бокъ всякое судно на разстояніи пятисотъ метровъ. Какъ и всегда, усовершенствовалось не только нападеніе, но и защита. Военныя суда были снабжены особыми приспособленіями, оказывающими до известной степени сопротивленіе волнамъ.

Выстрѣлы англичанъ слѣдовали одинъ за другимъ. Адмиралъ Моррисонъ растянулъ свои суда на большое разстояніе, чтобы выбраться изъ этого водоворота. Австралійцы тоже стрѣляли насколько позволяли пушки, аэропланы же корректировали стрѣльбу

Все же дѣло обстояло плохо съ судами Моррисона. «Каледонія» уже легла на бокъ, случайный снарядъ превратилъ «Александра» въ кучу стальныхъ опилокъ и желтоватаго дыма. Правда, австралійскіе канониры задѣли нѣсколько судовъ противника, а одному изъ аэроплановъ удалось сбросить бомбу на палубу «Альцеста» и превратить его в развалины, но было ясно, что австралійскій флотъ сражается за честь флага... Только какого флага.

При этой мысли горькая улыбка показалась на лицѣ адмирала Моррисона. За капризь вывесить тряпку, его флотъ не на жизнь, а на смерть бился съ превосходными

силами противника, ради этого каприза онъ долженъ былъ въ противовѣсъ приказамъ своего правительства, сражаться съ флотомъ, съ которымъ ему было предписано сохранить дружескія отношенія. Но адмиралъ Моррисонъ находился подъ гнетомъ обстоятельствъ и рѣшилъ вытерпѣть до конца.

Сообщеніе одного изъ аэроплановъ привлекло его вниманіе.

«Англійскій бронированный крейсеръ «Алкіонъ» легъ на бокъ. Выстрѣловъ съ нашей стороны не было».

Послѣдовало извѣстіе съ другого аэроплана:

«Амфитритъ» идетъ ко дну. Мы не стрѣляли».

Третье сообщеніе слѣдовало непосредственно за вторымъ.

«Ніобея» гибнетъ. Вѣроятно, работаютъ подводныя лодки».

Ближайшія минуты принесли еще полдюжины подобныхъ извѣстій, пока адмиралъ Блейнъ не отказался отъ неравной битвы и не бѣжалъ на сѣверъ съ остатками своего флота.

Адмиралъ Моррисонъ собралъ остатки своей эскадры и направился къ тому мѣсту, гдѣ до сихъ поръ стоялъ англійскій флотъ. По окончаніи боя моряки были обязаны спасать оставшихся въ живыхъ.

На полпути имъ встрѣтились сто подводныхъ лодокъ. Килевой линіей тянулись надъ водой эти тяжелые бронированные крейсера, какими никогда не обладала Австралія. Они двигались быстро и подоспѣли въ одно мгновеніе.

Это могли быть враги, но ни одному человѣку во всемъ австралійскомъ флотѣ не пришла эта мысль. Всѣ они — отъ капитана до простого канонира увидѣли въ этихъ лодкахъ спасеніе отъ неминуемой гибели и шумно привѣтствовали ихъ. На одной изъ лодокъ взвился красноватый шаръ, распластался по вѣтру и оказался звѣзднымъ флагомъ Соединенныхъ Штатовъ. То были американскія подводныя лодки, вмѣшавшіяся въ дѣло подъ предводительствомъ адмирала Виллькокса. Незнакомый съ послѣдними рѣшеніями Цируса Стонарда, Виллькоксъ увидѣлъ бой австралійскаго флота съ превосходящими его по силѣ англичана-

ми. Дипломаты могли дѣлать, что угодно. Морской волкъ Виллькоксъ зналъ только, что Австралія скоро присоединится къ Америкѣ. Этого ему было достаточно.

Австралійскій флотъ вошелъ въ Сиднейскую гавань. Американскій подводный флотъ послѣдовалъ туда же по внезапному рѣшенію адмирала Виллькокса. Ни мало не заботясь о дипломатическихъ обычаяхъ, — онъ рѣшилъ, что надо ковать желѣзо, пока горячо.

Вѣсть о пораженіи и вмѣшательствѣ американцевъ по радіо опередила оба флота. Въ теченіе часа дома Сиднея дрожали подъ огнемъ выстрѣловъ. Потомъ пришло освобожденіе, американцы принесли съ собой побѣду. Ихъ встрѣчали ликованіемъ. Никто во всемъ Сиднеѣ не думалъ объ обычной работѣ. Улицы чернѣли густыми толпами, а фасады домовъ утопали во флагахъ.

Однимъ изъ немногихъ, не принимавшихъ участія въ этомъ всеобщемъ ликованіи, былъ австралійскій премьеръ мистеръ Эппльби. Государственный дѣятель, озабоченный мыслью о будущемъ, явился къ англійскому послу Макнейлю не безъ опредѣленнаго плана.

Англичанинъ принялъ его холодно и высококомѣрно; изумленіе его было такъ подчеркнуто, что его врядъ ли можно было счесть естественнымъ.

— Что вамъ угодно, господинъ премьеръ-министръ? Я думаю, намъ не о чемъ говорить послѣ этой исторіи.

Мистеръ Эппльби былъ готовъ къ подобному приему.

— Разрѣшите мнѣ быть другого мнѣнія о событіяхъ!

Англійскій адмиралъ первый открылъ враждебныя дѣйствія и произвелъ первый выстрѣлъ по нашему флоту, по нашему маленькому флоту, который въ это несчастное мгновеніе былъ охваченъ бунтомъ. Повѣрьте, что я осуждаю эти безчинства съ флагами такъ же, какъ нашъ адмиралъ Моррисонъ. Вся глупость произошла изъ-за пьяницы капитана, который сегодня же будетъ отрѣшенъ отъ должности. Но это обстоятельство не оправдываетъ грубаго поведенія вашего адмирала. Что изъ этого вышло? Именно то, о чемъ я сегодня утромъ считалъ нужнымъ предупредить васъ. Америка стала на нашу сторону.

Но несмотря на всѣ эти происшествія... въ высшей степени печальныя происшествія, и вамъ, и намъ стоившія человѣческихъ жизней и хорошихъ кораблей, я все же надѣюсь, что дѣло уладится мирнымъ путемъ.

Макнейль прислушался. Это давало дѣлу новый оборотъ. Онъ отвѣтилъ, что немедленно запросить по радіо свое правительство.

Не прошло еще и часа послѣ возвращенія домой мистера Эппльби, какъ ему пришлось принять Макнейля. Англійское правительство настаиваетъ на выясненіи событій. Его дальнѣйшіе шаги будутъ зависѣть отъ этого.

Мистеръ Эппльби облегченно вздохнулъ. Въ переводѣ съ дипломатическаго языка на обиходный, это значило, что Англія тоже не хочетъ раздувать этого дѣла. Выясненіе... оно потребуетъ по меньшей мѣрѣ двухъ недѣль. Большаго и не хотѣлъ Цирусъ Стонардъ. Прощаясь, мистеръ Эппльби сердечно потрясъ руку англичанина.

Мистеръ Макнейль на автомобилѣ отправился въ свой отель. Въ паркѣ принца Альфреда автомобиль попалъ въ поюшую, кричащую, размахивающую флагами толпу. Давка заставила шофера замедлить ходъ. Австралійскій матросъ, размахивая звѣзднымъ флагомъ, вскочилъ на ступеньку автомобиля.

— Алло, трижды ура дядѣ Саму!

Тысячеголосая толпа подхватила крикъ, громомъ прокатившійся по широкой улицѣ. Макнейль почувствовалъ, что Австралія навсегда потеряна для Англіи. Автомобиль выбрался изъ человѣческаго потока и выѣхалъ на тихую боковую улицу.

— Скорѣе, шоферъ! — коротко и рѣзко крикнулъ англичанинъ и откинулся на подушки.

Напряженное политическое положеніе заставило и четвертаго лорда англійскаго адмиралтейства на неопредѣ-

ленное время прервать свой лѣтній отдыхъ. Лордъ Горацій Мейтландъ со всей семьей переселился въ городской домъ.

Небольшой кружокъ близкихъ знакомыхъ сидѣлъ за чайнымъ столомъ, когда лордъ Горацій вернулся съ засѣданія. Въ этомъ кругу онъ могъ выражаться довольно свободно.

— Мнѣнія въ кабинетѣ раздѣлились. Нѣкоторые надеются, что войны можно будетъ избѣжать. Рѣшеніе зависитъ отъ парламента, который соберется завтра.

— Тяжелая ночь для всѣхъ, кто своей кровью долженъ защищать родину, — сказалъ одинъ изъ гостей.

Когда гости простились, леди Діана вздохнула, словно съ нея свалилась тяжесть. Лордъ Горацій видѣлъ, какъ принужденна была ея прощальная улыбка.

Напрасно ожидалъ онъ ея возвращенія.

— Миледи прошла на свою половину, — услышалъ онъ въ отвѣтъ на свой вопросъ. Такимъ образомъ невозможно было разобратъся въ причинѣ этой перемѣны. Приходилось ждать, пока жена не заговоритъ сама.

Съ лихорадочно раскраснѣвшимися щеками беспокойно шагала леди Діана по своей комнатѣ. Ея губы были раскрыты, словно ей хотѣлось пить.

Столовые часы пробили шесть.

Діана Мейтландъ остановилась и поглядѣла на циферблатъ.

— Опять прошелъ день... Извѣстій нѣтъ... Я не переживу такой ночи, какъ прошлая... За что все это?.. Ради человѣка, имя котораго я считала давно вычеркнутымъ изъ своей жизни. Ахъ!..

Она бросилась на диванъ. Одной рукой нетерпѣливо поправила подушку, другой отвела волосы съ висковъ. Ея глаза были закрыты, но длинныя рѣсницы изрѣдка вздрагивали.

— Зачѣмъ я позволяю этимъ снамъ на яву мучить себя? Развѣ не довольно беспокойныхъ ночей? Зачѣмъ этотъ страхъ?.. Что я сдѣлала, въ чемъ бы не могла сознаться передъ самой собой, передъ цѣлымъ свѣтомъ? Я труслива... Или можетъ быть больна... А могла бы быть счастливицей, какой считаетъ меня свѣтъ.

Леди Діана порывисто встала.

— Горацій наблюдаетъ за мной... Мое волненіе не укрылось отъ него... Я не обязана быть откровенной съ нимъ. Нѣтъ, нѣтъ! Неужели я должна во второй разъ каяться въ несуществующемъ грѣхѣ?

— Одинъ лежитъ на Перъ-ла-Шезъ... Другой въ Линнеѣ?..

Въ дверь постучали. Камеристка принесла на серебряномъ подносѣ большой сѣрый конвертъ съ германской почтовой маркой. Почеркъ показался ей знакомымъ, но все же она не могла угадать, отъ кого письмо.

— Положите письмо на столъ. Я послѣ прочту его,— сказала она безразличнымъ тономъ. Но едва камеристка вышла изъ комнаты, какъ она вскочила и дрожащими пальцами вскрыла конвертъ. Въ немъ лежалъ номеръ шведской газеты. Ея знакомство съ этимъ языкомъ позволило ей на половину расшифровать, на половину угадать его содержаніе. Одинъ заголовокъ, напечатанный жирнымъ шрифтомъ, былъ подчеркнутъ краснымъ карандашомъ.

Вернувшись къ дивану, она заставила себя слово за словомъ прочесть эти нѣсколько строкъ.

«Линней, 20 іюня. Необъяснимая катастрофа разразилась вчера въ находящемся по близости помѣстья Труворовъ. Въ полночь господскій домъ отъ сильнаго взрыва взлетѣлъ на воздухъ. Въ немъ обитали недавно вернувшійся изъ-за границы его владѣлецъ и двое его друзей. Можно съ увѣренностью сказать, что всѣ они погибли. О причинѣ катастрофы ходятъ слухи, которые мы, вслѣдствіе ихъ неprovѣренности, пока не хотимъ повторять».

Съ легкимъ крикомъ опустилась Діана Мейтландъ на диванъ. Слово во снѣ увидѣла она, какъ открылась дверь, впуская въ комнату лорда Горація, и снова захлопнулась.

— Ты получила неприятное извѣстіе?.

— Неприятное извѣстіе... Откуда ты взялъ это?

Лордъ Горацій указалъ на лежавшую на полу газету.

— Кто прислалъ тебѣ эту газету?

Отвѣтъ послѣдовалъ не сразу. Наконецъ, она, колеблясь, произнесла:

— Докторъ Глоссинъ.

— Докторъ Глоссинъ?!

Лордъ отступилъ на шагъ.

— Докторъ Глоссинъ?.. Пожалуйста объясни мнѣ это. Ты должна это сдѣлать. Что въ этой газетѣ?

Леди Діана колебалась. Лишь черезъ нѣкоторое время она заговорила.

— Ты не долженъ сердиться, Горацій. Это случилось внезапно... Повидимому, въ результатѣ послѣднихъ дней. Они подѣйствовали на мои нервы... Эта газета.... тебя, конечно, заинтересуетъ, каковы результаты посланной въ Линней экспедиціи. Докторъ Глоссинъ прислалъ газету съ замѣткой объ этомъ.

— Почему онъ послалъ газету на твое имя?

— Я думаю... я думаю... очень просто..: вы мужчины, теперь, вѣдь, враги.

Діана Мейтландъ пыталась шутить.

— Его патриотизмъ не позволяетъ ему имѣть съ тобой что-либо общее... Я переведу тебѣ эти нѣсколько строкъ.

Она прочитала замѣтку.

— А, прекрасно... планъ, значитъ, удался. Непонятно, почему еще нѣтъ сообщенія отъ полковника Троттера. Но ты?.. Ты не радуешься? А вѣдь сначала ты принимала такое участіе въ этомъ планѣ!

Діана откинулась назадъ. Она прижала ко лбу тонкій кружевной платокъ. Ея грудь тяжело вздымалась.

— Діана, что съ тобой?

— Ничего! Будь терпѣливъ, Горацій! Это пройдетъ. Прошу тебя, оставь меня сегодня одну.

— Довѣрься мнѣ, Діана! Освободись отъ давящей тебя тяжести. Скажи мнѣ, что тебя мучаетъ.

Лордъ Мейтландъ подошелъ къ ней и обнялъ ее.

Діана сжалась.

— Оставь меня! Оставь меня! Я больше не...

Въ этихъ словахъ одновременно звучали жалоба и требованіе. Лордъ Горацій отдернулъ руку. Съ изумленіемъ слѣдилъ онъ за мѣняющимся выраженіемъ ея лица.

— Я не стану больше молчать. Только правда можетъ мнѣ помочь! — съ силой проговорила она. — Вы-

слушай меня, какъ мужъ, какъ другъ... какъ судья.

Ты знаешь, Горацій, что мои родители были поляками. Князь Мечинскій был нашим сосѣдом. У него был единственный сын, Рауль, на три года старше меня. Уже въ дѣтств насъ считали обрученными. Семьи хотѣли этого. Мой отецъ былъ богатъ, Рауль происходилъ изъ стариннаго рода, имѣя княжескій титулъ. Знатность и богатство такъ хорошо гармонировали! Въ сущности это былъ простой коммерческій расчетъ, придуманный обѣими семьями. Ни я, ни Рауль ничего объ этомъ не знали. Мы по дѣтски любили другъ друга, ничего не зная о жизни и о любви.

Рауль сталъ офицеромъ и узналъ жизнь. Въ то время, какъ мое сердце билось попрежнему ровно, онъ сталъ страстнѣе. Нашъ бракъ долженъ былъ совершиться черезъ годъ. Но тутъ разразилась война. Ты знаешь, что послѣ короткой борьбы Польша должна была сдаться. Передъ отъѣздомъ Рауля, были сдѣланы всѣ приготовленія для быстрого бракосочетанія. Мы уже собирались, когда во дворъ ворвался вражескій кавалерійскій патруль. Собравшіеся гости бросились въ разсыпную. Рауль выстрѣломъ сбросилъ съ лошади предводителя непріятельскаго отряда и бѣжалъ.

Въ наказаніе наше имѣніе было сожжено. Отецъ умеръ вскорѣ послѣ этого, мать бѣжала на свою родину, въ Фисляндію. Я не захотѣла послѣдовать за нею и поступила сестрой милосердія въ армію.

Однажды, когда въ нашъ лазаретъ привезли новую партію раненыхъ, я узнала среди нихъ Рауля, котораго считали мертвымъ. Онъ былъ смертельно раненъ въ грудь и зналъ объ этомъ. Только сознаніе, что я возлѣ него, поддерживало въ немъ угасающую искру жизни.

Но если мое присутствіе облегчало его послѣдніе дни, оно дѣлало тяжелѣе предстоящую разлуку.

Я видѣла, какъ онъ гаснетъ отъ тоски и любви ко мнѣ. Его непрестанныя мольбы проникали вглубь моего существа. Моя любовь, говорилъ онъ, спасетъ его. Я защищалась, но онъ поблѣднѣлъ, словно отъ потери крови. Я закричала, думая, что онъ умираетъ. Онъ посмотрѣлъ на

меня взглядомъ, въ которомъ отражались всѣ его чувства — любовь, разочарованіе, отчаяніе... Онъ схватился за грудь, словно желая сорвать повязки. Тогда... у меня больше не хватило силъ сопротивляться...

День за днемъ сидѣла я у его кровати, пока не угасла его жизнь. Онъ умеръ счастливымъ.

Во мнѣ все погасло. Казалось, все произошло во снѣ. Только послѣднее слово Рауля осталось у меня въ памяти... Это слово было «Діана». Этотъ предсмертный шопоть блѣдныхъ губъ дышалъ безконечнымъ счастьемъ.

Годы и событія проходили, не задѣвая того уголка моей души, гдѣ все это было похоронено. Лишь однажды приподнялась скрывавшая его завѣса...

Легкая дрожь пробѣжала по ея тѣлу.

— Послѣ гибели нашей родины, мы потеряли все. Я стала компаньонкой одной шведской графини, пріятельницы моей матери. Большую часть года проводили мы въ Парижѣ. На одномъ вечерѣ я познакомилась со шведскимъ инженеромъ. Онъ показался мнѣ не похожимъ на другихъ мужчинъ. Казалось, что въ немъ сочетались всѣ физическія и духовныя преимущества... Мы полюбили другъ друга... Я была счастлива...

Легкая улыбка прошла по ея губамъ Она чувствовала непривычное облегченіе. Эта добровольная исповѣдь придавала ей мужество. Потомъ ея лицо снова омрачилось. Голосъ сталъ монотоннымъ.

—Одинъ лазаретный врачъ незамѣтно для насъ сталъ свидѣтелемъ смертнаго часа Рауля. Въ одинъ прекрасный день онъ появился въ Парижѣ, узналъ меня и сталъ мнѣ надоѣдать своей настойчивостью. Это не укрылось отъ моего жениха, который потребовалъ у него объясненій. Онъ указалъ на меня. Я рассказала обо всемъ случившемся. Мой женихъ застрѣлилъ его на дуэли... А я... на слѣдующій день получила обратно его кольцо... Безъ единого слова...

Она опустила голову и сомкнула вѣки. Воспоминаніе о тѣхъ событіяхъ и теперь еще вызывали въ ней дрожь.

— Я была смертельно унижена. Я не понимала, какъ буду жить...

Сотни разъ желала я тогда смерти. Любовь смѣнилась ненавистью. Я ненавидѣла такъ сильно, какъ только можетъ ненавидѣть женщина... Ты знаешь, что было потомъ. Я стала пѣвицей. Я думала забыться въ вихрѣ жизни, но скоро разочаровалась еще горше.

Я рѣшила жить исключительно искусствомъ и посвятила ему все мое существованіе...

Тогда явился ты... Ты былъ благороденъ, былъ добрѣ ко мнѣ. Ты выказывалъ предо мною удивленіе, почтительность, довѣріе. Ты былъ готовъ связать свою судьбу, свою жизнь съ моею, дать свое имя женщинѣ, которую едва зналъ...

Лордъ Мейтландъ слушалъ съ неподвижнымъ лицомъ.

Настала мучительная пауза.

Лордъ Горацій стиснулъ зубы. Противорѣчивыя чувства охватили его. Безудержная откровенность Діаны казалась ему благотворной, но другой инстинктъ боролся противъ этого чувства. Что-то, чуждое его существу, всплывало въ немъ, заставляя собрать все свое мужество, подавить любовь и состраданіе, отвернуться отъ жены.

Діана, казалось, угадала его мысли.

— Горацій! Горацій! — крикнула она полузадушеннымъ голосомъ. Въ ея лицѣ не было ни кровинки.

Лордъ услышалъ этотъ испуганный голосъ. Бросившись къ ней, онъ дрожащими руками зажалъ ей ротъ, закрылъ неподвижно раскрытые глаза. Его рѣсницы увлажнились.

Она почувствовала его движеніе, прикосновеніе его пальцевъ къ своимъ глазамъ, прикосновеніе, полное любви и состраданія.

Она обвила руками шею мужа.

— Ты любишь меня, вѣришь мнѣ?

Лордъ Горацій схватилъ ея руки.

— Дай мнѣ время... Ты воскресила призраки прошлаго... Нужно время, чтобы снова вернуть ихъ въ небытіе...

— Ты не спрашиваешь объ его имени, Горацій?

— Къ чему имя? Пусть оно будетъ погребено, Діана.

— Я должна его тебѣ назвать, чтобы ты все поняла...

Это былъ... Эрикъ Труворъ...

— Лордъ Мейтландъ желаетъ говорить съ вашей свѣтлостью, — доложилъ лакей, и сейчасъ же послѣ этого лордъ Горацій вошелъ въ кабинетъ англійскаго премьеръ-министра. Положеніе было серьезно. Два часа назадъ въ Лондонѣ получилось официальное сообщеніе о сраженіи въ Сиднеѣ. Англійское правительство еще скрывало его, но слухи уже носились по улицамъ англійской метрополіи. Рассказывали о неслыханномъ униженіи, которому подвергся англійскій флагъ со стороны американскихъ вооруженныхъ силъ.

Несмотря на уставъ почтоваго вѣдомства, въ Лондонѣ были дюжины тайныхъ пріемниковъ для радіотелеграммъ всего міра. Они помѣщались на письменныхъ столахъ и получали радіо изъ Австраліи и Южной Африки такъ же легко, какъ изъ Шотландіи или Франціи.

Лордъ Мейтландъ протянулъ министру газету, которую Глоссинъ прислалъ леди Діанѣ.

— Вѣсть хорошая, если она правдива. Мы этого еще не знаемъ. Уже тридцать шесть часовъ я жду сообщенія полковника Троттера, которому военное министерство поручило это предпріятіе.

— Троттеръ?..

— Что вы хотите сказать?

— Ничего важнаго. Но по-моему сообщеніе должно было давно получиться. Это неслыханно, что мы узнаемъ о предпріятомъ нами дѣлѣ черезъ посредство шведской газеты.

Лицо премьера выражало озабоченность по поводу исхода экспедиціи.

— Боюсь, какъ бы чтонибудь въ этомъ предпріятіи не оказалось не въ порядкѣ. И думать нечего принять рѣшеніе, не узнавъ сообщенія Троттера или, что еще лучше, не повидавъ его самого. Не задолго до вашего прихода я просилъ военнаго министра прибыть сюда. Я думаю, это онъ.

Въ комнату вошли сэръ Джонъ Рэпингтонъ и полковникъ Троттеръ. Послѣдній производилъ не особенно благоприятное впечатлѣніе. Кожа на его лицѣ шелушилась, словно кора платана весной. Борода почти цѣликомъ стала жертвой ножницъ.

Это впечатлѣніе усилилось, когда полковникъ Троттеръ сдѣлалъ устный докладъ. Восемь человѣкъ изъ его отряда убиты, нѣкоторые изъ нихъ сгорѣли. Пятеро болѣе или менѣе тяжело ранены. Лишь семь человѣкъ вернулось съ полковникомъ въ Англію.

Въ остальномъ его докладъ подтверждалъ и дополнялъ сообщеніе шведской газеты. Послѣ отчаянной обороны осажденные прекратили огонь. Въ эту минуту раздался взрывъ, о которомъ еообщаютъ газеты. Осажденные безусловно погибли во время взрыва и пожара, если даже спаслись отъ стрѣльбы наступающихъ.

Англійскіе министры почувствовали большое облегченіе во время доклада Троттера.

— Пока все хорошо, — прервалъ его Рэпингтонъ, — но почему вы немедленно не отправили радіо въ министерство?

— Невозможно было, сэръ! Телеграфистъ былъ раненъ. Остальные не умѣли съ радіо обращаться.

Военный министръ нахмурился.

— Очень жаль! Единственнаго радіо-телеграфиста не слѣдовало подвергать опасности, господинъ полковникъ. И затѣмъ... вы вернулись на одномъ изъ нашихъ аэроплановъ? Почему вы не дали знать оттуда?

Полковникъ Троттеръ съ отчаяніемъ теребилъ скудные остатки своей бороды.

— Невозможно было, сэръ! Совершенно невозможно! Телеграфистъ объявилъ, что его аппаратъ не дѣйствуетъ по необъяснимымъ причинамъ. Ничего нельзя было подѣлать.

Покинувъ своихъ коллегъ, лордъ Гашфордъ официально сообщилъ въ печати о Сиднейскомъ сраженіи. Въ мгновеніе оно стало извѣстно въ тысячѣ мѣстъ Лондона. Экстренные выпуски выходили милліонами, ихъ вырывали у продавцовъ и безъ конца читали. Безпокойство возраста-

ло, и настроеніе лондонцевъ быстро приближалось къ тому моменту, при которомъ можно опасаться всякаго непредвидѣннаго взрыва человѣческихъ страстей.

Парламентъ былъ естественнымъ клапаномъ для разряженія чувствъ. Онъ собрался въ полномъ составѣ, сознавая свой долгъ по отношенію къ странѣ; министры заняли свои мѣста на правительственныхъ скамьяхъ.

Порядокъ дня не былъ сложенъ. Свѣдѣнія о Сиднеѣ.

Англійскій парламентъ поручилъ правительству объявить Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ войну и вести ее со всей возможной энергіей.

Оставалась еще одна формальность — официально заявить американскому послу въ Лондонѣ, мистеру Геддесъ, о состояніи войны. Выражаясь устарѣлымъ дипломатическимъ языкомъ, нужно было вручить ему паспортъ въ то же самое время, когда англійскій посолъ въ Вашингтонѣ узнаетъ про объявленіе войны.

Лордъ Гашфордъ вопросительно оглядѣлся вокругъ.

— Лордъ Мейтландъ, вы лично знакомы съ мистеромъ Геддесомъ. Не посѣтите ли вы его, чтобы сообщить ему объ этомъ.

Лордъ Горацій утвердительно кивнулъ. Онъ былъ давнимъ другомъ мистера Геддеса и согласился взять на себя порученіе, чтобы, по крайней мѣрѣ, придать неизбежному возможно мирную форму.

— Подчеркните въ особенности, что война направлена не противъ связаннаго съ нами кровными узами народа, а только противъ тирана, что мы охотно заключимъ миръ, какъ только либеральное правительство Вашингтона предоставитъ намъ эту возможность.

Автомобиль остановился передъ американскимъ посольствомъ. Лордъ Горацій прошелъ вестибюль и комнаты, столь знакомыя ему по визитамъ и празднествамъ. Растерянные лакеи бѣгали вокругъ. Въ сѣняхъ стояли запакованные сундуки. Мистеръ Геддесъ присутствовалъ на парламентскомъ засѣданіи въ дипломатической ложѣ. Зная, что война неизбежна, онъ принялъ всѣ мѣры къ быстрому отъѣзду.

Лордъ Горацій не отступилъ передъ сдержаннымъ приемомъ. Онъ подошелъ къ мистеру Геддесу и обѣими руками взялъ его правую руку.

— Милый старый другъ, вы знаете, что я приношу вамъ сквѣрныя вѣсти. Мнѣ это тяжело, но вѣдь кто-нибудь долженъ былъ вамъ принести ихъ. Я взялъ это на себя.

Мистеръ Геддесъ медленно положилъ свою вторую руку на руки лорда Горація. Онъ былъ слишкомъ тронутъ, чтобы говорить.

Такъ они стояли съ минуту. Потомъ лордъ Мейтландъ освободился мягкимъ движеніемъ и, поклонившись, покинулъ домъ.

Въ ночь съ 19-го по 20-е іюня большая американская радіо-станція въ Сейвиллѣ работала полнымъ ходомъ. Въ третьемъ часу утра всѣ машины вырабатывали токъ большой частоты, передавая его черезъ передаточный аппаратъ въ шестнадцать антеннъ станціи.

Главный механикъ сидѣлъ въ стеклянной будкѣ, наблюдая за всей станціей. Передъ нимъ на столѣ лежала толстая книга, куда онъ вносилъ послѣднія телеграммы.

И вдругъ... мистеръ Браунъ всталъ и прислушался... какой-то посторонній звукъ вырвался изъ машиннаго отдѣленія. Онъ зналъ свою станцію, и отъ его опытнаго уха не ускользала никакая неправильность. Онъ выбѣжалъ изъ стеклянной будки и, пробѣгая мимо, увидѣлъ, что въ передаточной безпорядокъ. Всѣ автоматы были неподвижны.

Онъ поспѣшилъ въ слѣдующую комнату. Та же картина представилась его глазамъ. Всѣ аппараты, только что работавшіе съ молніеносной быстротой и разсылавшіе телеграммы по всѣму свѣту, были словно парализованы.

Передаточные аппараты стояли неподвижно. Это было удивительно, не мыслимо. Немыслимое, невозможное происходило въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ находились контактные

аппараты. Они работали, пропускали машинный токъ, выводя знаки Морзе.

Главный механикъ бросился туда. Ему навстрѣчу вышелъ Макъ Омберъ, старый, обычно небрежный, машинистъ. Безмолвно указаль онъ на машины, шевелившіяся словно отъ прикосновенія невидимыхъ волшебныхъ рукъ.

Это было адское навожденіе, но навожденіе, разыгравшееся по опредѣленному плану. Всѣ эти манипуляціи были вполнѣ систематичны. Въ щелканіи аппаратовъ онъ могъ уловить слова.

— Сейвилль. Всѣмъ, всѣмъ! Сейвилль. Всѣмъ, всѣмъ! Поднявшій мечъ, отъ меча погибнетъ. «Власть» предостерегаетъ всѣхъ отъ войны.

Мистеръ Браунъ бросился къ ближайшему аппарату, пытаясь силой остановить его. Напрасно!

Трижды, разъ за разомъ, получилась эта телеграмма. Затѣмъ автоматы и передаточные аппараты снова начали работать. Вся исторія продолжалась едва десять минутъ.

Мистеръ Браунъ стоялъ въ своей будкѣ, потирая лобъ, не зная, грезитъ ли онъ или бодрствуетъ. Телеграфисты растерянно смотрѣли на свое начальство. Никто изъ нихъ не думаль объ аппаратахъ, но бездушныя машины исполняли свою работу, выстукивали телеграммы, съ всѣхъ сторонъ летѣвшія въ Сейвилль. Американскія и заокеанскія станціи освѣдомлялись, что означаетъ посланіе изъ Сейвилля.

Изъ Вашингтона получилась телеграмма съ приказомъ немедленно отстранить отъ должности завѣдующаго станціей и сдать всѣ дѣла его замѣстителю.

Мистеръ Браунъ совладѣль съ собой. Передавъ управленіе станціей своему помощнику, онъ сѣлъ за столъ, чтобы дрожащими руками написать подробное заявленіе о случившемся.

Капитанъ американскаго флота Г. Л. Фаганъ, желѣзный Фаганъ, какъ называли его товарищи, былъ на докладѣ

у президента-диктатора. Цирусъ Стонардъ внимательно слѣдилъ за объясненіями, которыя капитанъ Фаганъ давалъ, руководствуясь прикрѣпленными къ стѣнѣ чертежами.

Они изображали американскую подводную станцію, въ теченіе послѣдняго года тайкомъ выстроенную на восточномъ берегу Африки. Благодаря точнымъ измѣреніямъ, американскіе корабли обнаружили мѣсто, на двѣсти километровъ удаленное отъ берега и имѣвшее сто метровъ въ глубину. То была вершина какой-нибудь горы, миллионы лѣтъ назадъ погружившейся въ глубины Индійскаго океана. Водолазы осмотрѣли это мѣсто и подготовили взрывы, которые создали платформу въ квадратный километръ на глубинѣ ста пятидесяти метровъ подъ зеркальной поверхностью океана. Потомъ началась постройка.

Было выстроено двадцать огромныхъ залъ, каждая, достаточной величины, чтобы вмѣститъ самые большіе аэропланы-субмарины и подводныя лодки. Каждая зала была снабжена нужными для починокъ машинами и защищена отъ давленія воды. Кромѣ того ее охраняла цѣлая система остроумныхъ сооруженій противъ затопленія. Подземные ходы, глубоко прорытые въ горѣ, соединяли залы между собой. При помощи сильныхъ взрывчатыхъ веществъ въ базальтѣ были продѣланы цистерны, вмѣщавшія сотни тысячъ тоннъ лучшихъ горючихъ маселъ для машинъ.

Дальше шли шлюзы. Достаточно было нажима на одинъ изъ многочисленныхъ рычаговъ аппаратнаго центра станціи, чтобы изъ волнъ океана, подобно внезапно вынырнувшему острову, поднялась гигантская гидравлическая платформа, готовая принять корабли и спустить ихъ въ глубину.

Поистинѣ, это была величественная подводная крѣпость, выросшая среди водяной пустыни по приказу Цируса Стонарда. Отсюда, американскимъ вооруженнымъ силамъ легко было въ корнѣ подавлять всякую зарождающуюся въ Средней Африкѣ попытку вооруженнаго противодействія и угрожать Индіи.

Когда Цирусъ Стонардъ тринадцать мѣсяцевъ тому назадъ отдалъ этотъ приказъ, спеціалисты объявили предпрія-

тіе невыполнимымъ, пока желѣзный диктаторъ не нашель желѣзнаго капитана. Цирусь Стонардъ отчетливо вспомнилъ первое собесѣдованіе съ капитаномъ. Онъ требоваль безусловной тайны плана и постройки. Капитанъ размышляль нѣсколько минутъ.

Намъ нужно пять тысячъ человѣкъ, чтобы закончить работу за годъ. Тайна, которую знаетъ столько людей, уже не остается тайной. Значить, намъ нужны рабы для постройки.

Капитанъ Фаганъ сказалъ это со спокойствіемъ, на минуту смутившимъ даже диктатора. Но это была только минута. Онъ сейчасъ же схватилъ преимущества этой мысли.

Каторжники взялись за работу надъ постройкой подводной станціи. Это были люди, приговоренные американскими судами къ долготѣтному лишенію свободы. Выпадали мѣсяцы, когда электрическій стулъ мало работаль, потому что диктаторъ необычайно часто амнистировалъ заключенныхъ; но только людей, умѣвшихъ обращаться съ инструментами, годными для работъ.

Капитанъ Фаганъ далъ президенту-диктатору точный отчетъ на его вопросы.

— Залы готовы, снабжены провіантомъ, горючимъ матеріаломъ, снаряженіемъ. Четыре залы еще строятся, это жилия помѣщенія для команды. Каторжники мрутъ, какъ мухи.

— Послѣдній срокъ истекъ три недѣли назадъ. Когда будутъ готовы жилия помѣщенія?

Голосъ президента-диктатора при этомъ вопросѣ звучаль рѣзко и пронзительно.

— Черезъ три дня, господинъ президентъ.

— Вы ручаетесь за это?

— Ручаюсь, господинъ президентъ.

— Средства обороны готовы?

— Готовы, господинъ президентъ. Станція окружена тройнымъ кольцомъ торпедъ. Акустическіе приѣмники извѣщаютъ о всякомъ шорохѣ подъ или надъ водой. Специальныя машины указываютъ торпедамъ цѣль на разстояніи 10 километровъ.

— Какъ обстоитъ дѣло съ охраной противъ воздушныхъ нападеній?

— Уже два мѣсяца работаютъ красильщики. Мысль выкрасить станцію оказалось счастливой, Лазурь, которую красильщики день и ночь льютъ въ воду, окрашиваетъ ее настолько равномерно, что глубина совершенно не проникаема. Даже съ высоты двухъ тысячъ метровъ наши собственные аэропланы не могли бы найти станцію. Мы должны были выкинуть особый отличительный буй.

— Короче, господинъ капитанъ! Когда будетъ вколоченъ послѣдній гвоздь? Когда станція можетъ принять участіе въ войнѣ?

— Черезъ три дня, господинъ президентъ. Черезъ три дня команда будетъ расквартирована, каторжники убраны, и станція приступитъ къ работѣ.

— Благодарю васъ... господинъ адмиралъ! Вы хорошо выполнили свое дѣло. Въ дальнѣйшемъ вы остаетесь въ моемъ распоряженіи, — обычнымъ тономъ произнесъ Цирусъ Стонардъ.

Капитанъ Фаганъ покраснѣлъ. Его дотолѣ неподвижная фигура задрожала. Похвала изъ устъ диктатора! Неограниченная похвала и званіе адмирала! Это было больше, чѣмъ онъ смѣлъ ожидать въ безсонныя ночи за эти двѣнадцать мѣсяцевъ упорной работы.

Онъ нагнулся и хотѣлъ взять руку диктатора. Цирусъ Стонардъ отступилъ.

— Оставьте, господинъ адмиралъ! Идите и служите странѣ такъ же, какъ служили до сихъ поръ.

Неувѣренными шагами покинулъ адмиралъ Фаганъ кабинетъ. Цирусъ Стонардъ остался стоять посреди комнаты и долгое время смотрѣлъ ему вслѣдъ.

— Вонъ онъ идетъ... желѣзный... краснѣетъ и дрожитъ, какъ молодая дѣвушка... изъ-за одного словечка адмиралъ! Если бы я напустился на него, разбранилъ его работу, прогналъ его, онъ бы убрался... не осмѣлился бы возражать... таковы они всѣ... безъ исключенія. Только, когда они чувствуютъ господина, они дѣлаютъ, что нужно для страны...

Президент-диктаторъ медленно вернулся къ своему креслу. Лицо его выражало презрѣніе къ всѣму міру. Все

это были рабы, въ сущности, не лучше тѣхъ пяти тысячъ, что работали послѣдній годъ на днѣ океана.

Чувство досады охватило его. Къ чему трудиться и мучиться, указывая этой толпѣ рабовъ путь къ счастью...

Вошелъ адъютантъ лейтенантъ Гринслейдъ, съ телеграммой о событіяхъ въ Сейвиллѣ. Положивъ ее на столъ, онъ сталъ ожидать приказаній диктатора.

Цирусъ Стонардъ пробѣжалъ листокъ. Загадочный случай на большой радіо-станціи въ Сейвиллѣ... Краткая телеграмма «всѣмъ».

И въ тотъ же моментъ диктаторъ понялъ, что Глоссинъ солгалъ, что Эрикъ Труворъ и его друзья живы.

Въ эти минуты президентъ-диктаторъ пережилъ страшное потрясеніе. Только что онъ признавалъ свою безконечную власть, былъ властелиномъ половины, а, въ скорости, и всего земного шара, неограниченнымъ повелителемъ трехсотмилліоннаго населенія... А теперь ему самому грозитъ непонятная и неуловимая власть, которая останавливаетъ его рѣшенія и приказы.

Подобно капитану Фагану, взбудораженному нѣсколькими словами диктатора, самъ Цирусъ Стонардъ былъ сломенъ этой телеграммой. Сидя у стола, она опустила голову на руки и спрятала лицо. Рыданіе потрясло его хушощавое тѣло.

Лейтенантъ Гринслейдъ стоялъ на вытяжку. Увидя позу президента-диктатора, онъ сталъ опасаться за свою жизнь. Въ Соединенныхъ Штатахъ не было человѣка, который могъ бы похвастаться, что онъ видѣлъ слабость Цируса Стонарда. Лейтенантъ Гринслейдъ былъ охваченъ одной мыслью: «горе, если Стонардъ откроетъ глаза, горе, если онъ увидитъ меня. Я погибъ!»

Въ этотъ моментъ Цирусъ Стонардъ поднялъ голову и осмотрѣлся блуждающимъ взглядомъ.

— Позовите доктора Глоссина!

Докторъ Глоссинъ стоялъ въ кабинетѣ президента-диктатора. Цирусъ Стонардъ, подобно статуѣ, поднялся со своего мѣста. Правой рукой онъ схватилъ телеграмму и судорожно скомкалъ ее. Не говоря ни слова, медленно подошелъ онъ къ доктору, пока не очутился въ трехъ шагахъ

отъ него. Потомъ рѣзкимъ движеніемъ швырнулъ ему бумажный комокъ прямо въ лицо.

Докторъ Глоссинъ не попытался уклониться отъ удара. Бумага попала ему въ переносицу и упала на полъ. Онъ страшно поблѣднѣлъ. Содержаніе этой телеграммы было ему извѣстно. Двадцать минутъ назадъ онъ узналъ, что вся его работа оказалась тщетной. Единственные люди, которыхъ онъ опасался, избѣгли его сѣтей, находились гдѣ-то въ безопасности и пользовались своей властью.

Въ этотъ мигъ онъ не былъ даже способенъ реагировать на оскорбленіе. Бумажный комокъ подѣйствовалъ на него, какъ пуля. Тотъ, въ кого стрѣляютъ, не думаетъ объ оскорбительности выстрѣла, но просто падаетъ. Докторъ Глоссинъ зашатался и сталъ нащупывать руками какую-нибудь точку опоры.

Физическая вспышка облегчила президента-диктатора. Непосредственное дѣйствіе поразившаго его удара ослабѣло. Онъ увидѣлъ передъ собой человѣка, готоваго упасть въ обморокъ.

Опустившись въ кресло, онъ кивнулъ доктору.

— Садитесь!.. Садитесь!.. Не туда... Сюда! Здѣсь возлѣ меня... Да, здѣсь... Стойте, подымите это прежде!

Онъ указалъ рукой на смятую телеграмму, приказывая доктору, какъ собакѣ; и докторъ Глоссинъ повиновался, какъ побитая собака. Онъ усѣлся на указанное кресло, рядомъ съ Цирусомъ Стонардомъ, и совершенно машинально разгладилъ бумажный комокъ.

— Прочтите!

Докторъ Глоссинъ прочелъ телеграмму, уже столько разъ прочитаішую за этотъ день.

— Что вы мнѣ говорили? И что скажете теперь?

Докторъ не могъ дать сколько-нибудь связнаго отвѣта. Цирусъ Стонардъ увидѣлъ, что нужно дать ему время собраться съ мыслями и приказалъ:

— Сдѣлайте еще разъ детальное сообщеніе о событіяхъ въ Линнеѣ, но безъ прикрасъ.

Докторъ Глоссинъ заговорилъ, постепенно успокаиваясь.

— Англичане прибыли на мѣсто одновременно со мной. Познакомившись съ Троттеромъ, я былъ удивленъ ихъ наивностью. Я хотѣлъ, чтобы его отозвали, но времени уже не было. Я ничего не могъ подѣлать...

Цирусъ Стонардъ смѣрилъ доктора холоднымъ взглядомъ.

— Такъ бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда слѣпья орудія сами начинаютъ думать. Я вамъ далъ приказъ убрать этихъ трехъ!.. вам!.. А не англичанамъ. Я не наказалъ вашего самоуправства, потому что вы сообщили мнѣ объ успѣхѣ.

Почему я выбралъ васъ своимъ орудіемъ? Потому что не хотѣлъ упустить такого случая... Если вашихъ способностей не хватитъ убрать этихъ трехъ человѣкъ съ лица земли, если вамъ для этого нужны англичане... Почему вы натравили на нихъ англичанъ, вмѣсто того, чтобы отправиться самому?

Докторъ Глоссинъ пробормоталъ:

— Интересы страны... нейтралитетъ... дипломатическаго затрудненія... характера...

— Глупости!.. какое мнѣ дѣло до Швеціи? Развѣ вы думаете, что я не учелъ возможности нарушить нейтралитетъ этой страны.

Онъ пронизательно посмотрѣлъ доктору въ глаза.

— Я хочу точно знать ваше мнѣніе объ этихъ трехъ. Живы ли они еще... Или, быть можетъ, эта телеграмма дана изъ другого мѣста? Если они живы — каковы ихъ планы, какъ велика власть? Примутъ ли они чью-нибудь сторону въ наступающей войнѣ? Обдумывайте свои слова, прежде чѣмъ отвѣчать. Дѣло идетъ о вашей жизни.

Докторъ Глоссинъ зналъ, что президентъ-диктаторъ не шутитъ. Легкое прикосновеніе къ звонку — и черезъ часъ его не будетъ въ живыхъ. Собравшись съ мыслями, онъ заговорилъ медленно, взвѣшивая каждое слово:

— Нѣтъ, я былъ очевидцемъ катастрофы въ Линнеѣ и все же говорю, что телеграмма послана ими.

— Какъ они могли спастись? Они должны бояться въ концѣ концовъ быть пойманными. Они могли пройти под-

земнымъ ходомъ, гдѣ-нибудь въ горахъ или у рѣки заканчивающимся.

— Я думалъ объ этомъ. Но въ такомъ случаѣ онъ долженъ существовать уже давно. Они находятся въ Линнеѣ лишь нѣсколько недѣль. На устройство подземнаго хода нужны мѣсяцы, если не годы. Во всякомъ случаѣ, это является наиболѣе пріемлемымъ объясненіемъ. Можетъ быть, они, при своихъ исключительныхъ средствахъ, сумели прорыть его за это короткое время... Или они...

Докторъ Глоссинъ сжалъ виски обѣими руками, словно его голова готова была разорваться подъ наплывомъ новыхъ мыслей. Онъ замолчалъ.

Цирусъ Стонардъ принудилъ его говорить дальше:

— ...или они? Говорите же!

— Или они отуманили насъ и невидимкой прошли сквозь наши ряды.

Цирусъ Стонардъ съ сомнѣніемъ поглядѣлъ на доктора.

— Невидимкой?.. Стать невидимымъ?.. Дѣло идетъ о вашей головѣ, господинъ докторъ Глоссинъ! Не рассказывайте мнѣ сказокъ! Вы старѣете... Я разъ уже сказалъ вамъ это.

— То, что кажется вамъ дѣтскими сказками, для многихъ уже давно стало дѣйствительностью. Вы человѣкъ конкретныхъ фактовъ, человѣкъ, кровью и желѣзомъ создающій свою политику. Въ этомъ — ваша сила, но... она станетъ слабостью, когда вы столкнетесь съ явленіями другого міра. Есть ученые, у которыхъ эти явленія не вызываютъ улыбки... Я самъ, естествоиспытатель и скептикъ, скорѣе повѣрю, что они невидимкой прошли сквозь наши ряды, чѣмъ въ то, что они, подобно кротамъ, заползли въ подземный ходъ.

Президентъ-диктаторъ снова разгладилъ сейвилльскую телеграмму:

— Я придерживаюсь фактовъ. Власть существуетъ. Она сосредоточена въ рукахъ трехъ людей. Почему они только предупреждаютъ, если могутъ дѣйствовать? Почему они не вмѣшались въ Сиднейскую исторію и не помѣшали сраженію?

— Хочу надѣяться, что это было имъ не подъ силу, иначе они бы это сдѣлали. Пока они только хвастаются. Предупрежденіе было хвастовствомъ,

— Дѣло идетъ о вашей жизни, господинъ докторъ Глоссинъ.

— Я глубоко убѣжденъ, что изобрѣтеніе сейчасъ находится только въ стадіи развитія. Только этимъ объясняю я ихъ невмѣшательство въ Сиднейское сраженіе. Только это поясняетъ, что они предупреждаютъ, а не запрещаютъ. Содержаніе телеграммы для меня неопровержимое доказательство, что изобрѣтеніе не закончено.

Президентъ-диктаторъ съ возрастающимъ вниманіемъ слушалъ объясненія Глоссина.

— Я вѣрю вамъ. Выводъ отсюда простой. Нужно взяться за англичанъ какъ можно быстрѣе, тамъ, куда еще не достигаетъ власть. Въ Индіи... въ Южной Африкѣ...

Цирусъ Стонардъ нажалъ кнопку звонка. Вошелъ адъютантъ.

— Черезъ полчаса собрать военный совѣтъ!

Потомъ онъ снова обернулся къ Глоссину.

— Мы должны измѣнить свои планы. Мы хотѣли напасть на англичанъ въ Англіи, теперь, мы должны попытаться сдѣлать это на экваторѣ. Этимъ я обязанъ вашей склонности къ частнымъ предпріятіямъ.

Цирусъ Стонардъ посмотрѣлъ на доктора холоднымъ, яснымъ взглядомъ, какъ змѣя на свою жертву. Въ теченіе нѣсколькихъ секундъ его вѣки оставались неподвижны, и докторъ Глоссинъ почувствовалъ, какъ кровь стынетъ въ его жилахъ. Потомъ президентъ-диктаторъ медленно продолжалъ:

— Есть средство для вашей полнѣйшей реабилитаціи. Поймайте ихъ! Если вы ихъ доставите живыми, я награжу васъ, какъ никогда еще не былъ награжденъ ни одинъ человекъ. Если вы доставите ихъ мертвыми, награда будетъ еще больше. Всѣ средства, которыми располагаетъ страна, будутъ къ вашимъ услугамъ. Плевать мнѣ на нейтралитетъ! Всѣ средства дозволены, разъ они помогаютъ доставить мнѣ ихъ. Думайте объ этой цѣли. Достиженіе ея

даруетъ вамъ прощеніе. Неудача равносильна предательству.

— ...или они невидимкой прошли сквозь наши ряды...

Эти слова доктора Глоссина, сказанные въ присутствіи президента-диктатора, точно соотвѣтствовали положенію вещей.

Когда полковникъ Троттеръ первый перескочилъ черезъ заборъ Труворовскаго дома, Эрикъ Труворъ со своими друзьями стоялъ непосредственно возлѣ него. Гипнотическая сила Атмы словно ослѣпила полковника и его людей.

— Хорошо будетъ, если насъ на нѣкоторое время сочтутъ мертвыми, — сказалъ Эрикъ Труворъ, намѣчая планъ дѣйствій на ближайшее время. Атма и Сильвестръ взяли на себя его выполненіе. Атма отуманилъ противниковъ. Сильвестръ съ помощью маленькаго лучеиспускателя заставилъ стрѣлять изъ оконъ оружіемъ, которымъ былъ заваленъ Труворовскій домъ.

Въ то время, какъ англичане осаждали домъ, они втроемъ отправились къ пещерѣ Одина. На пластинкѣ лучеиспускателя зданіе было видно до мельчайшихъ деталей. Сильвестръ Бурсфельдъ заработалъ лучеиспускателемъ, поддерживая оружейный огонь, пока оставался хоть одинъ патронъ.

Эрикъ Труворъ рѣшился пожертвовать своимъ домомъ. Когда дверь поддалась подъ топорами осаждающихъ, онъ собственноручно направилъ большой лучеиспускатель на складъ горючаго матеріала. Въ одинъ мигъ Труворовскій домъ превратился въ огнедышащій вулканъ.

Эрикъ Труворъ слѣдилъ за этимъ зрѣлищемъ на пластинкѣ лучеиспускателя. Лицо его было неподвижно, словно высѣчено изъ камня.

Когда рухнули стѣны, онъ отвелъ взглядъ отъ пластинки.

— Они считаютъ насъ похороненными тамъ. Это даетъ намъ возможность спокойно заняться послѣдними приготовлениями.

Аэропланъ находился въ пещерѣ. Пока докторъ Глосинъ говорилъ съ Троттеромъ, пока Троттеръ обмывалъ свои ожоги въ Торнео, Р. Ф. с. I взвился ввысь, унося друзей къ сѣверу; незамѣтно и неслышно летѣлъ аэропланъ, низко, прячась подъ прикрытіе лѣсовъ и горъ.

Только когда они удалились на безопасное разстояніе, онъ поднялся выше и полетѣлъ надъ открытымъ моремъ, надъ безконечными ледяными пустынями.

Послѣ тречасового полета аэропланъ сталъ снижаться, прорѣзалъ туманъ и опустился на ледяной горѣ, которая, словно чудовищная вершина, высилась надъ сѣвернымъ полюсомъ.

Среди этой ледяной горы Сильвестръ съ изумленіемъ увидѣлъ жилое помѣщеніе. Тѣ двѣ недѣли, которыя онъ употребилъ на свадебное путешествіе, не пропали даромъ для Эрика Трувора: онъ создалъ здѣсь замокъ, ледяной дворецъ. Среди плоской, покрытой снѣгомъ равнины вздымалась на сто метровъ голубовато-зеленая сіяющая ледяная гора. Она представляла оплошную массивную ледяную глыбу, пока Эрикъ Труворъ не направилъ на нее лучеиспускателя. Энергія растопила ледъ. Образовались проходы, залы и комнаты.

Эрикъ Труворъ совершалъ перелетъ подобно дикому охотнику. Нагруженный провіантомъ и горючимъ матеріаломъ, аппаратами и инструментами, носился аэропланъ между ледянымъ дворцомъ у полюса и Труворовскимъ домомъ, представлявшимъ изъ себя пустую скорлупу, которую осаждалъ полковникъ Троттеръ со своими людьми.

Сильвестръ впервые видѣлъ новый домъ. Они вошли въ середину горы, и благодѣтельное тепло охватило ихъ, маленькій лучеиспускатель поддерживалъ въ комнатахъ нужную температуру, не растапливая ледяныхъ стѣнъ.

Эрикъ Труворъ опустился въ кресло.

— Здѣсь насъ никто не найдетъ. Пролетающіе надъ полюсомъ аэропланы даже и вблизи увидятъ только ледяную гору.

Атма неподвижно лежалъ на диванѣ, отдыхая и размышляя, какъ всегда, когда его гипнотическая сила не была нужна. Сильвестръ употребилъ долгіе часы на осмотръ комнатъ. Онъ увидѣлъ лабораторію и новые большіе лучеиспускатели и погрузился въ улучшенія, сдѣланныя Эрикомъ Труворомъ за время его отсутствія. Потомъ увидѣлъ еще не составленный телефонный аппаратъ.

Его мысли перенеслись къ Янѣ. Тщетно будетъ она сегодня ждать разговора съ нимъ. Онъ увидитъ ее изображеніе, но не сумѣетъ съ нею говорить. Она будетъ ждать, будетъ беспокоиться. Особенно, если до нея дошло извѣстіе о гибели дома въ Линнеѣ.

Эта мысль испугала его, и, подойдя къ большому лучеиспускателю, онъ включилъ токъ. На пластинкѣ показалось изображеніе. Рѣка, дома. Характерныя очертанія Раттингенскихъ воротъ у Дюссельдорфа. Знакомая улица, домъ Термэленовъ...

Онъ удесятерилъ способность увеличенія и регулировалъ ее микрометрическими винтами.

Кухня... фрау Луиза Термэлень... гостиная... въ ней Яна, напротивъ нея другая фигура.

Сильвестръ Бурсфельдъ усилилъ увеличеніе. Теперь фигуры стояли передъ нимъ во весь ростъ. Яна была блѣдна, испугана, близка къ обмороку. Напротивъ нея находился докторъ Глоссинъ.

Сильвестръ помчался въ комнату, гдѣ лежалъ Атма. Индусъ подошелъ и взглянулъ на изображеніе. Яна неподвижно лежала на полу. Возлѣ нея валялся газетный листъ. Докторъ Глоссинъ хлопоталъ около нея, поднималъ ее, говорилъ съ ней.

Сома Атма стоялъ въ катаlepsическомъ столбнякѣ. Его зрачки сузились, почти исчезли. Изображеніе на пластинкѣ измѣнилось. Сильвестръ увидѣлъ, какъ возвращается краска на лицо его жены. Она встала, насмѣшливо улыбнулась, указала на газетный листокъ, и докторъ Глоссинъ, разочарованный и недовольный, покинулъ комнату.

Прошло не мало времени, пока индусъ пришелъ въ себя. Потомъ онъ сказалъ спокойно и безстрастно, какъ всегда:

— Твоя жена знаетъ, что ты живъ.

Затѣмъ онъ вернулся въ свою комнату и снова погрузился въ размышленія, въ которыхъ могъ проводить дни и недѣли.

Работа призывала ихъ. Эрикъ Труворъ предложилъ внести нѣкоторыя улучшенія, касавшіяся болѣе точнаго прицѣла. Сильвестръ Бурсфельдъ привезъ изъ своего свадвигающихся предметовъ. Онъ считалъ это наиболѣе важпозволяющаго оперировать лучеиспускателемъ и противъ двигающихся предметовъ. Онъ считалъ это наиболѣе важнымъ, и Эрикъ соглашался съ нимъ. Съ имѣющимися на лицо приспособленіями можно было направлять энергію на любой пунктъ земной поверхности, но еще не удавалось преслѣдовать двигающуюся цѣль. Эрикъ Труворъ хотѣлъ, чтобы можно было попадать также и въ быстролетающіе предметы.

Докторъ Глоссинъ зналъ, что только тяжелое душевное потрясеніе можетъ сломить ограждающее Яну внушеніе. Поэтому-то онъ и далъ ей газету съ извѣстіемъ о катастрофѣ въ Линнеѣ. Въ послѣдній моментъ вмѣшался Атма, и ему удалось снова сомкнуть вокругъ нея гипнотическое кольцо. Но все же атака Глоссина оставила слѣдъ, и второй неожиданный ударъ могъ сдѣлать свое дѣло.

Пока Яна была спокойна. Въ тотъ моментъ, когда она, подъ впечатлѣніемъ вѣстей изъ Линнея, въ полуобморочномъ состояніи лежала на рукахъ Глоссина, въ ея душѣ вдругъ зародилась твердая и непоколебимая увѣренность, что Сильвестръ живъ и скрывается со своими друзьями. Гипнотическое вліяніе индуса внушило ей эту увѣренность и помогло ей осмѣять слова Глоссина.

Докторъ Глоссинъ покинулъ домъ Термэленовъ, чувствуя, какъ почва ускользаетъ изъ-подъ его ногъ.

Съ тѣхъ поръ какъ Цирусъ Стонардъ носился съ мыслью о войнѣ съ Великобританіей, Глоссинъ чувствовалъ,

что президентъ-диктаторъ рискуетъ не только своей властью, но и жизнью. Эта мысль оставалась неосознанной, пока страстная вспышка диктатора не вывела ее на свѣтъ. Теперь онъ ощущалъ все отчетливѣе, что звѣзда Цируса Стонарда закатывается. Наступала пора разстаться съ нимъ. Но для Глоссина такое разставаніе равносильно было предательству, переходу въ другую партію.

Онъ больше не думалъ о выполненіи порученія Цируса Стонарда. Пусть диктаторъ самъ ловитъ трехъ, если хочетъ ихъ имѣть. Но Яну онъ какой бы то ни было цѣной долженъ былъ заполучить въ свои руки. Первая попытка оказалась неудачной; но онъ зналъ, что всякая новая атака будетъ ослаблять окружающее ее кольцо, что оно въ одинъ прекрасный день разомкнется. Онъ рѣшилъ пока остаться въ Дюссельдорфѣ, наблюдать за домомъ, гдѣ жила Яна, использовать ближайшую возможность,

Приближался четвертый часъ пополудни, время, когда Сильвестръ обычно говорилъ съ Яной. По обыкновенію она сѣла у аппарата и выжидательно поднесла трубку къ уху.

Еще нѣсколько секундъ, и раздастся голосъ Сильвестра. Тогда она изъ его собственныхъ устъ услышитъ, какъ произошелъ пожаръ въ Линнеѣ и гдѣ онъ сейчасъ находится со своими друзьями.

Яна сидѣла и ждала спасительныхъ словъ. Секунды превращались въ минуты, изъ минутъ сложилось уже четверть часа.

Аппаратъ безмолвствовалъ. Только легкій шорохъ электроновъ былъ слышенъ въ телефонной мембранѣ.

Яна не могла знать, что въ это время мгновеніе Сильвестръ на полюсѣ наставляетъ лучеиспускатель и видитъ ея изображеніе на пластинкѣ, что онъ сотни разъ прокликаетъ обстоятельства, не позволяющія включить телефонъ. Сомнѣніе стало овладѣвать ею.

Ей вспомнились слова Глоссина. Неужели правда?.. Неужели та газета не лгала?

Время проходило, часы пробили пять.

Ей было ясно, что Сильвестра нѣтъ... Что-нибудь случилось съ нимъ... онъ...

Она не додумала слова до конца. Подгоняемая внезапнымъ инстинктомъ, она приняла рѣшеніе, поспѣшное и нелѣпое. Но въ эти минуты она чувствовала только, что должна искать Сильвестра.

Осторожно пріоткрыла она дверь въ комнату стариковъ Термэленовъ. Они спали послѣ обѣда. Она снова закрыла дверь. Дрожащими руками положила въ маленькій чемоданчикъ необходимыя вещи. Потомъ написала старикамъ, что отправляется искать мужа.

Повѣсивъ аппаратъ черезъ плечо, она безшумно покинула квартиру.

Это, однако, не прошло незамѣченнымъ. Докторъ Глоссинъ увидѣлъ, какъ она вышла на улицу. Онъ послѣдовалъ за ней, на аэропланъ, заботясь о томъ, чтобы не попасть къ ней на глаза и не упустить ее изъ виду.

Въ четвертомъ часу дня Сильвестръ направилъ лучеиспускатель, включилъ телефонъ и хотѣлъ сообщить Янѣ о своемъ спасеніи. Онъ направилъ лучеиспускатель на знакомую цѣль и увидѣлъ на пластинкѣ комнату Яны. Всѣ предметы были видны. Не было только самой Яны и пріемника, который онъ оставилъ ей при прощаніи.

Вершокъ за вершкомъ шарилъ онъ по дому Термэленовъ, съ возрастающимъ безпокойствомъ слѣдя за изображеніемъ на пластинкѣ. Онъ увидѣлъ хорошо знакомыя комнаты, стариковъ Термэленовъ; они казались озабоченными и оживленно о чемъ то говорили. Онъ сталъ искать слѣдовъ Яны на улицѣ. Изображенія всѣхъ мѣстъ, которыя они посѣтили во время его пребыванія въ Дюссельдорфѣ, прошли на пластинкѣ. Съ возрастающимъ страхомъ продолжалъ онъ поиски, пока не вынужденъ былъ отказаться отъ нихъ.

Первая его мысль была объ Атмѣ. Атма долженъ ему помочь. Онъ обладалъ средствами найти то, для чего оказывалось бессильнымъ изумительное изобрѣтеніе. Онъ по-

бѣжалъ по переходамъ и пещерамъ, пока не нашелъ Атму разговаривающимъ съ Эрикомъ Труворомъ. Его слуха достигли слова, на которыя онъ въ своемъ возбужденіи едва обратилъ вниманіе.

— Пользуйся властью, не прибѣгая къ убійству!

— Если удастся, Атма! Я не хочу убивать. Но неужели же не использовать власть изъ-за того, что непокорные могутъ погибнуть.

— Нѣтъ! Мы отвѣтственны за пользование властью. Ея величіе позволяетъ намъ обойтись безъ убійства.

Его спокойныя слова подѣйствовали и на Сильвестра. Онъ явился въ комнату, озабоченный и взволнованный, движимый одной мыслью — просить у Атмы помощи. Теперь онъ позабылъ о своихъ заботахъ и подпалъ подъ вліяніе Атмы. Онъ сѣлъ, ожидая конца бесѣды. Атма короткое мгновеніе разсматривалъ его, и выраженіе глубокой жалости мелькнуло на его бронзовомъ лицѣ.

— Опасность не грозитъ Янѣ, — сказалъ онъ вполголоса.

Эрикъ Труворъ, казалось, едва слышалъ эти слова. Для Сильвестра они были бальзамомъ. Онъ неслышно повторялъ ихъ безчисленное количество разъ, все больше и больше сжимаясь въ креслѣ. Наступала реакція. Только теперь почувствовалъ онъ утомленіе послѣдняго времени, когда дни проходили въ мастерской, а ночи за постройкой антеннъ. Отдыхъ продолжался лишь нѣсколько часовъ. Его сердце билось все слабѣе, свинцовая усталость охватила тѣло въ то время, какъ онъ автоматически повторялъ: «Опасность не грозитъ Янѣ».

Словно во снѣ слышалъ Сильвестръ голосъ Эрика Трувора:

— Ты нуженъ мнѣ, Атма.

Индусъ наклонилъ голову.

— Я пойду, когда настанетъ время.

Слова его были прерваны неяснымъ гуломъ. Колебание потрясло ледяную гору, казалось, будто какой-то вихрь сталкиваетъ льдины. Полъ заколебался.

— Лучеиспускатель, — воскликнулъ Атма, прежде,

чѣмъ Эрикъ Труворъ или Сильвестръ могли вымолвить слово.

— Гдѣ онъ?

— Въ нижнемъ корридорѣ.

— Нужно вытащить его навверхъ. Снизу хлынетъ вода.

Индусъ уже спѣшилъ внизъ, за нимъ слѣдовали Эрикъ и Сильвестръ. Дорога къ нижнему корридору, примыкавшему къ лабораторіи и мастерскимъ, вела по широкимъ ледянымъ ступенямъ. Обычно это былъ легкій и удобный путь, теперь же по нему можно было пробираться лишь съ осторожностью. Вся гора повернулась подъ угломъ въ тридцать градусовъ и въ этомъ наклонномъ положеніи спускъ по скользкимъ ступенькамъ былъ крайне затруднителенъ.

На площадкѣ стоялъ маленькій лучеиспускатель, который они захватили изъ Америки.

Наконецъ, они достигли лабораторіи, уже на половину залитой водой. Однимъ прыжкомъ бросился Эрикъ Труворъ въ ледяную воду, добрался до большого аппарата и ударомъ кулака передвинулъ регуляторы на нулевое положеніе. Онъ хотѣлъ схватить аппаратъ и потащить его вверхъ по ступенямъ, — но было уже поздно. Съ минуты на минуту подымались бурлящія воды все выше и выше, гора дрожала отъ треска ломающихся льдинъ. Стоять уже нельзя было; Эрикъ вплавь добрался до лѣстницы.

Вода все прибывала. Упорно завоевывала она одну ступеньку за другой и трое друзей должны были спѣшить. Они ощущали при этомъ давленіе въ груди, шумъ въ ушахъ, ломоту во всѣмъ тѣлѣ; это указывало на сжатіе воздуха подъ давленіемъ воды. Становилось ясно, что входъ въ гору очутился подъ водой и что воздухъ теперь сгущался въ верхнихъ частяхъ тающихъ комнатъ.

На площадкѣ Атма схватилъ маленькій лучеиспускатель и прикрѣпилъ его къ поясу.

Казалось, что гора остановилась. Вода залила еще пять или шесть ступеней, потомъ притокъ воды прекратился.

Они остановились въ одной изъ верхнихъ комнатъ.

— Попали в западню, словно мыши. Чуть не утонули подобно имъ — съ сердцемъ крикнулъ Эрикъ Труворъ, ударивъ кулакомъ по столу.

Атма молча отправился в сосѣдную комнату и вернулся съ одеждой в рукѣ.

— Ты продрогъ и вымокъ, Эрикъ.

Что же случилось? Пока Эрикъ переодѣвался, Сильвестръ старался возстановить въ памяти событія. Уходя, онъ хотѣлъ перевести аппаратъ. Это было просто. Нужно было сначала перевести коммутаторъ, а потомъ цѣлевой включатель. Въ своемъ возбужденіи онъ совершилъ двѣ ошибки. Онъ передвинулъ коммутаторъ не на отдаленную цѣль, какъ нужно было, а на ближайшую. Изъ предосторожности она была удалена на сто метровъ, потому что, если бы можно было поставить коммутаторъ на нулевое положеніе, то энергія, сконцентрировавшись въ самомъ аппаратѣ, разорвала бы его и обслуживающаго его человѣка въ мелкіе клочья.

Сильвестръ, уходя, неправильно передвинулъ цѣлевой рычагъ, а затѣмъ совершилъ и вторую ошибку, поставивъ другой рычагъ, на полный токъ. Вторая ошибка была логическимъ слѣдствіемъ первой.

Лучеиспускатель былъ направленъ съ полюса на Дюсельдорфъ. Цѣлевая линія, какъ математическая прямая была направлена книзу. Благодаря неправильному включенію, десять милліоновъ киловаттъ въ формѣ тепловой энергіи оказали свое дѣйствіе на плотный полярный ледъ. Онъ сталъ таять, подъ ледяной горой образовалось все увеличивающееся пространство, наполненное водой. Потомъ тонкій ледяной покровъ не въ состояніи былъ выдержать тяжесть горы и съ трескомъ обрушился, заставивъ гору опуститься въ образовавшуюся воронку. Всѣ выходы при этомъ оказались глубоко подъ поверхностью воды.

Вернувшись, Эрикъ Труворъ засталъ Сильвестра и Атму въ тихой бесѣдѣ. Блѣдное лицо Сильвестра выдавало его душевныя страданія. Его тяготило сознаніе, что несчастіе произошло вслѣдствіе его неосторожности. При-

глушннымъ голосомъ сообщалъ онъ индусу средства, которыми можно было бы добиться освобожденія и, быть можетъ, возвращенія горы въ прежнее положеніе.

Атма внимательно слушалъ, сидя возлѣ него и держа его правую руку.

Эрикъ Труворъ молча усѣлся у стола. Онъ продолжалъ хранить молчаніе, но лицо его говорило о душевной бурѣ. Все глубже становились морщины на его лбу, презрительное выраженіе змѣнилось вокругъ губъ.

Сильвестру казалось, что онъ нашелъ правильный выходъ изъ положенія. Нужно было растопить гору настолько, чтобы она могла вернуться къ прежнему положенію. Онъ успокоился; легкая краска проступила на его лицѣ въ то время, какъ онъ набрасывалъ на бумагѣ чертежъ теперешняго положенія горы и намѣчалъ, какъ нужно шагъ за шагомъ производить растапливаніе горы.

Слова Эрика Трувора рѣзко прервали это объясненіе.

— Сколько времени это будетъ продолжаться? Сколько недѣль потеряемъ мы благодаря этому? Я сижу здѣсь въ западнѣ, отрѣзанный отъ міра... Я не въ состояніи узнать, что тамъ происходитъ... Не въ состояніи привести въ дѣйствіе власть своего аппарата, заставить выполнять мои приказы... Хороша власть, которая зависитъ отъ женскихъ капризовъ... Приказывать міру... Мы станемъ для него посмѣшищемъ...

Сильвестръ поблѣднѣлъ и сжался, словно каждое слово причиняло ему физическую боль.

— Прости меня, Эрикъ. Это была моя вина. Но я уже вижу путь къ спасенію.

— Путь къ спасенію?.. Словно въ этомъ дѣло... Я знаю, что мы не погибнемъ, пока у насъ хоть маленькій аппаратъ. Черезъ десять минутъ мы можемъ проложить себѣ дорогу. Пусть гора потомъ продолжаетъ стоять или еще глубже погрузится въ воду. Мы можемъ также при помощи аппарата добыть какой-нибудь аэропланъ и достигъ населенной области... Но мои планы откладываются на цѣлые мѣсяцы...

Эрикъ Труворъ вскочилъ возбужденный.

Трепетъ пробѣжалъ по тѣлу Сильвестра.

Атма всталъ и подошелъ къ Эрику Трувору, стараясь поймать его устремленный вдаль взглядъ, пока это ему не удалось.

— Кто далъ тебѣ власть?

Прошло нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ спрошенный отвѣтилъ;

— Аппаратъ.

— Кто создалъ аппаратъ?

Снова долгая пауза. Потомъ, колеблясь, и слегка пристыженный, Эрикъ отвѣтилъ:

— Сильвестръ... Ты правъ, Атма. Сильвестръ далъ намъ власть. Мы не должны сердиться на него, если теперь она пострадала отъ его оплошности.

— Я никогда на него не сердился, — сказалъ индусъ со своимъ обычнымъ спокойствіемъ, и прежде, чѣмъ Эрикъ Труворъ могъ возразить что-нибудь, продолжалъ:

— Не время спорить, нужно дѣйствовать. Твой планъ, Эрикъ, покинуть гору, вырвался сгоряча. Сильвестръ знаетъ лучшее средство — поднять гору и отсюда выполнить нашу миссію.

Слова Атмы были благоразумны. Эрикъ Труворъ не могъ не согласиться съ ними.

Нужно было вычислить имѣющіеся на лицо шансы.

Запаса воздуха въ пещерахъ должно было, по бѣглому подсчету, хватить минимумъ на недѣлю. Въ верхнемъ корридорѣ находился запасъ провіанта на нѣсколько недѣль. Но счастливой случайности тамъ же помѣщался складъ всевозможныхъ инструментовъ.

Положеніе было серьезно, но, по крайней мѣрѣ, для настоящаго времени не безвыходно.

Трижды былъ правъ Атма, указывая на необходимость скорѣйшаго дѣйствія. Наболѣе важнымъ являлось возстановленіе прежняго положенія горы.

Судьба словно хотѣла подурочить ихъ. Только что они были повелителями міра, строили планы, какъ оповѣстить его о своей волѣ, а теперь имъ приходилось обсуждать средства для спасенія собственныхъ жизней. Нужно было бороться съ ледянымъ покровомъ въ миліонъ кубическихъ метровъ, съ гигантской замерзшей массой, въ середину ко-

торой они были заключены, словно в гробницу египетской пирамиды.

Когда Яна заняла мѣсто на аэропланѣ по линіи Кельнъ-Стокгольмъ, докторъ Глоссинъ стоялъ въ толпѣ на аэродромѣ, — спрятавшись за кіоскомъ съ газетами. Аэропланъ былъ хорошо оборудованъ. Свыше ста двадцати пассажировъ, подымалось по алюминіевой лѣстницѣ.

Лишь въ послѣдній моментъ, когда команда хотѣла убрать лѣстницу, вышелъ онъ изъ своего тайника и послѣднимъ поспѣшилъ къ аэроплану. Тотчасъ-же послѣ этого завинтили дверь, машины заработали и аэропланъ снялся съ мѣста.

Только теперь сталъ онъ спокойно раамышлять о своемъ приключеніи и его возможныхъ послѣдствіяхъ. Почему Яна такъ внезапно покинула Дюссельдорфъ и отправилась въ Стокгольмъ? Ему и въ голову не пришло, что она ѣдетъ безъ опредѣленной цѣли, потерявъ голову. Онъ полагалъ, что ее вызвалъ Сильвестръ и что она теперь ѣдетъ на встрѣчу тремъ друзьямъ. Сильвестръ, вѣроятно, будетъ ждать Яну на аэродромѣ. Можетъ быть, въ Стокгольмѣ, — можетъ быть, въ Гапарандѣ. Во всякомъ случаѣ неизбѣженъ былъ моментъ, когда Сильвестръ приблизится къ аэроплану, чтобы встрѣтить жену. Остальные, навѣрно, тоже будутъ по близости. Докторъ почувствовалъ какъ у него прошелъ морозъ по спинѣ при этой мысли.

Многолѣтняя школа политическихъ интригъ не прошла для него даромъ. Вынужденный появляться подъ разными масками, онъ мастерски владѣлъ способами измѣненія наружности. Не примѣняя искусственныхъ бородъ и париковъ, излюбленныхъ неуклюжими новичками и съ перваго взгляда разоблачаемыхъ всякимъ полицейскимъ агентомъ, онъ употреблялъ лишь краску для волосъ, измѣненную прическу и костюмъ европейскаго покроя, замѣтно разнившійся отъ американской одежды. Къ этому прибавля-

лась еще его способность по желанію измѣнить выраженіе лица. Бывшій нью-іоркскій житель докторъ Глоссинъ превратился въ равнодушнаго европейца, путешествовавшаго по дѣлашъ.

Для людей, знавшихъ его лишь поверхностно, это измѣненіе должно было быть естественнымъ. Но онъ не сомнѣвался, что испытующіе взгляды Яны сразу же узнаютъ его. Въ томъ же, что Сильвестръ и Атма съ одного взгляда узнаютъ его, онъ былъ увѣренъ, но рассчитывалъ, что опьяненные радостью встрѣчи, они мало станутъ обращать вниманія на пассажировъ.

Аэропланъ спустился на стокгольмскій аэродромъ. Докторъ Глоссинъ остался у окна, наблюдая покинувшихъ его пассажировъ и встрѣчающую публику. Яну никто не встрѣтилъ, и сама она, казалось, не ожидала этого. Задавъ краткій вопросъ служащему, она направилась къ аэроплану Стокгольмъ-Гапаранда, готовому къ отлету. Глоссинъ послѣдовалъ за ней и снова занялъ мѣсто въ курительной каютѣ.

Яна отправлялась въ Гапаранду, откуда прямой путь велъ въ Линней. Онъ рѣшилъ, что они еще скрываются вблизи Линнея и что Яна отправляется туда по зову своего мужа. Въ Гапарандѣ она пересѣла въ поѣздъ и взяла билетъ до Линнея. Онъ сдѣлалъ то же и поѣхалъ на сѣверъ, отдѣленный отъ нея лишь стѣной вагона.

Наконецъ, Яна вышла на Линнейскомъ вокзалѣ. Однако, и здѣсь никто ее не встрѣтилъ. Докторъ сталъ сомнѣваться. Что мѣшало мужу встрѣтить свою жену хотя бы здѣсь?

Докторъ Глоссинъ увидѣлъ, какъ Яна пересѣкла вокзальную площадь, подошла къ какому-то экипажу, сговорила съ возницей и уѣхала. Неужели она въ послѣдній моментъ ускользнетъ отъ него? Неужели экипажъ увезетъ ее въ какой-нибудь новый, неизвѣстный тайникъ? Неужели онъ, Глоссинъ, вернется изъ Линнея не солоно хлебавши? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Онъ долженъ слѣдовать за Яной, узнать куда она отправляется, гдѣ останется. Онъ тоже нанялъ экипажъ, приказавъ возницѣ слѣдовать за первымъ на нѣкоторомъ разстояніи.

Первый экипажъ остановился и порожнякомъ направился обратно въ Линней. Яна вышла и стала подниматься по горному склону. Онъ велѣлъ своему экипажу дожидаться и послѣдовалъ за ней. Отъ времени до времени ея платье мелькало среди кустовъ. Дорога легкими извивами вела къ трупповскому дому.

Онъ увидѣлъ, какъ Яна опустилась на колѣни, передъ почернѣвшими отъ ярости огня обломками. Она уронила сумочку и телефонный аппаратъ и дрожащими руками гладила развалины.

Домъ, въ которомъ она провела счастливѣйшій день въ своей жизни, свой свадебный день, превратился въ опаленныя пожаромъ руины. Цвѣтушій садъ былъ уничтоженъ огнемъ... Ея мужъ исчезъ. Никакихъ вѣстей о немъ.

Потрясеніе было слишкомъ велико. Она потеряла сознание.

Докторъ Глоссинъ увидѣлъ, какъ она упала, но не тронулся съ мѣста. Онъ ожидалъ, что съ минуты на минуту покажется Сильвестръ или самый опасный изъ всѣхъ трехъ — Эрикъ Труворъ.

Время проходило. Ничто не двигалось. Тогда правда постепенно стала открываться ему. Онъ понялъ, что Яна по собственному почину покинула Дюссельдорфъ, отправилась въ это мѣсто, бывшее пріютомъ трехъ друзей и не выдержала, увидѣвъ его разрушеннымъ и опустѣвшимъ. Никто не ожидалъ ее здѣсь. Безпомощно лежала она въ лѣсу, предоставленная его власти.

Докторъ Глоссинъ приблизился къ Янѣ. Онъ хотѣлъ поднять ее и снести съ горы, когда взглядъ его упалъ на телефонный аппаратъ. Быстро включилъ онъ токъ... и услышалъ хорошо знакомый голосъ... голосъ Сильвестра.

Былъ четвертый часъ пополудни. Сильвестръ на полюсъ натянулъ антенны и разыскивалъ Яну, но не могъ ее найти. Шаря лучеиспускателемъ по улицамъ Дюссельдорфа, онъ произносилъ слова отчаянія и любви... слова предназначенныя Янѣ и услышанныя Глоссиномъ.

— Яна, моя любовь, гдѣ ты? Я не вижу тебя! Твоя комната пуста... Я ищу... Всѣ улицы, всѣ площади проходятъ передо мной... Нѣтъ лишь тебя!..

Я не знаю, гдѣ ты! Можетъ быть, ты слышишь мой голосъ. Я буду искать, пока не найду, обыщу весь міръ...

Глоссинъ струсилъ. Какъ далеко зашло это ужасное открытіе. Они могутъ видѣть изображеніе всего свѣта. Сильвестръ ищетъ въ Дюссельдорфѣ, но ему стоитъ только поискать въ Линнеѣ и онъ увидитъ своего давняго врага и сумѣетъ — Глоссинъ ни минуты въ этомъ не сомнѣвался — превратить его въ пепелъ. Глоссинъ отшвырнулъ телефонъ, словно раскаленное желѣзо.

Прочь отсюда! Какъ можно скорѣе прочь изъ этого мѣста, которое въ слѣдующую секунду можетъ стать видимо тремъ друзьямъ.

Онъ бросился къ Янѣ, провелъ руками по ея лбу и вискамъ, подчиняя ее своему вліянію. Съ его помощью она встала. По его приказанію она забыла обо всемъ случившемся.

Экипажъ быстро привезъ ихъ въ Линней. Онъ былъ рассчитанъ только на одного пассажира. Во время ѣзды ему пришлось тѣсно прижать ее къ себѣ, этимъ окончательно былъ закрѣпленъ гипнозъ.

Когда Яна въ Линнеѣ вышла изъ экипажа, она была спокойной молодой дамой, путешествующей со своимъ дядей. Воспоминаніе о Сильвестрѣ, о труворовскомъ домѣ, обо всемъ, когда либо причиненномъ ей Глоссиномъ горѣ, совершенно исчезло.

Опасное открытіе, дающее власть надъ міромъ одному человѣку, было закончено. Послѣ слышанныхъ имъ по телефону словъ въ этомъ не оставалось никакихъ сомнѣній.

Цирусъ Стонардъ запоздалъ со своимъ объявленіемъ войны. Эти трое не только были живы, но обладали властью сдѣлать безсильной игру диктатора.

Пора было разстаться съ Цирусомъ Стонардомъ, перейти на сторону англичанъ. Для этого необходимо было отправиться въ Лондонъ. Но вслѣдствіе войны всякое воздушное сообщеніе было прервано.

Чтобы попасть въ Англию, нужно было использовать желѣзнодорожный туннель между Калэ и Дувромъ

Черезъ нѣсколько часовъ Глоссинъ и Яна прибыли въ Калэ. Аэропланъ снизился возлѣ идущаго въ Лондонъ по-

ѣзда. Только небольшая дверца отдѣляла аэродромъ отъ вокзала. Но было далеко не такъ просто пройти черезъ нее. По ту сторону ея, тамъ, гдѣ стоялъ поѣздъ, фактически начиналась Англія. Контроль былъ чрезвычайно строгъ. Многіе тѣснились къ дверямъ, но нѣкоторыхъ отправляли обратно.

Докторъ Глоссинъ не спѣшилъ. Слегка поддерживая Яну, онъ спокойно стоялъ и осматривался вокругъ.

Море не было видно отсюда. Оно находилось въ трехъ километрахъ; кромѣ того, оно было заслонено бассейнами, всегда наполненными морской водой; такіе же бассейны находились и по другую сторону канала — у англичанъ — и должны были въ нѣсколько минутъ наполнить туннель въ случаѣ открытія военныхъ дѣйствій между Англіей и Франціей и попытки той или иной стороны проникнуть черезъ туннель во владѣнія противника. Докторъ Глоссинъ съ улыбкой смотрѣлъ на эти устарѣвшія ухищренія. Теперь война велась иначе.

Онъ думалъ о чумныхъ бомбахъ, о фальшивыхъ банкнотахъ. Время за этимъ прошло незамѣтно. У калитки стало свободнѣе. Съ карточкой въ рукѣ, поддерживая Яну, онъ шагнулъ черезъ калитку. Англійскіе чиновники, бросивъ на документъ короткій взглядъ, почтительно дали ему дорогу. Они знали подпись премьеръ-министра лорда Гашфорда.

Пятью минутами позже поѣздъ тронулся, нырнулъ во мракъ туннеля, пробѣжалъ тридцать километровъ подъ водой во столько же времени и помчался затѣмъ къ Лондону по Кентерберійскимъ полямъ.

Пожилой господинъ въ сопровожденіи молодой дамы занялъ номеръ въ большомъ лондонскомъ отелѣ. Онъ назвалъ себя докторомъ Глоссиномъ изъ Абердина, а ее своей племянницей. Свѣдѣнія, которыя онъ далъ дежурному служащему о себѣ, были настолько безупречны, что заявленіе о потерѣ бумагъ племянницы безъ дальнѣйшихъ околичностей было принято на вѣру.

По улицамъ Лондона носились неясные слухи. Рассказывали, будто американская эскадра уничтожила въ Африкѣ новыя англійскія промышленныя сооруженія въ районѣ Килиманджаро. Нападеніе на бабъ-эль-мандебскую дорогу нанесло англійскимъ подводнымъ крейсерамъ тяжелыя потери. Другіе слухи говорили о пораженіи англичанъ у береговъ Австраліи и на Капштадтскомъ рейдѣ.

Члены англійскаго правительства собрались въ зданіи военнаго министерства, чтобы обсудить положеніе.

Нападеніе американскихъ воздушныхъ силъ на молодую англо-африканскую военную промышленность дѣйствительно имѣло мѣсто. Огромное количество аэроплановъ внезапно появилось съ восточнаго берега, прорвали сравнительно слабую заградительную линію англичанъ и сбросили воздушныя торпеды. Такія нападенія были возможны, но оставалось необъяснимымъ, откуда взялась эта громадная эскадра.

Сэръ Винцентъ Рэшбрукъ прочиталъ послѣднія телеграммы:

— Сорокъ три градуса восточной долготы, два градуса южной широты. Американцы, сбросивъ торпеды, направляются къ морю, внезапно исчезаютъ въ водѣ. Подозрѣваемъ подводную станцію. А. Б. 317.

Вторая телеграмма была дана десятью минутами позже съ этого же аэроплана:

«Обнаружена подводная станція сорокъ два градуса тринадцать минутъ восточной долготы».

На этомъ телеграмма обрывалась. Изъ сообщеній другихъ аэроплановъ выяснилось, что А. Б. 317 рухнулъ внизъ, объятый пламенемъ.

Лордъ Гашфордъ попробовалъ формулировать мысли, занимавшія всѣхъ членовъ кабинета.

Почему Цирусъ Стонардъ не нападаетъ на насъ въ Англии? Мы считали Африку самой надежной частью

страны. Наши агенты узнали о планѣ американцевъ совершить нападеніе на острова съ запада. Исландскій меридіанъ образовалъ такимъ образомъ прифронтую полосу. Что могло заставить диктатора отказаться отъ столь долго подготовлявшагося плана, оставить Британскіе острова въ покоѣ и напасть на насъ въ Африкѣ?

Все еще держа въ рукѣ обѣ телеграммы съ А. Б. 317, сэръ Винцентъ Рэшбрукъ подошелъ къ глобусу.

— Похоже на то, что американцы имѣютъ подводную станцію на экваторѣ или на восточномъ берегу Африки. Если это такъ, господа, то Цирусъ Стонардъ обосновался въ центрѣ нашего могущества. Отсюда... — адмиралъ взялъ маленькій циркуль и сталъ водить имъ по глобусу — онъ въ одинаковой мѣрѣ грозитъ нашимъ африканскимъ владѣніямъ, морскому и воздушному гүти въ Индію и самой Индіи. Послѣдняя телеграмма съ А. Б. 317, къ сожалѣнію не окончена. Но мы знаемъ долготу. Станція не можетъ находиться очень далеко отъ экватора. Я считаю ея уничтоженіе нашей неотложной задачей. Оно должно теперь предшествовать всѣмъ другимъ военнымъ дѣйствіямъ. Наши воздушныя силы на Исландскомъ меридіанѣ большей частью могутъ быть убраны оттуда, благодаря измѣненію плана американцевъ. Я хотѣлъ бы приказать обыскать меридіанъ сорокъ два градуса тринадцать минутъ. Подводную станцію всегда можно найти. Найдя ее, мы, тѣмъ самымъ обрекаемъ ее на уничтоженіе.

Адмиралъ замолчалъ, ожидая одобренія кабинета этой, при данныхъ обстоятельствахъ столь рискованной мѣрѣ — ослабленію заградительной линіи надъ Исландскимъ меридіаномъ.

— Бы спрашиваете, — заговорилъ лордъ Горацій Мейтландъ — почему Цирусъ Стонардъ измѣнилъ свои планы, почему онъ избѣгаетъ нашихъ острововъ и ведетъ войну на южномъ полушаріи. Я хочу попытаться коротко и ясно объяснить вамъ причины этого. Онъ дѣлаетъ это потому, что выступленіе полковника Троттера не удалось, потому что сообщеніе объ успѣхѣ его экспедиціи, ложно, потому что власть, въ уничтоженіи которой Англія заин-

тересована также, какъ и Америка, еще существуетъ и Цирусъ Стонардъ ея боится.

Его слова произвели на членовъ кабинета колоссальное впечатлѣніе. Лордъ Гашфордъ вскочилъ, забывъ обычное спокойствіе. Военный министръ пытался защитить полковника Троттера. Одинъ только лордъ Горацій остался на мѣстѣ и продолжалъ спокойнымъ, убѣдительнымъ голосомъ:

— Я высказался относительно мало удачнаго выбора полковника Троттера для этой экспедиціи. Его обманули, и американцы, вѣроятно, знали объ этомъ. Послѣ того, что я слышалъ отъ американцевъ объ этихъ трехъ въ Линнеѣ — я считаю невыносимымъ, чтобы они дали старому офицеру, какъ Троттеръ, сжечь себя въ своемъ домѣ. Его сообщеніе, правда, звучало вполне правдоподобно, но оно не убѣдило ни меня, ни, вѣроятно, доктора Глоссина и Цируса Стонарда.

Сэръ Винцентъ Рэшбрукъ нашелъ возможность во время словъ лорда Горація снова застегнуть свою саблю. Его лицо изъ краснаго стало багровымъ и онъ разразился тирадой.

— Неужели человѣкъ, владѣющій своими пятью чувствами, можетъ хоть на мгновеніе повѣрить, что три слабыхъ человѣка опасны міровому могуществу? Мнѣ очень жаль Цируса Стонарда, если подобныя сообщенія его тревожатъ.

Лордъ Горацій спокойно далъ желчному адмиралу высказаться и безстрастно продолжалъ:

— Цирусъ Стонардъ информированъ лучше, нежели мы, благодаря доктору Глоссину. Глоссинъ единственный человѣкъ, знакомый съ этимъ открытіемъ съ самаго начала. Онъ знаетъ гораздо лучше насъ, какъ далеко простирается его дѣйствіе. Доказательствомъ тому служитъ измѣненіе военнаго плана американцевъ. Направленныя противъ Британскихъ острововъ боевыя силы теперь отозваны. Диктаторъ боится, какъ бы эти трое здѣсь не помѣшали ему и поэтому перенесъ наступленіе въ южное полушаріе, гдѣ онъ чувствуетъ себя въ безопасности отъ власти трехъ...

Лордъ Гашфордъ прервалъ его.

— Если вы правы, то поведение диктатора еще болѣе непонятно. Какъ можетъ онъ пускаться въ войну съ нами, опасаясь власти этихъ трехъ?

— Объясненіе этому нужно искать въ самомъ существѣ диктатора. Цирусъ Стонардъ, безъ сомнѣнія, величайшій государственный дѣятель XX вѣка. Со временъ Георга Вашингтона никто столько не дѣлалъ для Штатовъ. Если бы не честолюбивое желаніе сдѣлаться диктаторомъ и остаться имъ, онъ стоялъ бы въ исторіи рядомъ съ Вашингтономъ или даже выше его.

Честолюбіе и жажда власти ослѣпили его. Онъ томитъ народъ, привыкшій къ свободѣ въ теченіе полутора вѣковъ, подъ игомъ безграничнаго абсолютизма. Но онъ сидитъ на вулканѣ. Ему постоянно нужны новые успѣхи. Если ихъ нѣтъ — конецъ его диктаторству. Онъ играетъ ва-банкъ. Свободолюбивые американцы переносили гнетъ, пока еще свѣжи были воспоминанія о позорномъ пораженіи въ войнѣ съ Японіей и пока Цирусъ Стонардъ увеличивалъ богатство и могущество Америки. Его власть не можетъ обойтись безъ непрерывныхъ внѣшнихъ успѣховъ.

Послѣ побѣды надъ Японіей, Англія осталась единственной соперницей. Всякому, знающему личность Цируса Стонарда, должно быть ясно, что онъ будетъ пытаться уничтожить ее. Послѣ этого онъ достигъ бы вершины могущества. Америка господствовала бы надъ міромъ, Цирусъ Стонардъ былъ бы повелителемъ Америки.

Онъ началъ войну, какъ полководецъ, который сомнѣвается въ успѣхѣ, но предпочитаетъ скорѣе умереть во главѣ своей гвардіи, чѣмъ отступить. Цирусъ Стонардъ стоитъ на границѣ между геніемъ и безуміемъ, и, вѣроятно, уже перешагнулъ ее въ опасную сторону.

Слова лорда Мейтланда оказали свое дѣйствіе на членовъ кабинета. Они видѣли фигуру диктатора во всемъ ея величіи, но и со всѣми ея слабостями и страданіями. Вопросъ военнаго министра снова вернулъ ихъ къ дѣйствительности:

— Что намъ дѣлать теперь? Развѣ мы не должны защищаться? Неужели мы должны положиться на таинственную власть, существованіе которой по меньшей мѣрѣ

дѣло личнаго взгляда? Было бы недостойно Англіи и англійской исторіи, если бы мы въ смутной надеждѣ на сверхъестественную помощь не сдѣлали бы всего необходимаго для защиты родины.

Сэръ Винцентъ Рэшбрукъ проговорилъ:

— Нашъ Исландскій флотъ долженъ сомкнутыми рядами напасть на Нью-Йоркъ. Мы превратимъ пятнадцатимилліонный городъ въ пепель. Это отобьетъ у диктатора аппетитъ къ Индіи и Африкѣ.

Лордъ Горацій снова взялъ слово.

— Я здѣсь нахожусь въ своеобразномъ положеніи. Я занимался этими вопросами больше, чѣмъ кто-либо другой изъ членовъ кабинета. И я говорю вамъ... подумайте о моихъ словахъ, господа... Мы въ ближайшее время почувствуемъ вмѣшательство этой власти. Я считаю правильнымъ ограничиться только защитой.

Слова лорда Мейтланда не смогли поколебать кабинетъ. Послѣднія телеграммы объ американскомъ нападеніи на Индію дѣлали всякую выжидательную позицію вредной. Индія была самымъ уязвимымъ мѣстомъ Великобританіи. Осмѣлившійся напасть на нее долженъ былъ быть уничтоженъ.

Англійскій премьеръ приказалъ своему секретарю:

— Я ожидаю четвертаго лорда адмиралтейства. Всѣ остальные посѣтители должны ждать.

Секретарь не удивился этому приказу. Положеніе лорда Мейтланда въ англійскомъ кабинетѣ значительно укрѣпилось за послѣднія недѣли. Его точныя свѣдѣнія объ американскихъ дѣлахъ дѣлали его важнымъ членомъ кабинета.

Лордъ Гашфордъ думалъ о сдѣланныхъ лордомъ Мейтландомъ на послѣднемъ засѣданіи кабинета сообщеніяхъ. Когда лордъ Горацій вошелъ въ рабочій кабинетъ премьера, тотъ пошелъ ему на встрѣчу:

— Ваши взгляды о побужденіяхъ американскаго диктатора правильны. Если его дѣйствія вообще логически обоснованы, они могутъ быть объяснены только такъ, какъ вы это недавно сдѣлали. Я хотѣлъ бы въ вашемъ присутствіи принять посѣтителя, намѣренія котораго мнѣ не ясны. Докторъ Глоссинъ велѣлъ доложить о себѣ.

Лордъ Горацій не могъ скрыть своего изумленія.

— Докторъ Глоссинъ здѣсь? Неужели онъ является вѣстникомъ мира?

Секретарь ввелъ въ комнату доктора Глоссина. Онъ вошелъ съ непринужденностью много путешествовавшего свѣтскаго человѣка, сердечно привѣтствовалъ лорда Горація какъ стараго знакомаго, не стѣсняясь присутствіемъ премьеръ-министра, освѣдомился о здоровьи леди Діаны и повелъ разговоръ съ такой легкостью, словно находился на фэйвъ-о-клокѣ, а не въ кабинетѣ министра. Оба англичанина впали въ его тонъ, хотя внутренне сгорали отъ нетерпѣнія узнать о цѣли посѣщенія. Лордъ Горацій подвинулъ доктору сигары и зажигалку. Глоссинъ воспользовался тѣмъ и другимъ не спѣша, со спокойной самоувѣренностью.

— Господа, я считаю эту войну безуміемъ. Только безграничное честолюбіе одного человѣка заставляетъ воевать два родственныхъ народа.

Англичане не произнесли ни слова, только легкимъ кивкомъ выражая согласіе. Докторъ продолжалъ:

— Я хотѣлъ бы пояснить примѣромъ. Міръ принадлежитъ одной большой фирмѣ English-Speaking. Эта фирма имѣетъ двухъ представителей. Сегодня — это два враждебно настроенныхъ брата, подкапывающихся другъ подъ друга во вредъ дому. Фирма можетъ процвѣтать лишь въ томъ случаѣ, если ея руководители дѣйствуютъ единодушно. Не слѣдовало ли бы одному изъ представителей вести все дѣла?

Докторъ Глоссинъ замолчалъ и съ чрезвычайнымъ вниманіемъ сталъ разсматривать свою сигару.

— Враждующіе братья въ этомъ сравненіи — Англія и Америка?

Докторъ Глоссинъ отвѣтилъ кивкомъ на вопросъ лорда Гашфорда. Премьеръ продолжалъ:

— Который изъ двухъ долженъ уступить?

Глоссинъ опять завозился съ сигарой прежде чѣмъ отвѣтитъ — медленно, тщательно взвѣшивая каждое слово.

— Въ коммерціи это сдѣлалъ бы наименѣе опытный, наименѣе дѣльный... скорѣе всего младшій.

Лордъ Горацій прервалъ его.

— Вы думаете, что Цирусь Стонардъ когда-либо добровольно уступить?

Если не добровольно, то подчиняясь силѣ.

— Это значило бы низвергнуть Стонарда. Онъ никогда не сдастся добровольно.

— Ради этого я здѣсь.

Рѣшительное слово было сказано. Нельзя было не замѣтить его дѣйствія на премьера. Лордъ Горацій не измѣнился внѣшне, только мысль его лихорадочно заработала. Онъ знаетъ, что таинственная власть работаетъ, что въ ближайшее время, можетъ быть черезъ пару дней, нуженъ будетъ только легкій толчекъ, чтобы сбросить диктатора. Онъ во время смѣнилъ вѣхи!.. Во всякомъ случаѣ, его дѣятельность можетъ принести Англїи пользу...

Лордъ Гашфордъ спросилъ:

— Какъ это произойдетъ?

— Это мое дѣло.

— Вы хотите это выполнить? А чѣмъ должна будетъ отплатить вамъ Англїя въ случаѣ удачи?

— Ничѣмъ!

— Чего же вы хотите за это?

— Дружбы Англїи.

Лордъ Гашфордъ протянулъ доктору руку.

— Въ ней вы можете быть увѣрены. Всѣ средства, которыми мы обладаемъ, будутъ къ вашимъ услугамъ. Лордъ Мейтландъ переговоритъ съ вами о деталяхъ.

— Это все, господинъ докторъ?

— Все, милордъ.

— Желаю вамъ полного успѣха на благо Великобританїи!

— Благодарю. У меня есть еще личная просьба къ вамъ. Со мной въ Лондонѣ находится моя племянница, миссъ Яна Гарте. Мое пребываніе въ Штатахъ можетъ за-

тянуться. Я привезъ ее сюда въ предвидѣніи наступающихъ перемѣнъ. Я ея единственный родственникъ, и она моя единственная отрада. Если бы я зналъ, что она найдетъ убѣжище въ вашемъ домѣ... у леди Діаны, я былъ бы вамъ благодаренъ больше, чѣмъ могъ бы выразить на словахъ.

— Я приму эту даму въ моемъ домѣ, какъ гостью. Она будетъ у насъ въ безопасности, пока вы не вернетесь изъ Штатовъ, господинъ докторъ.

Докторъ Глоссинъ пожалъ руку лорда Мейтланда.

— Благодарю васъ, милордъ. Очень сожалью, что не могу лично благодарить леди Діану...

Докторъ Глоссинъ отправился предавать человѣка, которому былъ обязанъ въ теченіе двадцати лѣтъ своимъ благосостояніемъ.

Съ того времени, какъ леди Діана узнала о смерти Эрика Трувора и подъ наплывомъ охватившихъ ее чувствъ раскрыла передъ лордомъ Гораціемъ свое прошлое, отношенія супруговъ измѣнились. Она скрылась въ Мейтландъ Каastle, онъ остался въ Лондонѣ, чтобы съ удвоеннымъ усердіемъ посвятить себя государственнымъ дѣламъ. Къ этому его побуждала не только забота о родинѣ, но и желаніе оглушить себя напряженной работой, въ постоянной дѣятельности найти спасеніе отъ мучительной мысли, не покидавшей его со времени того разговора.

Съ мертвымъ онъ скоро примирился. Онъ сумѣлъ, съ просвѣтленнымъ спокойствіемъ созрѣвшаго человѣка понять и простить то, что сдѣлала Діана, желая облегчить разлуку съ жизнью другу своей юности, человѣку, женой котораго она должна была стать.

Онъ мучился изъ-за другого, изъ-за живого, котораго Діана считала мертвымъ, но къ дѣлу уничтоженія котораго все же приложила руку.

Была ли эта ненависть искренна? Могла ли она ненавидеть его? Не была ли то любовь, замаскированная и снова готовая вспыхнуть?

Эрикъ Труворъ былъ живъ. Какъ приметъ Діана вѣсть о его спасеніи?

Она страшилась наступающаго часа и все-таки желала его.

Извѣстіе, вызывающее Діану въ Лондонъ, застало ее въ Мейтландъ Каствль около четырехъ часовъ пополудни.

Факсимиле химическаго аппарата воспроизводило характерный почеркъ ея мужа.

«Прошу тебя немедленно пріѣхать въ Лондонъ».

Что значило это посланіе? Горацій звалъ ее... Зачѣмъ?

Ея грудь вздымалась подъ напоромъ противорѣчивыхъ чувствъ. Со времени объясненія она больше не видѣла мужа. По безмолвному соглашенію она подвергла себя добровольному изгнанію.

Женскимъ чутьемъ она понимала, что мужчина, даже такой великодушный, какъ ея мужъ, не можетъ легко и просто перешагнуть черезъ то, что она ему открыла. Поэтому она ждала... терпѣливо, день за днемъ. И чѣмъ дольше она ждала, тѣмъ сильнѣе угнетала ее мука ожиданія. Ея любовь къ Горацію была такъ сильна и чиста, что ей ни на мгновеніе не приходила мысль, что у ея мужа есть другія заботы. Знай она это, какъ легко было бы ей разсѣять его подозрѣнія!

Быстрый автомобиль уносилъ въ Лондонъ Діану Мейтландъ съ ея сомнѣніями и надеждами.

Не заходя на свою половину, она прошла въ рабочій кабинетъ мужа.

Лордъ Горацій сидѣлъ у письменнаго стола, лицомъ къ окну.

Діана окинула его взглядомъ.

О чемъ онъ думаетъ?.. Какова будетъ встрѣча?..

Она беззвучно произнесла:

— Горацій!

Звукъ не достигъ его слуха.

— Горацій!

— Діана!

Лордъ Горадій вскочилъ. Супруги стояли другъ противъ друга. Ихъ взгляды встрѣтились, потомъ разошлись.

Сердце Діаны сжалось. То, чего она ждала, на что надѣялась... того не было! Условная улыбка заиграла на ея губахъ, когда она сказала:

— Ты вызвалъ меня, Горацій.

Они коснулись другъ друга руками, но ни одинъ не почувствовалъ пожатія.

— Благодарю тебя за пріѣздъ, Діана! Меня заставила вызвать тебя просьба, касающаяся насъ обоихъ. Сегодня утромъ я имѣлъ собесѣдованіе съ докторомъ Глоссинномъ.

Діана насторожилась.

— Докторъ Глоссинъ? Какъ онъ попалъ сюда? Вѣдь война. Какъ вѣстникъ мира?.. По порученію Стонарда?

— Нѣтъ!

— Нѣтъ? Почему же онъ здѣсь?

— Чтобы предать Цируса Стонарда?

— А!..

Возбужденная разговоромъ леди Діана все еще стояла, лордъ Горацій подвинулъ ей кресло.

— А... Это примиряетъ меня съ нимъ. Какое счастье, если мы сумѣемъ избѣжать войны, этой бессмысленной борьбы, которая превратитъ сотни тысячъ англичанокъ во вдовъ, ихъ дѣтей въ сиротъ! Если это удастся доктору, ему многое простится... даже все.

Лордъ Горацій задумчиво покачалъ головой.

— Дѣло обстоитъ не совсѣмъ такъ, какъ ты думаешь.

— Что ты хочешь сказать?

— Война и безъ этого была бы закончена въ самое ближайшее время.

— Какимъ образомъ?

— Благодаря власти тѣхъ трехъ въ Линнеѣ,

Діана Мейтландъ откинулась въ креслѣ, поблѣднѣвъ, съ неестественно расширившимися глазами.

— Значитъ, они не погибли?

— Мы надѣялись на это...

— Они живы?

— Да, они доказали это. Наши станціи должны радіографировать ихъ приказы.

— Что это за приказы?

— «Поднявшій мечъ отъ меча погибнетъ». Власть предупреждаетъ противъ войны.

Лордъ Горацій оборвалъ рѣчь, увидѣвъ, какъ закрылись глаза его жены и заиграла на губахъ радостная улыбка. Въ этотъ моментъ она была похожа на счастливаго ребенка, чье завѣтное желаніе было исполнено. Онъ подумалъ: «Эрикъ Труворъ».

Леди Діана заговорила, какъ во снѣ.

— А!.. Тѣ трое въ Линнеѣ... Они живы... Живы и работаютъ на благо міра.

— На благо?

— А развѣ не благо, если удастся избѣжать войны, безсмысленной рѣзни и грабежа?..

— На первый взглядъ, можетъ быть, но послѣдствія не замедлятъ оказаться. Какъ это скажется на будущемъ?

— Міръ станетъ раемъ!

— Ты думаешь!

— Само собой разумѣется.

— А я нѣтъ... Не вѣрю... Не могу вѣрить...

— Чему?

— ...Не могу вѣрить, что человѣкъ, которому случай дастъ въ руки такую власть, не злоупотребитъ ею.

— Злоупотребитъ?

— Да, чтобы превратить въ рабовъ подчиненные ему народы, чтобы стать властителемъ міра.

Лордъ Горацій произнесъ эти слова задумчиво и печально.

— Ты опасаясь, что... Нѣтъ! Эрикъ Труворъ? Нѣтъ!

Возбужденные разговоромъ, они поднялись съ мѣстъ и, тяжело дыша, стояли другъ противъ друга.

— Никогда! Никогда!! — повторяла Діана съ возрастающимъ убѣжденіемъ.

— Но вѣдь тогда онъ сверхчеловѣкъ.

Діана высокомерно рассмѣялась.

— Сверхчеловѣкъ?.. Нѣтъ! Онъ просто человѣкъ.

— А мы? — покорно спросилъ лордъ Мейтландъ.

Діана положила ему руки на плечи.

— Вы?.. Вы, Горацій... Вы — политики... Ваши мысли не выходятъ за предѣлы собственныхъ интересовъ. А онъ работаетъ для будущаго, онъ думаетъ о вѣчности.

— Ты знаешь его, а я нѣтъ. Ты была близка къ нему... Ты женщина... Мы, мужчины, проще смотримъ на вещи. Говорю тебѣ, на землѣ не будетъ рая... Это только будетъ несчастьемъ для всего міра.

— Если бы онъ былъ похожъ на васъ... Но онъ усовершенствованный человѣкъ... Онъ обратитъ свою власть только на благо человѣчества... Да, я знаю его! Онъ съ чистымъ сердцемъ подходитъ къ выполненію великой задачи. Онъ ничего не хочетъ для себя, все для человѣчества! Онъ — Эрикъ Труворъ!! Это имя говоритъ мнѣ все.

Лордъ Горацій не высказалъ, что и ему это имя говоритъ слишкомъ много.

Онъ устало махнулъ рукой.

— Пусть будетъ такъ, Діана! Къ чему спорить? Вернемся къ цѣли нашего собесѣданія. Докторъ Глоссинъ, уѣзжая, оставилъ въ Лондонѣ свою племянницу, миссъ Яну Гарте. Я обѣщаль ему пріютить ее у насъ до его возвращенія. Молодая дѣвушка здѣсь въ домѣ. Я пойду и приведу ее сюда.

Эрикъ Труворъ взялся за разслѣдованіе. Основаніе ледяной горы опустилось въ воду и затѣмъ снова укрѣпилось тамъ. Конечно, даже съ маленькимъ лучеиспускателемъ легко было пробить путь въ толщѣ льда.

Но они находились въ сгущенной атмосферѣ. Воздухъ въ ледяныхъ пещерахъ былъ сжатъ вдвое противъ обычнаго. Высокое давленіе уже стало привычнымъ для ихъ легкихъ, и если бы они теперь внезапно очутились на свободѣ, быстрое уменьшеніе давленія повлекло бы за собою смерть. Сжатый воздухъ въ ихъ тѣлахъ буквально взорвалъ бы ихъ.

Но и постепенное уменьшение воздушного давления не гарантировало спасения. Они не знали, до какой высоты достигает вода с наружной стороны горы, на сколько глубоко гора затонула. Могло случиться, что вода достигает верхняго этажа. Тогда ихъ потопить, какъ мышей въ мышеловкѣ.

Сильвестру удалось найти средство, чтобы избѣжать всѣхъ этихъ затрудненій.

— Мы должны растопить гору, все ея массивное внутреннее ядро. Должна остаться только легкая скорлупа, полъ и стѣны, которые бы ее поддерживали. Тогда гора всплываетъ...

Планъ былъ хорошъ, но возникали затрудненія съ доступомъ воздуха. Небольшого количества его, находившагося въ корридорахъ, не могло хватить на заполнение всей внутренней полой горы.

Пришлось поэтому добыть съ большимъ трудомъ насосъ изъ наполовину затопленнаго корридора и накачивать воздухъ извнѣ.

Успѣхъ не замедлилъ сказаться. Гора поднялась. Они замѣтили это, потому что гора слова приняла прежнее положеніе, а нижніе затопленные корридоры мало по малу освободились отъ воды.

Они работали безъ передышки. Сильвестръ трудился днемъ и ночью. Упреки Эрика Тривора жгли его. Отдавая работѣ всѣ свои силы, онъ хотѣлъ исправить свою оплошность и сдѣлалъ больше, чѣмъ могъ выдержать его ослабѣвшій организмъ, пока природа не отомстила за себя.

Правда, у Сильвестра были причины спѣшить: гору нужно было поднять и привести въ прежнее положеніе, прежде чѣмъ настанетъ полярная зима, пока поверхность этого, благодаря несчастному случаю образовавшагося озера, не покроется снова плотной ледяной корой.

Наконецъ, попытка удалась. Работа была продѣлана въ теченіе ста часовъ. Теперь нужно было ждать момента, котораго они раньше такъ боялись: только послѣ того, какъ поднимающаяся гора накрѣпко примерзнетъ, они могли рѣшиться проломить стѣну, выйти изъ этой гигантской темницы.

Судьба даровала президенту-диктатору льготный срокъ. Слухи о войнѣ снова наводнили міръ. Смертельная борьба двухъ государствъ зависѣла отъ смѣшной мелочи, отъ того, на сколько быстро въ арктической ледяной пустынѣ образуется ледяная поверхность.

Въ теченіе этихъ двухъ сутокъ обитатели горы обречены были на пассивное ожиданіе. Отрѣзанные отъ міра, они не знали, что тамъ происходитъ.

Только подчиняясь желанію своего мужа, приняла Діана Мейтландъ Яну въ Мейтландъ Каastle. Настроенная по началу враждебно, она потомъ полюбила ее. Если молодая дѣвушка и была родственницей доктора Глоссина, она не унаслѣдовала ни одного изъ сомнительныхъ нравственныхъ качествъ своего дяди.

Она рѣшила сдѣлаться пріятельницей Яны. Находясь сама въ одиночествѣ въ эти дни политическаго напряженія, она большую часть дня проводила съ ней. При этомъ она открыла, что въ душѣ молодой дѣвушки кроется какая то загадка.

Яна возилась за столомъ, который стоялъ у одного изъ большихъ створчатыхъ оконъ. Выдвинувъ ящикъ стола, она рылась въ лежащихъ тамъ мелочахъ, словно ища чего то. Діана видѣла, какъ она вынула мотокъ шерсти и книгу, неувѣренно положила ихъ на столъ и затѣмъ взяла изъ ящика газетный листъ. Это была старая, во много разъ сложенная газета и какая-то замѣтка въ ней была отчеркнута цвѣтнымъ карандашемъ.

Яна сидѣла за столомъ, слегка наклонившись впередъ. Ея взглядъ былъ устремленъ на газету. Мечтательное, разсѣянное выраженіе, которое Діана такъ часто подмѣчала въ послѣдніе дни, лежало на ея лицѣ. Внезапно это лицо потемнѣло. Глаза остановились на какомъ-то сообщеніи этой газеты; казалось, она усиленно размышляетъ, ищетъ чего-то — какое-то воспоминаніе, слово, имя,

которыхъ не можетъ вспомнить. Усиленное размышленіе словно причиняло ей физическую боль.

Діана Мейтландъ увидѣла перемѣну и обратилась къ ней.

— Что съ вами, Яна?

Яна опустила газету и провела рукой по лбу.

— Линней... Линней...

— Яна, что съ вами? Что составляетъ для васъ Линней?

Когда Діана произнесла это слово, Яна встала, какъ сомнамбула. У нея срывались отдѣльныя безсвязныя слова.

— Линней... пожаръ... развалины... всѣ погибли...

Діана Мейтландъ стояла въ нѣмомъ изумленіи.

— Нѣтъ, Яна... они живы.

— Живы?... Линней... свадьба... моя свадьба...: Аتما... Эрикъ Труворъ...

Діана Мейтландъ, тяжело дыша, опустилась въ кресло. Ея глаза не отрывались отъ губъ Яны, повторявшей:

— ...моя свадьба...

— Съ Эрикомъ Труворомъ?

— Нѣтъ... Нѣтъ... съ...

— Съ кѣмъ?

Яна не могла вспомнить имени своего мужа. Силясь вспомнить, она наморщила лобъ.

— Съ Логгъ Саромъ?

— Сильвестръ!.. — сорвался крикъ съ губъ Яны. Сильвестръ!.. Сильвестръ!.. Гдѣ онъ?

Діана подошла къ Янѣ и отвела ее на кровать. Сильное рыданіе потрясло Яну. Когда она открыла глаза, ея взглядъ измѣнился. Онъ уже не былъ мечтателенъ, но яснымъ и рѣшительнымъ.

— Сильвестръ! Я снова найду его!

— Что вамъ Сильвестръ?

— Это мой мужъ.

Мысли Діаны лихорадочно работали. Что это? Что сдѣлалъ докторъ Глоссинъ? Какое преступленіе совершено надъ этой дѣвочкой? Діана Мейтландъ осыпала доктора самыми жестокими упреками. Какъ могъ онъ ввести

въ ея домъ жену Логгъ Сара въ качестве своей племянницы? Какимъ образомъ они попала въ его руки?

Яна вспомнила все происшедшее. Она рассказала, какъ озабоченная судьбой Сильвестра, отправилась изъ Дюссельдорфа въ Линней и нашла тамъ развалины, какъ докторъ Глоссинъ, непонятнымъ для нея самой образомъ внезапно появился передъ нею, какъ она безвольно должна была послѣдовать за нимъ.

— Твой Сильвестръ живъ, Яна! И его друзья тоже. Лордъ Горацій сказалъ мнѣ это. Наши станціи должны радиографировать ихъ приказы.

— Онъ живъ... Я слышу... Я охотно вѣрю въ это. Но онъ не знаетъ, гдѣ я. Въ бессмысленномъ волненіи я пренебрегла его указаніями и убѣжала. Онъ напрасно ищетъ меня, не можетъ дать мнѣ вѣсти о себѣ.

Леди Діана скоро выяснила, какимъ образомъ происходили раньше ихъ бесѣды. Но маленькій телефонъ исчезъ, вѣроятно, остался гдѣ-нибудь въ Линнеѣ, когда докторъ Глоссинъ, услышавъ голосъ Сильвестра, — испугался лучеиспускателя и отбросилъ аппаратъ, какъ раскаленное желѣзо. Такимъ образомъ дѣйствіе аппарата было уничтожено и переговариваться нельзя было по прежнему.

Оставался только обычный государственный телеграфъ. возможность отправить телеграмму такимъ путемъ. Обычно это являлось простымъ дѣломъ, но теперь, благодаря войнѣ и цензурѣ это было трудной, почти неразрѣшимой задачей. Діана Мейтландъ взялась выполнить ее,

Воздушное сообщеніе на британскихъ островахъ было запрещено вслѣдствіи военныхъ дѣйствій. На своемъ быстромъ автомобилѣ она лично отправилась въ Клиффтенъ. разыскала завѣдующаго станціей и долго разговаривала съ нимъ. Она просила и угрожала, пока сопротивление служащаго не было сломлено, пока онъ не отступилъ отъ буквы закона и не принялъ короткую телеграмму. Леди Діана оставалась возлѣ него, пока телеграмма не была переписана и готова для отправки. Она стояла рядомъ съ нимъ, когда автоматъ сталъ поглощать бумажную полосу, рычаги заплясали и контакты застучали, когда первыя слова теле-

граммы «Яна — Сильвестру» по электрической волнѣ ринулись въ пространство. Она продолжала стоять, пока бумага трижды прошла черезъ аппаратъ.

На седьмой день послѣ катастрофы заключенные рѣшились дѣйствовать. Медленно выпустили они сжатый воздухъ изъ горы. Эрикъ Труворъ стоялъ у клапана, глядя на указатель давленія. Въ нижнемъ корридорѣ, наблюдая за водой, стоялъ Сильвестръ съ микрофономъ у рта, готовый поднять тревогу, если ледъ не выдержитъ, гора опустится, хлынетъ вода.

Воздухъ вырвался съ легкимъ свистомъ. Стрѣлка манометра медленно опустилась, только на нѣсколько дѣлений превышая нулевое положеніе. Эрикъ Труворъ прислонился къ ледяной стѣнѣ и прижалъ ухо къ ея поверхности, чтобы какъ можно скорѣе услышать всякій трескъ льда,

Все было попрежнему спокойно. Слышенъ былъ только постепенно ослабѣвающій свистъ вырывающагося воздуха. Стрѣлка остановилась на нулѣ. Давленіе выравнялось. Гора стояла безъ поддержки сжатого воздуха.

Маленькій лучеиспускатель прорылъ новый выходъ. Теперь важнѣе всего было привести въ порядокъ антенны, возстановить связь съ внѣшнимъ міромъ. Антенна на склонѣ горы осталась въ цѣлости, только связь съ аппаратами порвалась при катастрофѣ. Для ея возстановленія понадобилось десять минутъ. Какъ только оказался на мѣстѣ послѣдній винтъ, ожили аппараты, пребывавшіе эти дни въ состояніи мертвеннаго покоя. Застучали рычаги, завертѣлись колеса, и покрытыя телеграфными значками бумажныя полосы выбѣгали изъ-подъ колесъ, принося извѣстія изъ Америки, Европы, Индіи и Австраліи.

Война разразилась. Англійскій и американскій воздушный военный флотъ встрѣтились въ разныхъ мѣстахъ земного шара, англійскій боевой флотъ покинулъ свою гавань, чтобы напасть на восточный берегъ Америки. Аме-

риканскій флотъ вышелъ ему на встрѣчу. Черезъ сутки должна была разразиться грандіозная битва среди Атлантическаго океана.

Вопросъ, который такъ часто въ эти дни невольнаго покоя задавалъ себѣ Эрикъ Труворъ, былъ рѣшенъ, рѣшенъ именно такъ, какъ онъ опасался въ бессонныя ночи.

Онъ чувствовалъ, что его идеалы рушатся. Люди ничего не дѣлаютъ ради идеала. Тотъ, кто обладаетъ властью, пользуется ею безъ оглядки. Его предупрежденія не нашли отклика. Они будутъ повиноваться ему только въ томъ случаѣ, если онъ подкрѣпитъ свои приказы огнемъ и мечемъ.

Рѣшительный часъ насталъ. Если онъ хотѣлъ выполнить намѣреніе, въ которомъ видѣлъ свое призваніе, онъ долженъ былъ теперь выступить. Необходимость этого стала ему ясна.

Онъ не могъ больше вытерпѣть въ ледяныхъ пещерахъ. Онъ выскочилъ на свободу, побѣжалъ по снѣгу и ледянымъ глыбамъ, пламенѣвшимъ въ лучахъ заходящаго солнца. Потомъ остановился. Онъ боялся рѣшенія и отвѣтственности.

За ледянымъ выступомъ вѣтеръ намелъ кучу свѣже выпавшаго снѣга. Онъ опустился въ нее, чувствуя, что бѣлыя хлопья приникаютъ къ нему, словно лебяжій пухъ. Его охватила слабость, глубокой страхъ. Потомъ онъ успокоился.

Что если онъ останется здѣсь лежать, уснетъ теперь? Добровольная смерть избавитъ его отъ отвѣтственности... Сколько времени понадобится, чтобы арктической морозъ усыпилъ его вѣчнымъ сномъ?.. Какъ хорошо должно быть уснуть, перейти въ міръ забытья и вѣчнаго покоя!..

Но вдругъ однимъ прыжкомъ вскочилъ онъ на ноги.

Спасаться отъ судьбы? Трусливо уйти изъ жизни? Нѣтъ, никогда!!

Его лицо выражало желѣзную волю.

Спокойно и твердо направился онъ къ горѣ, и прошелъ по корридорамъ въ комнату, гдѣ стояли большіе аппараты. Красный солнечный свѣтъ, проникая черезъ зеленуватыя ледяныя стѣны, наполнялъ помѣщеніе волшеб-

нымъ свѣтомъ. Полная тишина, господствовавшая въ этомъ царствѣ вѣчныхъ льдовъ, прерывалась только тихимъ тиканіемъ радіо.

Сильвестръ сидѣлъ въ легкомъ креслѣ передъ однимъ изъ аппаратовъ. Онъ неподвижно держалъ въ рукѣ бумажную полосу, словно не былъ въ силахъ оторваться отъ какого-то сообщенія.

Эрикъ Труворъ бросилъ взглядъ на то мѣсто телеграммы, которое Сильвестръ держалъ въ рукахъ. Аппаратъ, между тѣмъ, неумолимо работалъ дальше; цѣлые метра бумаги спиралями лежали на колѣняхъ Сильвестра.

Эрикъ Труворъ прочелъ: «Яна — Сильвестру. Я спрятана въ Англии, въ Мейтландъ Каствль, у друзей».

Короткая телеграмма повторялась трижды.

Эрикъ Труворъ наклонился къ сидящему и положилъ ему руку на плечо.

— Радуйся, Сильвестръ! Твое горе миновало. Теперь ты знаешь, что Яна въ надежномъ мѣстѣ.

Подъ давленіемъ руки Эрика Трувора тѣло Сильвестра съежилось еще больше. Оно наклонилось впередъ и упало бы на полъ, если бы сильныя руки Эрика Трувора не подхватили бы его. При этомъ Эрикъ почувствовалъ, что жизнь покинула тѣло его друга, что блѣдность лица вызвана не только невѣрными отблесками ледяныхъ стѣнъ.

Организмъ Сильвестра Бурсфельда не перенесъ смѣны радости и горя, душевныхъ потрясеній и тяжелой работы. Параличъ сердца прервалъ его молодую жизнь въ тотъ мигъ, когда онъ получилъ телеграмму Яны.

Эрикъ Труворъ держалъ въ рукахъ уже похолодѣвшіе пальцы друга. Аتما вошелъ въ комнату, приблизился къ Сильвестру и мягкимъ движеніемъ закрылъ ему глаза.

Эрикъ Труворъ смотрѣлъ на блѣдное лицо мертвеца. Потомъ онъ повернулся къ большому лучеиспускателю. Рычаги тихонько тикали, выбрасывая на бумагу все новыя и новыя свѣдѣнія съ театра военныхъ дѣйствій. Тяжелыми шагами подошелъ Эрикъ Труворъ къ мощному аппарату. Онъ произнесъ лишь одно слово.

Это былъ боевой кличъ.

Докторъ Роквелль, лейбъ-медикъ президента-диктатора и дежурный адъютантъ Гаррисъ, понизивъ голосъ, бесѣдовали въ прихожей.

— Пока президентъ не требуетъ моихъ совѣтовъ, я не смѣю навязывать ихъ ему.

— Такъ дальше не можетъ продолжаться, господинъ докторъ! Такой жизни, въ концѣ концовъ не выдержать ни одинъ человѣкъ. Уже двѣнадцать дней, со времени объявленія войны, президентъ не раздѣвался, почти не выходилъ изъ своего рабочаго кабинета...

— Я признаю, что такой образъ жизни утомителенъ, особенно когда человѣку перевалило за пятьдесятъ. Но съ другой стороны подумайте объ исключительности положенія. Рѣшается судьба Штатовъ и... диктатора. Въ концѣ концовъ нѣтъ ничего удивительнаго, если онъ всѣ свои силы отдаетъ войнѣ.

— Силы! Силы! Господинъ докторъ! Откуда можетъ взяться сила, если онъ почти ничего не ѣстъ? Чашка чая, нѣсколько сандвичей, вотъ и все за сутки. И при этомъ — отсутствіе сна. Вотъ уже двѣнадцать дней я не видѣлъ президента спящимъ; мои товарищи по дежурству тоже.

— Несмотря на это, онъ все-таки спалъ. По четверть часа, урывками, когда никого не было въ комнатѣ. Ни одинъ человѣкъ не выдержитъ двѣнадцать дней безъ сна, могу васъ увѣрить въ этомъ, какъ врачъ. При полномъ отсутствіи сна уже на третій день становятся замѣтны угрожающіе симптомы.

— Они на лицо, докторъ. Поэтому я прошу васъ пойти къ президенту. Онъ измѣнился. Его взглядъ, прежде такой холодный и спокойный, теперь сталъ блуждающимъ и лихорадочнымъ.

— Мы узнаемъ лихорадку по температурѣ паціента. Будьте увѣрены, что президентъ прекрасно спалъ въ своемъ креслѣ эти двѣнадцать дней. Природа требуетъ сво-

его, особенно когда дѣло касается сна. Медицина знаетъ примѣры, что всадники, въ состояніи переутомленія спали сидя верхомъ, не подозрѣвая объ этомъ, и — что еще важнѣе — не падая.

— Спаль? Вы говорите такъ, докторъ, потому что не ознакомились вблизи съ обстоятельствами. На его столѣ находятся двѣнадцать телефоновъ. Онъ находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ фронтомъ. Сейчасъ онъ можетъ говорить съ командующимъ нашей американской воздушной эскадрой. Черезъ пару минутъ послѣдуетъ разговоръ съ шефомъ австралійскаго флота. Быть можетъ, во время этого разговора уже дѣлаетъ докладъ индусская эскадра... и такъ круглая сутки.

— Я вѣрю вашимъ сообщеніемъ, господинъ адъютантъ, но все же не могу навязывать своего совѣта безъ особаго приглашенія. Если дѣйствительно появятся угрожающие симптомы, я черезъ двѣ минуты буду на мѣстѣ.

Во время этого разговора президентъ диктаторъ сидѣлъ въ своей рабочей комнатѣ за массивнымъ столомъ въ тяжеломъ креслѣ съ высокой спинкой. Гаррисъ былъ правъ — Цирусъ Стонардъ измѣнился. То онъ глядѣлъ на лежащія передъ нимъ извѣстія, то неподвижно уставлялся на потолокъ. Онъ нервничалъ и беспокоился словно ежеминутно ожидалъ какого-то извѣстія.

Вошелъ секретарь. Осторожно ступая на цыпочкахъ, подошелъ онъ по тяжелому ковру къ столу и положилъ передъ президентомъ красную папку съ новыми телеграммами.

Это были хорошія вѣсти объ успѣхахъ въ Индіи, о побѣдѣ американскаго воздушнаго флота надъ Бабъ-Эль-Мандебомъ. Даже требовательный полководецъ едва ли могъ желать большаго. Но президентъ-диктаторъ прочелъ эти сообщенія безъ всякой радости.

Уже двѣнадцать дней имъ владѣла одна мысль—удастся ли игра, или въ дѣло вмѣшается таинственная власть? Въ томъ, что онъ справится съ вооруженными силами англичанъ, онъ и минуты не сомнѣвался.

Но эта власть, взрывающая машины и заставляющая

дѣйствовать радіо-станціи, располагающая такими страшными орудіями!

Онъ прочитывалъ телеграмму за телеграммой и откладывалъ ихъ въ сторону, пока не добрался до двухъ послѣднихъ.

Прочтя, онъ провелъ рукой по глазамъ, словно желая лучше видѣть. Прочелъ вторично и, держа телеграммы въ рукахъ, уронилъ на нихъ голову.

Одна телеграмма была дана изъ Сейвилля въ десять минутъ перваго по американскому времени; другая — съ англійской станціи въ Клифденѣ въ шесть часовъ двадцать минутъ по европейскому времени. Если принять во вниманіе разницу во времени, обѣ телеграммы были даны съ промежуткомъ въ десять минутъ. Обѣ онѣ были одного содержанія:

«Всѣмъ. Власть запрещаетъ войну. Всѣ военныя дѣйствія будутъ уничтожены.

То, чего Цирусъ Стонардъ втайнѣ боялся въ продолженіи двѣнадцати дней, что поддерживало его въ состояніи сверхестественнаго напряженія, случилось. Незвѣстная власть запрещала войну, ставила серьезныя препятствія всѣмъ операціямъ.

Диктаторъ вскочилъ и забѣгалъ по комнатѣ, какъ пойманный хищникъ. Въ его глазахъ свѣтилось безуміе. Губы шептали проклятія, кулаки сжимались.

Гаррисъ вошелъ въ комнату съ новой папкой телеграммъ. Со страхомъ увидѣлъ онъ, насколько ухудшилось состояніе диктатора. Цирусъ Стонардъ вырвалъ у него изъ рукъ папку, наклонился надъ столомъ и сталъ читать. Его глаза расширились, когда онъ пробѣгалъ телеграммы. Потомъ онъ далеко отшвырнулъ отъ себя папку и расхохотался безумнымъ смѣхомъ, который становился все рѣзче и судорожнѣе, пока не перешелъ въ рыданія. Потомъ онъ упалъ и неподвижно лежалъ на коврѣ.

Теперь пора было звать доктора Роквелля. Гаррисъ уложилъ потерявшаго сознаніе диктатора на диванъ и отправился за докторомъ.

Четверть часа спустя собрались государственные секретари военнаго и морского министерствъ, иностранныхъ

и внутреннихъ дѣлъ. Они выслушали врача, потомъ прочли послѣднія полученныя президентомъ-диктаторомъ свѣдѣнія, телеграммы изъ Сейвилля и Клифтона.

Члены кабинета мало знали о существованіи неизвѣстной власти. Цирусъ Стонардъ держалъ это въ тайнѣ и разговаривалъ объ этомъ только съ докторомъ Глоссиномъ, котораго уже три недѣли не видѣли въ Вашингтонѣ.

Государственный секретарь по военнымъ дѣламъ, Джорджъ Кравфордъ, вслухъ прочелъ телеграммы и съ изумленіемъ опустилъ ихъ.

— Клянусь Зевсомъ, смѣло сказано! Какая власть можетъ запретить намъ войну?

— Это звучитъ таинственно. Мыслимо ли, что эта телеграмма такъ дотрясла диктатора?

Они продолжали поиски. Гаррисъ показалъ государственному секретарю на папку, при чтеніи которой свалился президентъ. Они прочли вторую телеграмму и она сразила ихъ.

Она была дана командующимъ американскаго атлантическаго флота. Это былъ отчаянный призывъ эскадры, обезоруженной какой-то таинственной силой. Телеграмма была дана въ половинѣ перваго. Потомъ прибавлялись отрывочныя сообщенія по мѣрѣ того, какъ развертывались событія:

«Готовы къ бою. На разстояніи выстрѣла отъ англійскаго флота. Орудія не дѣйствуютъ... Нельзя заряжать... Торпеды не годны къ употребленію... Оружіе тоже... Англійскій флотъ тоже не стрѣляетъ... Нашъ флотъ влечетъ на востокъ... Англійскій флотъ вплотную мимо насъ сомкнутой килевой линіей проплываетъ на западъ... У англичанъ страшное смятеніе... Наши крейсера тѣсно соприкасаются... Сталь намагничена... Англійскій флотъ исчезъ на западѣ... Неудержимая сила гонитъ наши корабли на востокъ со скоростью пятидесяти узловъ въ часъ»...

Они нѣсколько разъ прочли телеграмму и имъ сталъ понятенъ безумный смѣхъ Цируса Стонарда. Такъ вотъ власть, неизвѣстная, таинственная власть которая не хочетъ войны, которая обладаетъ средствами обезвредить вся-

кое оружіе. Ея предупрежденія игнорировали, и теперь она показываетъ свое могущество.

Катастрофа разразилась надъ большимъ американскимъ флотомъ. При этомъ была задѣта честь звѣзднаго флага. Но все же ни одинъ изъ четырехъ государственныхъ дѣятелей не могъ не почувствовать титаническаго юмора этого событія. Власть, спаивающая военные крейсера, способная тащить по океану цѣлый флотъ, могла бы потопить боевыя суда. Но она этого не сдѣлала. Она только обезвредила ихъ и потащила американскій флотъ въ Англию, англійскій же въ Америку.

Государственный секретарь флота поспѣшилъ къ аппарату и узналъ голосъ адмирала Ничельсона изъ атлантическаго флота.

— Я имѣю честь говорить съ господиномъ диктаторомъ?

— Нѣтъ. Это государственный секретарь флота. Президентъ отправился на отдыхъ. Я приму докладъ. Ваша телеграмма о катастрофѣ лежитъ передо мной.

— Вы знаете?

— Я знаю, что вашъ флотъ не боеспособенъ и направляется къ востоку со скоростью пятидесяти морскихъ миль...

— Уже не пятидесяти, а ста. Наши корабли несутся къ востоку, наполовину приподнявшись надъ водой. Мы ничего не можемъ предпринять противъ этого. Приходится ожидать.

— Есть ли какія-либо поврежденія на корабляхъ? Каково положеніе экипажа?

— Поврежденій нѣтъ. Состояніе экипажа?.. Лучше не спрашивайте!.. Никакой дисциплины!.. Часть людей охвачена религіознымъ безуміемъ. Нѣкоторые кинулись за бортъ. Если путешествіе будетъ дальше продолжаться такъ, мы завтра очутимся въ Англии.

Государственный секретарь флота положилъ трубку на аппаратъ и подошелъ къ большому глобусу. Потомъ онъ повернулся къ своимъ коллегамъ.

— Я думаю, что мы можемъ завтра ожидать прибытія англійскаго флота около девяти часовъ.

Вызвали по телефону доктора Роквелля. Въ положеніи президента-диктатора не наступило измѣненія. Полномочія перешли къ государственнѣмъ секретарямъ.

Въ то время, какъ врачи старались привести в чувство Цируса Стонарда, четверо государственныхъ секретарей взяли на себя управление гибнущимъ государственнымъ кораблемъ.

Докторъ Глоссинъ сидѣлъ въ своей нью-іоркской квартирѣ и размышлялъ объ этапахъ своей политической карьеры. Уже недѣлю находился онъ въ Америкѣ и не потерялъ даромъ ни одного часа. Онъ снесся съ лидерами социалистовъ и представителями финансового міра... Рабочіе и миллиардеры одинаково были утомлены господствомъ диктатора.

Еще и теперь докторъ Глоссинъ удивлялся доврчивости, съ какой встрѣтили его лидеры различныхъ партій. Гдѣ было доказательство, что онъ дѣйствительно отпалъ отъ Цируса Стонарда? Что знали эти глупцы о власти, обо всемъ, чего еще нужно было ожидать?

Докторъ Глоссинъ зналъ планы красныхъ и финансовъ, точно взвѣсилъ ихъ шансы. Революція, безъ сомнѣнія, удастся обѣимъ партіямъ, но въ томъ и въ другомъ случаѣ успѣхъ не будетъ полонъ и въ дальнѣйшемъ неизбежна гражданская война.

Но въ Соединенныхъ Штатахъ была еще и третья партія, члены которой называли себя просто «патріотами». Еще недавно докторъ Глоссинъ достаивалъ ихъ только пожатіемъ плечъ. Патріоты были такъ несовременны, занимаясь политикой лишь ради отечества и старыхъ американскихъ завѣтовъ. Программа патріотовъ заключала идеальныя требованія. Поэтому-то и Цирусъ Стонардъ и докторъ Глоссинъ, позволяли имъ дѣйствовать, считая ихъ безопасными мечтателями.

Лишь пять дней тому назадъ, докторъ вступилъ въ сношенія съ лидеромъ партіи, Вилльямомъ Беккеромъ, предварительно узнавъ, что бѣлые и красные хотятъ выступить въ одинъ день. Онъ подстегнулъ партію къ активному дѣйствию. Запершись на всю ночь съ мистеромъ Беккеромъ, онъ намѣтилъ планъ возстанія и разработалъ его до мельчайшихъ подробностей, такъ что его дьявольская хитрость устрашила лидера.

Они не сошлись только въ пунктѣ, касавшемся устранения диктатора. Глоссинъ стоялъ за воздушныя торпеды надъ Бѣлымъ Домомъ. Мистеръ Беккеръ былъ противъ всякаго кровопролитія. Онъ признавалъ большія заслуги президента-диктатора передъ Штатами. Цирусъ Стонардъ долженъ былъ быть убранъ и лишенъ власти, но безъ насилія надъ его личностью или жизнью.

Докторъ Глоссинъ поднялся на тридцать второй этажъ небоскреба. Это была обыкновенная, скудно обставленная контора. Въ ней сидѣлъ только одинъ человѣкъ, высокій пятидесятилѣтній старикъ. Это былъ Вилльямъ Беккеръ, лидеръ патріотовъ.

— Вы пришли, господинъ докторъ?.. Тѣмъ лучше, мнѣ не нужно посылать за вами.

— Я пришелъ, мистеръ Беккеръ, потому что время не ждетъ. Я настаиваю на томъ, чтобы мое прежнее предложеніе было принято.

— Это излишне!

— Объясните, пожалуйста.

Лидеръ молча подошелъ къ двери въ сосѣднюю комнату и открылъ ее. Вошелъ третій человѣкъ и, несмотря на штатское платье, докторъ Глоссинъ узналъ полковника Коле, командира гвардейскаго полка. Они были знакомы другъ съ другомъ много лѣтъ.

Глоссинъ онѣмѣлъ. Его обычное самообладаніе измѣнилось ему.

— Вы... полковникъ Коле?..

Беккеръ кивнулъ.

— Довольны ли вы, господинъ докторъ?..

— Сегодня ровно въ одиннадцать часовъ вечера работа партіи начнется во всѣхъ городахъ Штатовъ. Въ десять

часовъ полковникъ Коле смѣнить старую стражу въ Бѣломъ Домѣ. Обо всемъ остальномъ вы переговорите въ дорогѣ. Теперь спѣшите.

Глоссинъ поднялся вмѣстѣ съ полковникомъ на крышу небоскреба. Тамъ ихъ принялъ аэропланъ. Лѣтнія сумерки ложились на океанъ, когда онъ взялъ курсъ на Вашингтонъ и перелетѣлъ черезъ нью-іоркскую бухту.

Внезапно показалась безконечная вереница бронированныхъ крейсеровъ, торпедъ, аэроплановъ-субмаринъ и подводныхъ крейсеровъ. Они пронеслись по волнамъ, рассыпавшимся пѣной со страшной быстротой.

Это было странное и жуткое зрѣлище. Эти корабли двигались не по собственной волѣ: между ними не было обычнаго разстоянія. Къ боковымъ стѣнамъ тяжелаго крейсера приклеились три торпедныхъ лодки, какъ молодыя раковины къ старымъ. Второй крейсеръ былъ прикрѣпленъ къ другому кораблю. Такъ несся по волнамъ могучій боевой флотъ, какой-то невидимой силой слитый въ одну безформенную глыбу.

На всѣхъ мачтахъ, поврежденныхъ бѣшенымъ бѣгомъ по Атлантическому океану развѣвались американскій флагъ и флагъ Великобританіи. Лишь возлѣ Санде Гукъ сталъ замедляться бѣшенный темпъ флота. Медленнѣе, но все еще спаянный, вошелъ онъ въ нью-іоркскую гавань.

Докторъ Глоссинъ на шагъ отступилъ отъ окна и сжалъ руку полковника Коле.

Они стояли и дивились на разыгравшееся подъ ними зрѣлище въ то время какъ аэропланъ продолжалъ путь къ Вашингтону.

Послѣ долгаго молчанія полковникъ спросилъ:

— Что это? Не приснилось ли мнѣ?

— То, что вы видѣли — жуткая дѣйствительность. Дѣйствіе таинственной силы, которой хотѣлъ пренебрегать Цирусъ Стонардъ.

Докторъ Глоссинъ говорилъ о вещахъ, о которыхъ полковникъ Коле до этой минуты не имѣлъ понятія — о загадочной власти, о ея угрозахъ и запрещеніяхъ, о невозможности противиться ей. Чѣмъ дальше говорилъ докторъ, тѣмъ сильнѣе было изумленіе полковника.

Въ десять часовъ стража Бѣлаго Дома, составленная изъ полка Говарда, была смѣнена офицерами и солдатами полка Коле. Онъ разсѣяннo выслушалъ докладъ дежурнаго офицера. Это состояніе продолжалось до тѣхъ поръ, пока Глоссинъ не вошелъ въ комнату съ часами въ рукахъ.

— Который часъ у васъ, господинъ полковникъ?

Полковникъ медленно досталъ свои часы.

— Десять минутъ одиннадцатаго.

Полковникъ вскочилъ.

— Я готовъ!

Полковникъ вышелъ въ корридоръ и приставилъ свистокъ ко рту. Еще прежде, чѣмъ замеръ послѣдній звукъ, со всѣхъ сторонъ стали появляться солдаты и офицеры его полка.

Оба адъютанта диктатора показались, чтобы запретить шумъ, но мрачная серьезность и сдержанность, выражавшіяся на всѣхъ лицахъ, испугали ихъ.

— Что это значитъ, господинъ полковникъ?

— Вы арестованы и передаетесь подъ охрану майора Стенли.

Оба адъютанта безъ сопротивленія склонились передъ этой силой. Пока ихъ уводили, полковникъ Коле открылъ дверь комнаты диктатора. На встрѣчу ему вышелъ докторъ Роквелль.

— Тихо, господа! Президенту нуженъ...

Увидѣвъ рѣшительныя лица наступающихъ, лейбмедикъ молча отошелъ въ сторону. Полковникъ Коле вошелъ въ комнату и медленно направился къ большому письменному столу, за которымъ сидѣлъ Цирусъ Стонардъ съ бумагой въ рукѣ.

Офицеры и солдаты ринулись въ комнату вслѣдъ за своимъ полковникомъ и полукругомъ стали у стѣны.

Цирусъ Стонардъ повернулъ голову къ вошедшимъ.

— Чего хотятъ побѣдители при Грейтаунѣ, при Филиппсвиллѣ и Фриско?

Это были названія битвъ послѣдней японской войны, почетныя имена для полковника Коле и его людей.

Полковникъ Коле отступилъ на шагъ... потомъ еще и еще. Онъ отступалъ передъ загадочнымъ выраженіемъ

глазъ Цируса Стонарда. Это не былъ угрожающій, околдовывающій взоръ властителя, но просвѣтленный взглядъ человѣка, которій все узналъ и испыталъ.

Полковникъ Коле отступалъ, пока не чувствовалъ сопротивленія. Чьи-то руки схватили его, шопотъ Глоссина достигъ его слуха. Твердыми шагами снова подошелъ онъ къ диктатору.

— Господинъ президентъ, страна требуетъ вашего отеченія.

— Страна?

— Да, господинъ президентъ!

Цирусъ Стонардъ медленно произнесъ:

— Воля страны для меня — высшій законъ... Что я долженъ сдѣлать?

— Покинуть страну.

— Когда?

— Немедленно.

Цирусъ Стонардъ всталъ, словно повинуюсь приказу.

— Отъ чьего имени вы дѣйствуете?

— Отъ имени всѣхъ американскихъ гражданъ, любящихъ свою родину и свободу.

Цирусъ Стонардъ понялъ, что это — программа патриотовъ, которыхъ онъ считалъ безвредными. Не красные, и не бѣлые, а именно они клали конецъ его владычеству. Оглядѣвъ собравшихся, онъ увидѣлъ доктора Глоссина.

— Развѣ докторъ Глоссинъ тоже принадлежитъ къ этимъ гражданамъ?

Цирусъ Стонардъ, видя, какъ онъ жалокъ, повернулся къ нему спиной и обратился къ полковнику Коле.

— Господа! Я покидаю страну, убѣжденный, что это воля народа. Надѣюсь, что мой уходъ послужитъ ему на благо. Я боролся противъ власти, которая сильнѣе моей... Я побѣжденъ... Куда я долженъ отправляться?

— Куда хотите, господинъ президентъ. Къ вашимъ услугамъ приготовленъ аэропланъ.

— Въ Европу... на сѣверъ. Идемте!

Полковникъ Коле сталъ рядомъ съ президентомъ. Офи-

церы и солдаты стояли молча, глядя на этого чловѣка, который в теченіе двадцати летъ угнеталъ ихъ.

Четверть часа спустя съ крыши Бѣлаго Дома взвился правительственный аэропланъ и взялъ курсъ на востокъ.

6-го августа загадочная власть парализовала боевой флотъ Англіи и Америки. Магнетическій вихрь погналъ британскій флотъ къ нью-іоркской гавани. Одновременно съ этимъ американскій флотъ добрался по Темзѣ до лондонскихъ доковъ.

7-го августа былъ свергнутъ Цирусъ Стонардъ и образовалось новое правительство, въ которомъ докторъ Глосгинъ получилъ портфель министра иностранныхъ дѣлъ.

Власть дѣйствовала всюду, гдѣ только происходили столкновенія между англійскими и американскими военными силами. Направлявшіеся въ Индію американскіе военные аэропланы были перехвачены на дорогѣ и упали въ океанъ. Англійскіе аэропланы-субмарины, пытавшіеся напасть на Панамскій каналъ, были застигнуты возлѣ Ямайки магнетическимъ циклономъ и высажены на высочайшихъ вершинахъ Кордильеръ. Власть прерывала всѣ военныя дѣйствія, не различая партій.

Всѣхъ, на кого дѣйствовали событія послѣдней недѣли, можно было подраздѣлить на три группы: на физиковъ, военныхъ и на широкую публику.

Физики, представители науки, пытались дать объясненія изумительнымъ явленіямъ. Но гениальное открытіе Сильвестра Бурсфельда лежало далеко за предѣлами обычныхъ научныхъ свѣдѣній.

Послѣ этого умножились газетныя статьи, въ которыхъ загадочная власть признавалась безграничной.

Въ Соединенныхъ Штатахъ довольствовались тѣми немногими сообщеніями, которыя могъ сдѣлать новый государственный секретарь иностранныхъ дѣлъ, докторъ Глосинъ.

13-го августа въ высшей технической школѣ въ Шарлоттенбургѣ долженъ былъ читать профессоръ Рапсъ.

— Господа, я тоже пытался средствами нашей науки разъяснить тайну этой загадочной власти. Все происшедшее можно объяснить лишь въ томъ случаѣ, если предположить, что обладающіе этой властью открыли средство въ любомъ мѣстѣ заставить пространственную энергію дѣйствовать. Эту энергію мы съ Оливеромъ Лоджемъ считаемъ въ десять милліардовъ лошадиныхъ силъ для каждаго кубическаго сантиметра. Наша наука до сихъ поръ не обладала средствомъ свободно ею располагать.

Профессоръ Рапсъ продолжалъ свои объясненія. Вдаваясь въ детали, онъ указалъ возможныя на этомъ пути достиженія. Онъ покрылъ черную доску тридцатизначными цифрами, обозначившими киловатты и каллоріи. Потомъ докладъ сталъ болѣе популярнымъ.

— Мы не знаемъ, какими средствами достигается это дѣйствіе на разстояніи, какъ производится освобожденіе пространственной энергіи. Чей-то необычайный умъ, на столѣтія переросшій нашу науку, вѣроятно, нашелъ разрѣшеніе задачи...

Сильвестръ Бурсфельдъ въ своемъ ледяномъ гробу на полюсѣ могъ быть доволенъ эпитафіей, которую произносилъ надъ нимъ нѣмецкій ученый.

Профессоръ Рапсъ продолжалъ:

— Меня охватили противорѣчивыя чувства, когда я сдѣлалъ открытіе, о которомъ только что сообщалъ. Съ одной стороны это была радость изслѣдователя, вѣроятно, знакомая всѣмъ вамъ, послѣ удачно выполненнаго лабораторнаго опыта... Съ другой стороны — ужасъ. Господа, ужасна мысль, что такая сверхчеловѣческая власть находится въ рукахъ человѣка. Эти изобрѣтатели могутъ каждый день причинить зло, могутъ сжечь любой городъ, уничтожить любую человѣческую жизнь. Мы безоружены. Мы должны безъ сопротивленія подчиниться всему, что за-благодарасудится обладателямъ этой власти.

Его сообщеніе вызвало новое безпокойство. Представители большихъ газетъ за большія деньги покупали у студентовъ ихъ записки. Къ вечеру 13-го августа, этотъ до-

кладъ распространился по всему свѣту. Отъ Гаммерфеста до Капштадта, отъ Лондона до Сиднея дебатировалось это сообщеніе.

Было ясно, что нѣмецкій ученый, по крайней мѣрѣ теоретически, напалъ на слѣдъ источниковъ загадочной власти. Чѣмъ больше углублялись фѣзики всего міра въ детали его изысканій, тѣмъ болѣе правильными должны были они признать его заключенія.

И все-же никому не было извѣстно, какими средствами достигается освобожденіе энергіи... Мысль, что одно какое-нибудь государство можетъ открыть тайну и стать владыкой всего міра, возбудило новое безпокойство.

Во всѣхъ концахъ земного шара ждали новыхъ выступленій власти. Всѣ были охвачены томительнымъ ожиданіемъ.

Это было въ полдень пятнадцатаго августа. Какъ всегда, радіо-телеграммы прорѣзали воздухъ. Внезапно телеграфное сообщеніе прервалось. До сихъ поръ таинственная власть передавала свои телеграммы черезъ одну изъ большихъ европейскихъ или американскихъ станцій. Теперь же къ востоку отъ Атлантическаго океана появилось въ воздухѣ сильное электро-магнетическое поле. Въ серединѣ его находилась высокая узкая башня; оно пульсировало со скоростью ста тысячъ колебаній въ секунду и излучало энергію въ десять милліоновъ киловаттъ по всѣмъ направленіямъ; потомъ оно быстро направилось къ западу черезъ океанъ.

Подъ ритмическій стукъ телеграфныхъ аппаратовъ появлялось и исчезало это поле, и всѣ существовавшія въ Европѣ и Америкѣ электрическія приспособленія двигались въ тактъ. Пассажиры электрическихъ трамваевъ разбирали слова въ монотонномъ гудѣніи моторовъ; горящія электрическія лампы начинали трещать, и въ этомъ трескѣ слышались тѣ же слова; разговаривающіе по телефону внезапно слышали то же самое. Аппараты всѣхъ телеграфныхъ станцій въ эти минуты переставали отправлять свои телеграммы и выстукивали сообщеніе власти:

«Война кончена. Власть требуетъ послушанія. Она караетъ неповиновеніе.

Міръ сжался отъ этихъ словъ. Какъ удары хлыста, дѣйствовали отрывистыя фразы, оповѣщавшіе о новомъ властителѣ. Словно черная туча, нависъ надъ человѣчествомъ гнетъ чужой воли. Правительства и отдѣльные государственные дѣятели были безпомощны.

Внѣшняя политика, правда, не представляла затрудненій. Власть приказывала сохранять миръ, и оставалось только безпрекословно повиноваться. Но за то осложнилась внутренняя политика. Отдѣльные народы возставали противъ своихъ покорителей, спрашивая себя, стоитъ ли вообще подчиняться правительству, которое лишь по милости таинственной власти еще держится на своемъ мѣстѣ и ежеминутно можетъ быть уничтожено.

Профессоръ Рапсъ сидѣлъ въ своей рабочей комнатѣ. Передъ ученымъ лежала рукопись почти законченной работы. Груды писемъ и телеграммъ покрывали большой столъ. Это были запросы ученыхъ институтовъ, государственныхъ учреждений, частныхъ лицъ и чужихъ правительствъ.

Онъ держалъ въ рукахъ пресловутую телеграмму; видъ у него былъ усталый, и подергивающимися губами бормоталъ онъ отрывочныя слова:

— ...Неужели природа потерпитъ это!.. Развѣ человѣкъ можетъ предписать вѣчную зиму или вѣчное лѣто!..

— «Природа не дѣлаетъ скачковъ»... За кажущимся скачкомъ слѣдуетъ поправка... Должна слѣдовать, по закону постоянной эволюціи...

Война закончилась безъ приказаній со стороны воюющихъ державъ. Теперь могла лишь идти рѣчь о формальномъ заключеніи мира, объ узаконеніи существующаго положенія.

В Соединенныхъ Штатахъ были крайне довольны положеніемъ вещей. Война была наследіемъ Цируса Стонарда. Новому правительству на руку было, что оно не должно перенять мало приятнаго наследія и что мало

популярной войнѣ пришелъ конецъ. Оно понимало, что мирное развитіе Штатовъ принесетъ тѣ же выгоды, которыя по мысли Цируса Стонарда должны были быть завоеваны.

Иначе обстояло дѣло въ Англіи. Тамъ всѣми силами готовились къ войнѣ, англійскіе государственные дѣятели находили, что только побѣдоносная война можетъ укрѣпить существованіе Англіи.

Англійскій премьеръ ждалъ прибытія лорда Горація, надѣясь посовѣтоваться съ нимъ, изобрећи какой нибудь планъ.

Когда въ комнату вошелъ лордъ Горацій и сѣлъ напротивъ премьера, прошло еще не мало времени, прежде чѣмъ лордъ Мейтландъ открылъ ротъ и произнесъ два слова:

— Война окончена!

Лордъ Гашфордъ ожидалъ помощи словомъ и дѣломъ. Стараясь навести своего собесѣдника на разговоръ, онъ спросилъ:

— Какъ будетъ держать себя американское правительство?

— Послѣ сверженія Стонарда миръ имъ на руку. Мысль повиноваться другому желѣзному кулаку не такъ ужъ страшна имъ. Вѣдь они двадцать лѣтъ были рабами.

— А мы? Великобританія... Страна, гордящаяся тѣмъ, что никогда не подчинялась ничьей власти...

Лордъ Горацій отвѣтилъ медленно и покорно:

— Миръ съ Америкой заключить не трудно. Гораздо сложнѣе обстоитъ дѣло съ нашими колоніями. Боюсь, что Австралія отдѣлится отъ насъ. Африканскому союзу мы еще нужны. Несмотря на свою собственную промышленность, онъ... пока... пользуется нашей. А Индія...

— А Индія?.. — спросилъ лордъ Гашфордъ.

— Одинъ изъ тѣхъ трехъ — индусъ... Надѣюсь, что индусская интеллигенція оцѣнитъ пользу, которую принесло ея родинѣ англійское правительство. Мы не всегда хорошо хозяйничали. Сотни тысячъ погибли отъ голода подъ нашимъ владычествомъ... Но милліоны перегрызли бы другъ другу горло, не будь насъ.

— Канада потеряна... Австралія потеряна наполовину... Африка не надежна... Индія тоже... Можетъ случиться, пожалуй, что намъ останутся только Британскіе острова.

Лордъ Горацій сумрачно смотрѣлъ передъ собой, только легкимъ кивкомъ выражая свое согласіе.

— Если бы не...

Онъ произнесъ эти слова едва слышно, но они не ускользнули отъ напряженнаго слуха лорда Гашфорда.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Если только эта власть... эта жуткая, неправдоподобная власть... не миражъ.

Лордъ Гашфордъ сдѣлалъ отрицательный жестъ.

— Пока — власть очевидна!

— Пока — хладнокровіе...

На столѣ застучалъ пишуцій приборъ. Американское правительство дѣлало запросъ относительно мѣста и времени мирныхъ переговоровъ. Лордъ Гашфордъ прочелъ и подвинулъ бумажную ленту лорду Горацію.

— Вы давно знаете Штаты. Я назначаю васъ, въ качествѣ уполномоченнаго Великобританіи, для веденія переговоровъ.

— Каковы мои полномочія?..

— Неограниченны.

— Неограниченны... Пока таинственная власть не сузитъ ихъ предѣловъ.

Лордъ Горацій оставилъ премьеръ-министра.

Лишь теперь понялъ онъ, какъ своеобразно сплелась судьба его семьи съ судьбой людей, диктовавшихъ теперь міру свою волю.

Его жена такъ близко знакома съ самымъ могущественнымъ изъ нихъ. Жена другого уже нѣсколько недѣль находится подъ его кровомъ.

Его не покидала мысль, что должна быть какая-нибудь возможность войти въ соприкосновеніе съ носителями власти. Долженъ былъ существовать какой нибудь путь, который выведетъ Англію изъ этого тупика.

На своемъ излюбленномъ мѣстѣ, въ большомъ залѣ въ Мейтландъ Каствль, сидѣла Яна. Она шила кофточку; но работа лежала на столѣ, а сама она смотрѣла на послѣднюю телеграмму, покрытую голубыми значками. Когда телеграфъ принесъ сообщеніе въ Мейтландъ Каствль, Яна взяла телеграмму себѣ. Уже два дня носила она ее при себѣ, перечитывая ее во всякую свободную минуту.

Она не слышала приближенія Діаны, которая тихо подошла и положила ей руку на плечо.

Яна вздрогнула и попыталась сунуть бумагу въ грудь бѣлья.

— Яна, дѣтка моя... Опять телеграмма?

— Ахъ Діана... Вы не знаете, что значать для меня эти слова. Я нахожу утѣшеніе въ этихъ строкахъ. Эта телеграмма разослана во всѣ концы свѣта... Я вижу передъ собой того, кто ее послалъ.

Діана сѣла противъ молодой женщины. Она увидѣла, какъ та покраснѣла; какъ въ открытой книгѣ прочла она на ея лицѣ радость, что мужъ живъ, гордость — по поводу геніальнаго открытія и счастливую надежду — скоро заключить его въ объятія.

— Дитя мое! Только я васъ понимаю. Я горжусь тѣмъ, что могу назвать своей пріятельницей жену Сильвестра Бурсфельда.

Яркая краска залила лицо Яны. Она безпомощно улыбнулась.

— Я должна была бы гордиться этимъ. Но что я составляю для Сильвестра? Чѣмъ выше ставятъ моего мужа и его изобрѣтеніе, тѣмъ мельче и незамѣтнѣе кажусь я самой себѣ. Я страшусь встрѣчу съ нимъ. Вмѣсто моего Сильвестра, я найду человѣка, на котораго смотритъ міръ. Что я составляю для него?

Діана встала.

— Что вы говорите, Яна? Развѣ вы не его жена?.. Вы подарите ему наслѣдника... Вы продолжите его родъ, и слава Сильвестра Бурсфельда не заглохнетъ. Онъ этого не знаетъ, но какъ бы онъ радовался, если бы зналъ.

— Вы думаете?..

— Конечно!

— Но вы, Діана?..

— Я?..

— Почему лордъ Горацій не знаетъ, что...

Діана Мейтландъ быстрымъ движеніемъ повернула къ парку. Яна видѣла, какъ покраснѣлъ ея затылокъ.

Тяжелое молчаніе продолжалось нѣкоторое время, наконецъ, леди Діана снова обернулась къ Янѣ, избѣгая отвѣчать на ея вопросъ. Она взяла бумажную полосу изъ рукъ молодой женщины.

— Да... телеграмма... она возвѣщаетъ человѣчеству миръ. Я знаю политику, ея средства и пути... Я могу представить себѣ душевное состояніе тѣхъ тысячъ людей, которымъ эта телеграмма даруетъ жизнь. Потомъ я словно грежу и начинаю сомнѣваться, правдивы ли слова таинственной власти... Да, Яна... Я сомнѣваюсь... Но... нѣтъ, это правда... вѣдь это слова Эрика... Эрикъ... не лжетъ.

— Эрикъ? Вы имѣете въ виду Трувора?

— Да.

— Вы знаете его?

— Да... Я много лѣтъ назадъ познакомилась съ нимъ въ Парижѣ.

— Вы знаете Эрика Трувора, лучшаго друга моего мужа?

— Да, знаю... Знала его очень хорошо.

— Но вы никогда о немъ не говорите, хотя его имя часто упоминалось въ нашихъ разговорахъ.

— Оставьте, Яна... Это воспоминаніе, которое я бы хотѣла похоронить... забыть. Я теперь думаю только о его работѣ... Удастся ли ему... сумѣетъ ли онъ дать людямъ миръ, перестроить существующій порядокъ на благо человѣчеству. Думаю, что да... Онъ исполнитъ свою задачу и затѣмъ настанетъ новая эра въ политикѣ и исторіи Европы... Или даже всего міра...

Лордъ Горацій внезапно появился въ залѣ. Діана чувствовала нѣкоторую робость, не зная, какую часть разговора слышалъ ея мужъ, что именно дошло до него изъ этого обмѣна мыслей.

— И здѣсь политика? А я искалъ тутъ покоя.

— Это неизбѣжно, Горацій! Во дворцахъ и въ хижинахъ, въ отдаленнѣйшихъ уголкахъ земного шара всѣхъ волнуетъ одинъ и тотъ же вопросъ. Можетъ ли быть что-либо возвышеннѣе мысли, что свѣтъ, наконецъ, успокоится, что бессмысленнымъ убійствамъ наступитъ конецъ?..

— Ты, кажется, становишься космополиткой. Тебѣ безразлично, что будетъ съ Великобританіей. Конечно... ты не прирожденная англичанка.

— Но я всегда чувствовала себя англійской патриоткой, всегда чувствовала... — леди Діана вскочила и подошла къ мужу... — что я — жена лорда Мейтланда.

— Ты чувствовала себя англичанкой?

— Всегда, Горацій.

— И несмотря на это, ты одобряешь планы этой власти?..

— Да.

— Да... Но развѣ ты не понимаешь смысла этой телеграммы?

— Конечно же понимаю. Это радостная вѣсть о мирѣ.

— Такъ... Такъ... И больше ничего?

— Развѣ этого не довольно?

— Радостная вѣсть!.. Кто можетъ счесть это извѣстіе радостнымъ, когда оно означаетъ рабство для цѣлой страны!..

— Горацій!.. Горацій, что ты говоришь?

— Развѣ тебѣ нужно напомнить содержаніе телеграммы?.. Прочешь тебѣ ее еще разъ?

Война окончена...

Власть требуетъ повиновенія...

Непокорство будетъ караться.

Радуетъ ли это тебя, какъ англичанку?

Его тонъ звучалъ совершенно иначе, чѣмъ тотъ, которымъ Діана читала телеграмму. Теперь отдѣльныя слова свистѣли, словно удары хлыста, угроза, усиливаясь съ каждой фразой, въ концѣ концовъ грубо обнаруживалась. Съ каждымъ словомъ Діана машинально отступала, но и онъ потерялъ свое обычное спокойствіе. Его покраснѣвшее отъ волненія и гнѣва лицо подергивалось.

Какъ радовалась Діана этой телеграммѣ вмѣстѣ съ Яной... а теперь... ее охватилъ ледяной ознобъ. Она закрыла глаза руками. Неужели она такъ обманулась?

Супруги безмолвно стояли другъ противъ друга. Діана медленно опустила руки. Что это? Не кажется ли ей?..

Не уловила ли она въ его глазахъ легкаго торжества? Нѣтъ, онъ неправильно прочелъ слова Эрика Трувора. Ихъ нужно читать именно такъ, какъ она съ Яной.

— Горацій!.. Неужели ты не можешь отдѣлать человѣка отъ его работы?

— Я достаточно хладнокровенъ, чтобы не смѣшивать человѣка съ его дѣломъ, — спокойно, почти устало, отвѣтилъ онъ.

— Будущее покажетъ, кто правъ. Я отъ души хотѣлъ бы, чтобы правой оказалась ты...

Когда Діана обернулась, лордъ Мейтландъ уже покинулъ залъ.

Діана была одна. Ея лицо измѣнилось, исказилось болью. Она уставилась на то мѣсто, где стоялъ лордъ Горацій. Едва слышно сорвалось съ ея губъ: «Эрикъ Труворъ... Эрикъ Труворъ».

Долгій полярный день подходилъ къ концу. Надъ горизонтомъ солнце совершало свой суточный оборотъ. Все ближе подходило оно къ линіи, гдѣ ледяное поле сливается съ небомъ. Хрустящій морозъ предвѣщалъ наступленіе ночи.

Эрикъ Труворъ вышелъ изъ горы. Держа въ рукѣ тяжелую альпійскую палку, онъ быстро поднялся по ледянымъ ступенямъ, пока не достигъ верхушки. Въ прошедшіе дни солнце ласкающими лучами измѣнило форму ледяной горы и превратило верхушку, отливающую голубовато-зеленымъ свѣтомъ массива, въ сооруженіе, напоминающее формой

кресло съ высокой спинкой, готическій тронъ временъ Мервинговъ.

Онъ остановился и посмотрѣлъ на этотъ тронъ. Потомъ опустился на него. Палка, словно скипетръ, была прислонена направо отъ него. Онъ сидѣлъ, опершись на ручки этого страннаго трона, облитый краснымъ сіяніемъ солнца, подобно статуѣ. Сидѣлъ и думалъ.

Его мысли беспорядочно тѣснились въ головѣ, перегоняя другъ друга.

Въ горѣ, въ ледяной пещерѣ, возлѣ радіо стоялъ Атма, пропуская сквозь пальцы бумажныя полосы.

Съ возрастающимъ безпокойствомъ слѣдилъ онъ за переменной въ Эрикѣ. Что будетъ дальше, чѣмъ это кончится?

Атма вскочилъ и вышелъ изъ горы. На пылающемъ аломъ вечернемъ небѣ вырисовывались гигантскія очертанія ледяного массива. Онъ увидѣлъ темный силуэтъ Эрика Трувора, устремившаго взгляды вдаль.

Эта картина потрясла и околдовала Атму.

Неужели этому человѣку ввѣрена безграничная власть надъ жизнью, и смертью всѣхъ живыхъ?

А Эрикъ Труворъ все сидѣлъ на верху и не шевелясь, смотрѣлъ на пылающій солнечный дискъ. Съ его губъ срывались тихія отрывочныя слова:

— Міръ лежитъ у моихъ ногъ. Кто я?... Повелитель?... Да...

Наклонившись впередъ, смотрѣлъ онъ на Атму, который медленно взбирался по тропинкѣ. Его рука крѣпче сжала тяжелую палку.

— Берегись, Атма!

Онъ снова усѣлся съ настороженнымъ выраженіемъ въ глазахъ.

Теперь Атма стоялъ рядомъ съ нимъ, напряженно глядя на него. Эрикъ холодно глядѣлъ мимо него.

— Эрикъ Труворъ! Развѣ ты не видишь своего друга?

Эрикъ слегка повернулъ голову, скользнулъ по индусу бѣглымъ сумасшедшимъ взглядомъ и его слова чуждо прозвучали:

— Чего ты хочешь?

— Ты такъ говоришь со своимъ другомъ?

Эрикъ Труворъ сдвинулъ брови.

— Другъ?...

Тонъ этихъ словъ больно поразилъ индуса.

— Эрикъ!.. опомнись!.. что ты хочешь дѣлать?.. Развѣ ты забылъ Сильвестра?

— Сильвестръ?... — Эрикъ Труворъ съ силой вонзилъ палку въ ледъ, такъ что брызнули осколки. — Теперь дѣло касается болѣе важныхъ вещей. — Въ глазахъ его было безуміе.

— Значитъ я тебѣ не нуженъ больше. Лучше было бы мнѣ лежать рядомъ съ Сильвестромъ въ ледяномъ гробу, чѣмъ дожить до этого часу! У тебя скверныя мысли.

Эрикъ Труворъ поднялся. Каждый нервъ въ его худомъ тѣлѣ былъ натянутъ. Еще рѣзче выдѣлялся орлиный носъ надъ узкими губами. Глубокія морщины прорѣзали высокій лобъ. Глубоко сидящіе глаза блестѣли ледянымъ безумнымъ блескомъ.

— Я могущественнѣе всѣхъ на землѣ! Кто посмѣетъ противиться мнѣ?... Человѣчество у моихъ ногъ!... Природа должна мнѣ повиноваться... Я укрошу волны морскія, прикажу бурѣ улечься... Никогда раньше человѣку не была дана такая власть!...

Атма еще разъ попытался удержать друга:

— Эрикъ, ты боленъ! Смерть Сильвестра потрясла твой умъ, а твое тѣло ослабѣло отъ работы.

Эрикъ Труворъ досадливо стряхнулъ руку индуса.

— Боленъ?... Потрясенъ?... Я крѣпче, чѣмъ когда-либо физически, и мои мысли ясны.

Онъ игралъ тяжелой палкой словно игрушкой.

— Эрикъ Труворъ! — голосъ Атмы звучалъ строго — ты искушаешь судьбу. Берегись!

Хриплый крикъ вырвался изъ его горла.

— Беречься?... Кого?! Невидимыхъ силъ тамъ, на верху?... Ха, ха!! выходите изъ своихъ закоулковъ!.. поборемся. Вы боитесь... Я нѣтъ!

Блескъ молніи на горизонтѣ заставилъ Атму содрогнуться.

— Эрикъ, ты видѣлъ этотъ знакъ?

— Суевѣрный слѣпецъ. Безвредная молнія кажется тебѣ знакомъ судьбы. Ха, ха, ха. Глупцы... за всякимъ явленіемъ природы, котораго не понимаетъ вашъ убогій мозгъ, вы усматриваете что-то таинственное... сверхестественное... Знакъ судьбы, передъ которой вы склоняетесь... Я не хочу мириться... Я принимаю борьбу... Я устрою судьбу по своему собственному желанію... Горе тому, кто мнѣ помѣшаетъ... Горе вамъ, тамъ наверху... Я не боюсь васъ... Берегитесь. Я иду на васъ со своей властью, которая больше всего, что міръ когда-либо видѣлъ.

Большими прыжками кинулся онъ по крутому спуску горы и исчезъ въ пещерѣ, скрывавшей аэропланъ. Атма послѣдовалъ за нимъ и увидѣлъ, какъ Эрикъ Труворъ вытащилъ аэропланъ.

— Куда, Эрикъ? Куда? — воскликнулъ Атма слабѣющимъ голосомъ.

— Въ бой! — Голосъ Эрика Трувора звучалъ подобно ликующему военному кличу древнихъ варяговъ. — Въ бой!!

Атма увидѣлъ, какъ Эрикъ Труворъ поднялъ на аэропланъ большой лучеиспускатель и собирался запереть каюту. Умоляюще протянулъ онъ руки по направленію къ Эрику. Всѣ его душевныя силы были до крайности напряжены, сосредоточены на желаніи покорить помутившійся разумъ Эрика Трувора. Гипнотическая сила, казалось, начинала дѣйствовать.

Эрикъ Труворъ постепенно замедлялъ свои движенія. Потомъ онъ словно созналъ осаждающую его чужую волю и повернулъ голову къ Атмѣ. Ихъ взгляды встрѣтились. Неподвижно стояли они другъ противъ друга. Это была страшная нѣмая борьба. Атма сталъ надѣяться. Бой былъ принятъ... Оконченъ. И вдругъ... Облачко набѣжало на солнечный дискъ и скрыло свѣтъ. Это было только мгновеніе, но во внезапной полутьмѣ взглядъ Атмы утратилъ свою остроту... За мгновенье разрушилась его только что пріобрѣтенная власть.

Снова раздался отрывистый полубезумный смѣхъ Эрика Трувора. Онъ подскочилъ къ каютѣ и захлопнулъ за собою дверь.

Атма стоялъ, сломленный, побѣжденный, уничтоженный. Аэропланъ поднялся ввысь.

— Эрикъ!.. Эрикъ Труворъ!!..

Зовъ Атмы неслышно прозвучалъ въ морозномъ воздухѣ. Аэропланъ все уменьшался. Вотъ онъ превратился въ точку... Потомъ исчезъ изъ виду.

Атма вернулся въ гору, взялъ подзорную трубу, отыскалъ маленькій лучеиспускатель и сталъ искать на вечернѣющемъ небѣ аэроплана, пока его изображеніе не получилось на матовой пластинкѣ. И онъ увидѣлъ бой, между укрощенной природой и стихійными силами поднебесья.

Крикъ вырвался изъ груди Атмы... Ужасъ исказилъ его лицо... Онъ закрылъ лицо руками, чтобы не видѣть больше жуткой картины.

Обѣ американскія партіи — социалисты и бѣлые — были въ одинаковой мѣрѣ обмануты государственнымъ переворотомъ патріотовъ. Въ первые дни послѣ паденія Цируса Стонарда въ ихъ рядахъ господствовало изумленіе и смятеніе. Революцію совершила третья партія, младшая, и по ихъ мнѣнію, гораздо болѣе слабая. Они видѣли, что народныя массы не довольны революціей и соотвѣтствующимъ образомъ учитывали положеніе вещей.

Вождямъ лѣвыхъ было ясно, что поднятое ими возстаніе будетъ встрѣчено упорнымъ сопротивленіемъ правыхъ и что они сумѣютъ укрѣпиться только послѣ кровопролитной гражданской войны. То же самое должно было произойти, если бы новый государственный переворотъ былъ произведенъ правыми. Никто не зналъ, какъ отнесется къ кровавому столкновенію таинственная власть.

Американская пресса предавалась воспоминаніямъ о счастливыхъ дняхъ ХІХ столѣтія, когда Америка дѣйствительно была свободной страной и только патріотизмъ руководилъ всѣми политическими выступленіями. За небольшими исключеніями отзывы о Цирусѣ Стонардѣ были бла-

гопріятны. Газеты признавали его величіе и высказывали мнѣніе, что онъ желалъ блага странѣ, хотя средства, которыми онъ шелъ къ цѣли, не всегда были хороши.

Въ новомъ правительствѣ докторъ Глоссинъ получилъ портфель министра иностранныхъ дѣлъ. Но съ перваго дня своего назначенія онъ почувствовалъ, что положеніе его не прочно. Патріоты всегда боролись съ Цирусомъ Стонардомъ. Докторъ Глоссинъ отпалъ отъ него лишь недавно и въ теченіе долгихъ лѣтъ былъ его добровольнымъ орудіемъ. Этимъ онъ заслужилъ названіе ренегата. Это налагало на его имя несмываемое пятно.

Только блестящая побѣда при выборахъ могла укрѣпить его положеніе. Поэтому-то онъ рѣшилъ выступить въ Нью-Йоркѣ въ округѣ церкви св. Троицы. Тамъ у него были приверженцы, и онъ надѣялся, благодаря ловкимъ переговорамъ съ лидерами красныхъ, заполучить ихъ голоса въ свою пользу.

Это было рискованное предпріятіе, и только утонченная хитрость Глоссина позволила ему отважиться на такой шагъ. Онъ пошелъ на это, видя въ этомъ единственную возможность удержаться въ кабинетѣ.

Но онъ забылъ, что существуетъ еще партія финансовъ, которая, чувствуя себя обманутой послѣ событій 7-го августа, тщательно шпионила за всѣмъ происходившимъ въ средѣ радикальной лѣвой. Онъ удовлетворенно размышлялъ о своей послѣдней бесѣдѣ съ лидерами лѣвой, когда его автомобиль вечеромъ 20-го августа ѣхалъ по Бродвею.

Новый выпускъ вечернихъ газетъ привлекъ его вниманіе. Это былъ органъ нью-іоркскихъ консерваторовъ. Онъ увидѣлъ портретъ на первой страницѣ и услышалъ, какъ газетчики выкрикивали заголовокъ: «Свѣдѣнія изъ жизни нашего министра иностранныхъ дѣлъ...»

Онъ остановилъ автомобиль, чтобы купить газету, и его слуха достигли новые возгласы мальчишекъ:

«Ему недостаточно того, что онъ получаетъ отъ Англии... Японскіе милліоны... Двойная игра... Англичанинъ

по происхожденію... Американскій гражданинъ... Японскій шпіонъ... Слуга диктатора... Онъ продолжаетъ предавать... Американскій народъ...

Газетчики узнали его по портрету и забавлялись, выкрикивая ему въ лицо отдельныя заглавія, пока автомобиль не исчезъ изъ виду. По дорогѣ на аэродромъ Глоссинъ успѣлъ прочесть всю статью, напечатанную мелкимъ шрифтомъ.

Человѣкъ, который ее писалъ, долженъ былъ хорошо знать всю его предыдущую жизнь. Не былъ забытъ ни одинъ изъ его проступковъ, не было пропущено ни одно предательство. Кратко излагалась вся жизнь Глоссина съ перваго дня его дѣятельности въ Санъ-Франциско и до послѣдней двойственной игры съ лидерами красныхъ. Статья была подписана полнымъ именемъ консерватора Макъ-Класса, пользовавшагося всеобщимъ уваженіемъ даже въ кругу своихъ политическихъ противниковъ.

Докторъ Глоссинъ на аэродромѣ вышелъ изъ автомобиля. Что дѣлать? Попытаться устроить новую революцію? Открыто перейти къ краснымъ? Онъ тотчасъ же отбросилъ эту мысль.

Нужно отправляться въ Вашингтонъ. Развѣ не онъ одинъ создалъ революцію? Что значать другіе безъ него? Никогда не выступили бы они во время, никогда не удалось бы имъ достигъ власти. Они всѣмъ обязаны ему, должны съ нимъ въ дальнѣйшемъ дѣлить горе и радость, если хотятъ остаться у власти. Въ концѣ концовъ, какое значеніе имѣетъ газетная статья для избирательной кампаніи.

Твердыми шагами вошелъ онъ въ залъ засѣданій Бѣлаго Дома. — Его встрѣтили холодно. Было ясно, что статья Макъ Класса уже извѣстна здѣсь. Поэтому онъ вытащилъ газету изъ кармана и швырнулъ ее на столъ.

— Я купилъ ее часъ назадъ на Бродвеѣ. Глупости, конечно! Все это вздоръ!

Томительное молчаніе послѣдовало за этими словами. Потомъ Вилльямъ Беккеръ спросилъ:

— Все?..

Это былъ критическій моментъ. Докторъ Глоссинъ

долженъ былъ съ желѣзнымъ спокойствіемъ сказать одно слово «все».

Но когда онъ почувствовалъ на себѣ пронизывающій взглядъ Вилльяма Беккера, рѣшительность и мужество на мгновеніе измѣнили ему. Потомъ они вернулись, но было уже поздно дать этотъ короткій отвѣтъ. Нужно было разглагольствовать, разыграть возмущеніе.

— Мистеръ Беккеръ, я надѣюсь, что вы не считаете эту инсинуацію правдивой. Я готовъ снять съ себя всякое подозрѣніе.

— Въ интересахъ правительства было бы крайне желательнымъ, если бы вы могли это сдѣлать, — медленно произнесъ Вилльямъ Беккеръ, раскрывая папку и подвигая ее Глоссину.

Докторъ кинулъ на нее взглядъ, и сердце въ немъ остановилось.

Передъ нимъ лежала корреспонденція, которую онъ до послѣднихъ дней по радіо велъ съ Англійей. Конечно, она была шифрована, но кто-то подобралъ шифръ. Здѣсь находились телеграммы въ томъ видѣ, въ какомъ онъ ихъ отправлялъ и получалъ, а рядомъ находился листокъ, раскрывавшій ихъ истинный смыслъ, гибельный для него. Затѣмъ шли бумаги, свидѣтельствовавшія о его переговорахъ съ красными и съ церковью св. Троицы. Докторъ Глоссинъ машинально перелистывалъ дальше. Тутъ лежалъ докладъ Макъ Класа къ уполномоченному американскаго народа Вилльяму Беккеру.

— Ваше поведеніе подтверждаетъ правильность обвиненія. Мы не хотѣли дѣйствовать не выслушавъ васъ. Что вы можете сказать? — раздался голосъ Беккера.

Докторъ Глоссинъ молчалъ.

— Мы приняли мѣры. Вы можете выйти изъ этой комнаты, какъ государственный преступникъ... или... какъ свободный гражданинъ... Съ тѣмъ, чтобы немедленно навсегда покинуть Штаты. Что вы предпочтете?

Докторъ Глоссинъ оглянулся вокругъ, какъ загнанный звѣрь. Онъ ожидалъ откуда-нибудь поддержки... помощи... по крайней мѣрѣ сожалѣнія... Но видѣлъ только неподвижные враждебные взгляды. Онъ отвѣтилъ:

— На послѣднее.

Вильямъ Беккеръ нажалъ кнопку.

— Генераль Коле. Доставьте господина доктора Глоссина на аэропланъ.

Генераль кивнулъ доктору. Въ открывшуюся дверь видны были солдатскіе мундиры. Люди генерала окружили Глоссина.

Генераль Коле шелъ на десять шаговъ впереди, избѣгая близости изгнанника. Быстро добрался онъ до аэроплана и сталъ въ сторону, въ то время, какъ его люди слѣдили за посадкой Глоссина. Отъѣздъ доктора совершился иначе, чѣмъ отъѣздъ Цируса Стонарда.

Когда дверь каюты закрылась, Эрикъ Труворъ подошелъ къ турбинамъ. Аэропланъ сразу поднялся ввысь, пожирая пространство километръ за километромъ.

Солнечный дискъ, наполовину скрытый горизонтомъ, снова показался. Ледяная пустыня простиралась подъ аэропланомъ.

Стоя у руля, Эрикъ Труворъ видѣлъ это... Взглянувъ вверхъ, онъ сжалъ кулаки, словно грозя невидимому врагу.

Одна единственная мысль занимала его больной мозгъ: выше!.. все выше!..

Аэропланъ все поднимался. Но онъ былъ предназначенъ для полетовъ на высотѣ лишь тридцати километровъ.

Регуляторъ показалъ Эрику Трувору, что онъ поднимается уже медленнѣе, что сила турбинъ уже убываетъ.

Съ его губъ снова сорвался жуткій глухой смѣхъ.

— Они не могутъ добраться выше!.. Ихъ власти пришелъ конецъ!.. Но я, я обладаю ею!.. Я буду подниматься пока вы, тѣ, кто тамъ наверху, не будете ниже меня...

Онъ ловко удалилъ заградитель отъ рычаговъ лучеиспускателя и сконцентрировалъ всю энергію въ камерахъ большихъ турбинъ.

Результатъ этого сказался тотчасъ же. Турбины, работавшія вяло и неравномѣрно, закружились в бѣшеномъ вихрѣ, увлекая за собой пропеллеры.

Аэропланъ неудержимо поднимался. Онъ уже давно перешагнулъ предѣльную высоту и теперь вошелъ въ зону полярнаго сіянія.

Аэропланъ поднимался, просторъ ширился. Онъ поднялся уже на высоту ста километровъ.

Выше... Еще выше... Напрасно наполнялъ онъ турбины энергіей, рискуя разорвать ихъ, напрасно бѣшено вращались готовые сломаться пропеллеры. Атмосфера на этой высотѣ была слишкомъ разрѣжена, чтобы поддерживать аэропланъ. Выше онъ не могъ подняться.

Отъ бѣшеннаго движенія пропеллеровъ металлическій корпусъ аэроплана гудѣлъ, какъ натянутая струна. Рѣзкій звукъ, толчекъ врѣзался въ это гудѣніе. Эрикъ Труворъ отступилъ на шагъ. Аллюминіевая стѣна возлѣ него вогнулась, словно ее снаружи ударили камнемъ.

Жуткій смѣхъ Эрика Трувора смѣшался съ шумомъ мотора.

— Вы грозите мнѣ!.. Вы смѣете мнѣ грозить!.. Смѣете прикасаться къ моему аэроплану!.. Подождите... вы... Я сожгу васъ!..

Новый трескъ, и новая выбоина въ корпусѣ Р. Ф. с. I. Металлъ далъ трещину. Еще немного, и корпусъ постепенно началъ становиться прозрачнымъ. Кислородъ разсѣялся въ безвоздушномъ пространствѣ.

Въ третій разъ образовалась выбоина.

Эрикъ Труворъ не понималъ страшной опасности, въ которую такъ легкомысленно ринулся.

Ему чудились невидимые враги, которые хотѣли вырвать у него власть. Однимъ прыжкомъ подскочилъ онъ къ лучеиспускателю, ведя самъ круги вокругъ аэроплана. Турбины, лишеныя энергіи, перестали работать. Машина камнемъ падала внизъ.

— Берегись, судьба!.. Бѣги, судьба, я тебя сожгу!..

Эрикъ Труворъ произнесъ эти слова съ безумнымъ смѣхомъ, заставляя лучъ шарить вокругъ. Но постоянное паденіе аэроплана лишало его движенія увѣренности, дѣлало невыполнимой и безъ того трудную задачу дѣйствовать лучемъ. Онъ больше не могъ управлять имъ.

Р. Ф. с. I. падалъ все ниже и ниже. Атмосфера сгущалась, опасность стала меньше.

И вдругъ резкій толчекъ. Метеоритъ съ кулакъ величиной проломилъ обшивку аэроплана и ударился о рычагъ лучеиспускателя. Во время своего безумнаго полета Эрик Труворъ удалилъ предохранители. Рычагъ перешелъ за предѣльную полосу... Энергія въ десять милліоновъ киловаттъ взорвалась въ аэроплане, въ самомъ лучеиспускателе... Отъ Р. Ф. с. I. осталось только огненное облако.

Сіяющее сентябрьское утро встало надъ паркомъ Мейтландъ Кастля.

Свѣтлый день, весь синій и золотой, былъ безоблаченъ, но владѣлица Мейтландъ Кастля тосковала. Діана Мейтландъ безъ устали бродила по запутаннымъ тропинкамъ. Ночью она получила извѣстіе, что ея мужъ долженъ вернуться сегодня. Мирный договоръ былъ подписанъ.

Она безпокойно бродила по парку, и чуть ли не въ сотый разъ прошла мимо главнаго входа.

Какая-то фигура привлекла ея вниманіе. Кто-то приближался къ калиткѣ. Она могла уже различить отдѣльныя подробности, и по темной бронзовой кожѣ признала въ томъ человѣкѣ индуса.

Діана взглянула на его лицо, въ блестящіе глаза и почувствовала, какъ ея волненіе уступаетъ мѣсто благодѣтельному покою. Такъ стояла леди Діана, владѣлица Мейтландъ Кастль передъ смуглымъ незнакомцемъ. Но развѣ ворота не были заперты?.. Развѣ они не должны были всегда находиться на запорѣ?.. Никого изъ слугъ не было вблизи. Діана, наконецъ, спросила.

— Что вамъ надо здѣсь?

— Я ищу Яну Бурсфельд!..

Діана вздрогнула отъ ужаса.

— Чего вы хотите отъ нея?

— Я хочу ей оказать, что Сильвестръ Бурсфельдъ умеръ.

— Умеръ!.. Сильвестръ Бурсфельдъ умеръ?

Ея взгляды не отрывались отъ блестящихъ глазъ индуса. Что скрывалось за этимъ высокимъ лбомъ?

— Кто вы?

— Я Сома Атма, другъ Сильвестра Бурсфельда.

— Вы Сома Атма?.. Одинъ изъ трехъ?

— Послѣдній!

— Послѣдній?

Атма поклонился, скрестивъ руки на груди.

— А остальные?..

— Умерли...

— Умерли... Оба умерли?.. Эрикъ Труворъ тоже?..

Шатаясь добралась Діана до ближайшей скамьи. Она не слышала автомобильнаго рожка, возвѣщавшаго о пріѣздѣ ея мужа, не видѣла, какъ онъ вышелъ изъ автомобиля, не видѣла, какъ онъ остановился въ изумленіи и какъ Атма подошелъ къ нему, а потомъ они оба стали ходить взадъ и впередъ по ведущей къ замку дорогѣ. Она пришла въ себя только при зовѣ своего мужа.

— Діана!.. Діана!..

Сломило ли Діану извѣстіе о смерти Эрика Трувора или просто подѣйствовали событія послѣдняго времени? Лордъ Горацій не зналъ этого, но чувствовалъ, что слѣдующія минуты должны ему это объяснить.

Діана услышала этотъ зовъ и испугалась. Растерянно глядѣла она на мужа, словно на чужого.

— Горацій!.. Горацій!!..

Это былъ крикъ изъ глубины души.

— Горацій!!.. ты!.. ты!!..

Лордъ Мейтландъ обнялъ Діану. Онъ чувствовалъ какъ ея сердце порывисто бьется, какъ она вся дрожитъ.

— Діана...

Онъ заботливо повелъ ее обратно къ скамейкѣ. Онъ хотѣлъ заговорить, но не могъ. Она повисла у него на шеѣ, обвивъ ее руками, словно затѣмъ. чтобы никогда не отпустить его.

Его глаза радостно вспыхнули.

— Діана...

Въ этомъ словѣ былъ вопросъ, но было и ликованіе. Онъ попробовалъ мягко разнять крѣпко охватившія его руки, поднять ея лицо, но она сопротивлялась. Еще крѣпче обвили ея руки его шею, еще тѣснѣе прижалась она къ нему.

И лордъ Мейтландъ понялъ, что она всегда принадлежала ему. Радостно взглянулъ онъ на сіяющее солнце, крѣпко держа Діану въ объятіяхъ.

Такъ они сидѣли, тѣсно обнявшись, забывъ обо всемъ окружающемъ, забывъ о неутомимомъ времени. Наконецъ, солнечный свѣтъ померкъ, какая то тѣнь упала на нихъ. То была тѣнь Атмы, стоявшаго передъ ними. Его присутствіе вернуло ихъ къ дѣйствительности.

— Гдѣ Яна Бурсфельдъ?

Словно ледяное дуновеніе проникло въ ихъ сердца.

— Яна?.. — Діана вскочила, — бѣдная Яна. Я провожу васъ къ ней.

Медленными, неувѣренными шагами пошла она впереди обоихъ мужчинъ къ Янѣ. При звукѣ приближающихся шаговъ Яна подняла голову. Ея глаза переходили съ одного на другого. Потомъ она узнала Атму, вскочила и побѣжала ему на встрѣчу.

— Атма! Атма! Ты... Ты здѣсь?

Ея лицо сіяло счастіемъ.

— Атма, ты здѣсь? Гдѣ Сильвестръ? Когда онъ придетъ... Когда онъ заберетъ меня?

Атма стоялъ неподвижно. Онъ обѣими руками поймалъ Яну, когда она бросилась ему на встрѣчу и повисла на его шеѣ. Медленно, какъ тяжелыя капли, упали съ его губъ слова:

— Сильвестръ... твой мужъ... умеръ.

Яна неподвижно лежала на рукѣ Атмы. Онъ подвелъ ее къ скамьѣ и усадилъ.

— Сильвестръ Бурсфельдъ умеръ.

Въ тишинѣ осенняго утра достигли эти слова слуха леди Діаны, уцѣпившейся за руку своего мужа. И въ третій разъ повторилъ Атма печальную вѣсть:

— Сильвестръ Бурсфельдъ умеръ.

Яна Бурсфельдъ выслушала эти слова безъ слезъ и жалобъ. Медленно подняла она блѣдное лицо и уставилась въ сіяющее небо, прислушиваясь къ тому, что говоритъ Атма.

Онъ говорилъ о послѣднихъ часахъ Сильвестра, о томъ, какъ ему удалась послѣдняя работа, какъ онъ довель свое открытіе до высшей степени совершенства.

Неподвижность Яны смѣнилась легкой дрожью.

Атма опять заговорилъ. О томъ, что Сильвестръ умеръ унося съ собой извѣстіе отъ Яны, что и послѣ смерти на его губахъ была улыбка, а окоченѣвшія руки все еще держали телеграмму.

Яна слышала это, и ея неподвижный взглядъ заблестѣлъ. Ея губы дрожали, но она успокаивалась.

— Его имя и призваніе продолжаютъ жить въ тебѣ. Заботься о Сильвестрѣ, заботься о его ребенкѣ...

Онъ опустилъ руки. Яна стояла передъ нимъ. Его вліяніе продолжало дѣйствовать. Всѣ ея мысли и чувства сосредоточились на зрѣющей въ ней жизни.

Она улыбнулась, краска вернулась на ея лицо. И она прошла мимо Сомы Атмы, мимо лорда Горація и леди Діаны, направляясь въ замокъ.

Первый приступъ горя она перенесла на рукахъ Атмы. Ея жизнь будетъ посвящена наслѣднику Сильвестра.

Діана Мейтландъ увидѣла, какъ Яна направилась къ дому. Она дрожала подъ впечатлѣніемъ разыгравшейся сцены. Ее страшило, что Яна будетъ плакать, лишится силъ, умретъ... А теперь видѣла, что она спокойна.

Ея колѣни подгибались и она оперлась на руку мужа. Атма медленно слѣдовалъ за Яной Бурсфельдъ. Проходя мимо леди Діаны и лорда Горація, онъ замедлил шагъ. Потомъ остановился.

Медленно, отрывисто заговорилъ онъ:

— Благословенъ этотъ домъ! Въ его стѣнахъ родятся наслѣдники двухъ родовъ... Заботьтесь о нихъ!.. Берегите ихъ!.. Они носители будущаго...

Онъ пошелъ дальше...

— Діана! Что искалъ индусъ?.. Что онъ хотѣлъ сказать?.. Два наслѣдника?

Діана Мейтландъ смотрѣла въ землю. Лордъ Горацій

с мягкой настойчивостью заставил ее поднять голову и посмотреть на него.

— Два наследника. Діана, что хотелъ сказать Атма?

— Онъ увидѣлъ и сказалъ то, что есть.

— Діана!

— Горацій!

Въ этихъ двухъ короткихъ словахъ заключалось все ихъ будущее.

Нѣжно и заботливо велъ лордъ Горацій жену къ старому родовому замку Мейтландовъ, словно въ его рукахъ находилось сокровище.

Докторъ Глоссинъ испыталъ тройной ударъ судьбы. Потерявъ честь, власть и деньги, онъ былъ вынужденъ покинуть Штаты. Слишкомъ поздно понялъ этотъ хитрецъ, что время неограниченнаго владычества прошло, что у правительственнаго корабля стали люди съ другими принципами.

Онъ былъ лишень власти, къ которой привыкъ въ теченіе двадцати лѣтъ, безъ которой казалось ему, онъ не можетъ жить и дышать. Накопленные имъ за эти годы милліоны были конфискованы. Послѣ словъ Вилльяма Беккера у него оставалось ровно столько, чтобы не быть вынужденнымъ просить милостыню въ Англіи.

Онъ прибылъ въ Англію на утро послѣ той бурной ночи, когда патріоты выгнали его изъ Вашингтона. Лишь одно чувство еще поддерживало въ немъ волю къ жизни, привязывало его къ существованію: то была его любовь къ Янѣ Бурсфельдъ.

Яна находится въ домѣ Мейтландовъ. Могъ ли онъ показаться тамъ? Потребовать обратно дѣвушку, которую выдалъ за свою племянницу.

Это были щекотливые вопросы. Слишкомъ многое произошло съ тѣхъ поръ, какъ лордъ Мейтландъ далъ ему свое обѣщаніе. Выступленіе неизвѣстной власти и безъ него способствовало бы сверженію диктатора. Это обстоятель-

ство въ значительной мѣрѣ должно было ослабить англичанъ.

Нужно было спѣшить. Глоссинъ прибылъ въ Мейтландъ Каствль въ то самое утро, когда тамъ находился Сома Атма. Его знакомство съ мѣстностью позволило ему незамѣченнымъ пробраться въ паркъ и заросшими тропинками пробраться къ замку. Его планъ былъ настолько простъ, что не могъ не удался въ другое время: незамѣтно приблизиться къ Янѣ, снова подчинить ее себѣ и вмѣстѣ съ ней покинуть паркъ. А потомъ — прочь изъ Англіи, въ какую-нибудь чужую страну, гдѣ не знаютъ доктора Глосси-на, гдѣ онъ, на остатки своего бывшего богатства, сумѣетъ прожить съ Яной.

Докторъ Глоссинъ все ближе подходилъ къ замку. Узкая, извилистая тропинка вела къ восьмиугольному павильону. Съ другой стороны этой постройки болѣе широкая дорога вела изъ парка на поляну; тамъ онъ увидѣлъ Яну, одиноко сидящую подъ большимъ букомъ.

Докторъ Глоссинъ пожиралъ ее глазами. Онъ былъ у цѣли своихъ желаній. Осторожно хотѣлъ онъ приблизиться и выполнить свой планъ.

Звуки голосовъ, шелестъ приближавшихся шаговъ заставили его остаться на мѣстѣ, а потомъ отступить шагъ за шагомъ, чтобы укрыться отъ взглядовъ приближающихся за деревьями у павильона.

Онъ увидѣлъ лорда Горація, который направлялся по дорогѣ въ замокъ. Рядомъ съ нимъ шелъ смуглый чело-вѣкъ. Онъ зналъ его со времени исторіи въ Зингъ-Зингъ и образъ его часто грозно вставалъ передъ нимъ послѣ гибели Р. Ф. с. II.

Атма одинъ направился къ Янѣ.

Глоссинъ прижался къ двери павильона. Она не была заперта и поддавалась. Здѣсь царилъ полумракъ. Жалюзи на окнахъ были спущены и дневной свѣтъ, проникая только черезъ щели, наполнялъ помещеніе невѣрной полутьмой.

Докторъ Глоссинъ подошелъ къ окну и сталъ наблюдать черезъ щель за происходящимъ въ паркѣ.

Онъ увидѣлъ, какъ Атма поддерживалъ Яну, какъ они направились къ замку. Опытный глазъ врача открылъ ему,

что она беременна. Онъ отскочилъ отъ окна и упалъ на стоявшую въ полутемномъ помѣщеніи садовую скамью. Исчезла послѣдняя надежда, связывавшая его съ жизнью. Яна была потеряна для него. Она подарить наслѣдника тому, ненавистному...

Пора было кончать.

Въ теченіе многихъ лѣтъ докторъ Глоссинъ сознавалъ возможность, даже необходимость добровольной смерти. Онъ хорошо обдумалъ различные виды смерти и обзавелся для этого средствами.

Онъ располагалъ моментально и безболѣзненно дѣйствующими ядами, наркотиками, которые вызываютъ пріятный сонъ, незамѣтно переходящій въ смерть. Внезапное изгнаніе и бѣгство лишили его всѣхъ этихъ средствъ. При немъ оставался только маленькій браунингъ, съ которымъ онъ никогда не разставался, который однажды направилъ на Сильвестра,

Онъ вытащилъ его и рѣшительно приставилъ къ груди. Выстрѣлъ прокатился по маленькому павильону. Тѣло Глоссина, вытянувшись, упало со скамьи на каменный полъ, въ тотъ самый моментъ, когда Аتما вошелъ въ павильонъ.

Онъ уложилъ умирающаго на скамью, провелъ рукой по его глазамъ и вискамъ, и кровь изъ раны потекла медленно, потомъ остановилась.

Къ раненому возвращалось сознаніе, но туманное, обрывистое. Передъ его закрытыми глазами проходили различные видѣнія.

Докторъ Глоссинъ попытался овладѣть этими видѣніями. Отчаяннымъ усиліемъ заставилъ онъ себя думать.

— ...Я неудачно стрѣлялъ... Пульсъ останавливается... Предсмертный бредъ...

Его мысли прогнали навожденіе. Всѣ фигуры исчезли. Передъ его глазами остался лишь блѣдный туманъ.

Время проходило. Умирающій не зналъ, были ли то секунды или вѣка.

Туманъ сталъ сгущаться. Изъ него выдѣлилась новая фигура.

Глоссинъ увидѣлъ два спокойно глядящихъ на него

глаза, они показались ему знакомыми, напомнили ему давно прошедшія времена.

Изъ тумана выступили черты лица. Высокій лобъ, бѣлокурая борода.

Такой видъ былъ у Гергарта Бурсфельда тридцать лѣтъ назадъ. Онъ былъ въ бѣломъ тропическомъ костюмѣ, который носилъ тогда въ Мессопотаміи.

Глоссинъ попробовалъ избавиться отъ этого видѣнія.

— Нужно открыть глаза, тогда все исчезнетъ.

Съ безконечнымъ трудомъ попробовалъ онъ поднять вѣки, и рѣшилъ, что это ему удалось. Онъ воспринялъ впечатлѣніе пространства, увидѣлъ окно и балки. Но фигура Гергарта Бурсфельда не исчезла. Она только стала менѣе отчетливой, наполовину прозрачной, такъ что мебель была видна сквозь нее, какъ сквозь вуаль.

Вторая фигура появилась возлѣ первой. То же лицо, та же борода. Тѣ же глаза, вопросительные и обвиняющіе.

Такимъ въ послѣдній разъ видѣлъ Сильвестра Бурсфельда докторъ Глоссинъ, когда Р. Ф. с. II растаялъ въ огнѣ лучеиспускателя.

Сынъ рядомъ съ отцомъ... Онъ отчетливѣе, менѣе прозраченъ. Отецъ похожъ на старую потускнѣвшую картину, сынъ расцвѣченъ живыми красками.

Глоссинъ почувствовалъ, какъ его жизнь уходитъ, и не жалѣлъ объ этомъ. Онъ стремился уйти отъ этихъ мучительныхъ образовъ и воспоминаній въ страну забвенія.

Къ обѣимъ фигурамъ присоединилась третья, бронзовая фигура индуса. Большіе лучистые глаза остановились на умирающемъ.

Казалось, будто индусъ читаетъ мысли Глоссина.

Тоска доктора по успокоенію обострилась.

Кровь снова полилась изъ раны и вмѣстѣ съ ней уходила жизнь. Вздохъ, легкая судорога... Глоссинъ отошелъ въ темную страну, откуда нѣтъ возврата.

Конецъ.